

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45 2021
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (387) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Мария Николаевна Ахметова* (1932–2020), российский доктор педагогических наук, профессор.

Мария Николаевна родилась в городе Скопин Московской (ныне Рязанской) области. Она окончила Читинский государственный педагогический институт, после чего работала учителем русского языка и литературы школы № 4 Читы. В 1968 году Мария Николаевна окончила аспирантуру при МГПИ имени В. И. Ленина.

Ахметова работала старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой Читинского государственного института им. Н. Г. Чернышевского, также была участницей областных и Центральных педагогических чтений и выступала как организатор клуба свободного общения старшеклассников «Бригантина». Ее творческий подход к использованию наследия классика современной педагогики А. С. Макаренко был замечен и поддержан Л. И. Новиковой, сотрудником Института педагогического образования и образования взрослых АПН СССР. Важнейшие идеи научного исследования она изложила в книге «О воспитательной работе со старшеклассниками». Мария Николаевна Ахметова — соавтор книги «Школа, комсомол и мы», сборника «Свободное время школьников». В журналах «Воспитание школьников», «Педагогика», на страницах «Учительской газеты» публиковались ее статьи по проблемам взаимодействия личности и коллектива, пронизанные духом братства, гуманизма, гражданственности и творческих дерзаний. За серию интересных статей в журнале «Клуб и художественная самодеятельность» Марии Николаевне было присвоено звание Лауреата. В 1976 году в Иркутске был напечатан ее труд «Воспитай в себе прекрасное», ставший настольной книгой студентов.

Мария Николаевна внесла огромный вклад в теорию и практику подготовки учителей для школ Забайкалья. Созданная ею секция «Коллектив и личность» работала в тесном контакте с лабораторией НИИ ОПВ АПН СССР под руководством Л. И. Новиковой. Вскоре Ахметова была избрана на должность профессора кафедры педагогики и защитила докторскую диссертацию.

Она опубликовала очень важные в условиях перехода вуза на многоуровневую систему образования учебные пособия: «Живое знание», «Встреча» — теория и практика, «Метаидеализация как становление общечеловеческого идеала: поиск педагогических решений». Будучи профессором кафедры педагогики, Мария Николаевна осуществляла рецензирование кандидатских диссертаций, была научным руководителем аспирантов кафедры педагогики, организатором внеклассной и внешкольной работы, руководителем первой в Чите школы передового опыта. Ее педагогические новации получили признание в СССР, Монголии, Чехословакии.

Профессор Ахметова создала школу начинающих научно-педагогических исследователей, в работу которой вовлекла весь коллектив кафедры и многих учителей школ и преподавателей вуза. Она помогла обрести свое индивидуальное научное лицо многим педагогам.

За педагогическое творчество Мария Николаевна Ахметова была награждена значками «Отличник народного просвещения РФ», «Отличник просвещения СССР», медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда СССР», медалями им. К. Д. Ушинского, «За заслуги перед Читинской областью».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Каргина Л. В.

Исторические аспекты формирования института морального вреда в гражданском праве России 63

Кольчурин А. Г., Петросян К. А.

Меры безопасности, применяемые в ходе судебного разбирательства 66

Коровицкая В. О.

Проблемы выявления, расследования и предупреждения преступлений в сфере оказания медицинской помощи 69

Костенко Р. Л.

Принципы и методы борьбы с коррупцией в таможенных органах Российской Федерации . 72

Кузин Н. А.

Источники гражданского права 73

Кузьменко Н. Е., Сайфулина Л. Р.

Некоторые экологические вопросы, возникающие при уголовной ответственности за загрязнение атмосферы 80

Латыпова К. С., Дымшеева С. Д.

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации 82

Оздоева Е. М.

Суд по интеллектуальным правам: история учреждения, полномочия и проблемные аспекты 83

Погребной А. И.

Обжалование процессуальных решений в рамках досудебного производства 87

Салахова А. А.

Современные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка 89

Свирский М. Д.

Освобождение от доказывания в гражданском судопроизводстве 92

Селезнев С. Д.

Статистика как инструмент совершенствования уголовного законодательства 94

Сидоренкова Д. В.

Личность преступника как главный объект изучения в криминологии 96

Сухоручко А. Е.

Отдельные аспекты административных правонарушений в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции 98

Теплякова Т. Е.

Уголовная ответственность за совершение разбоя по законодательству зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ 101

Тимаков М. А.

Деятельность российского нотариата в судопроизводстве 103

Тимаков М. А.

Становление и функции института нотариата в России 105

Трифонов О. А.

Гарантии уголовно-процессуальных прав потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: историко-правовой аспект 108

Федичева А. Э.

Реализация правоспособности корпоративного юридического лица через его органы 110

Федорова Е. О.

Участие прокурора в предварительном слушании 112

Филатов Н. С. Некоторые вопросы разграничения ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ.....	114	Худи М. А. Некоторые проблемы соблюдения прав и интересов ребёнка при лишении его родителей родительских прав	122
Фролов С. С. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов.....	118	Худяков И. Ю. Электронное правосудие: проблемы, тренды, перспективы.....	124
Фролов С. С. Организация работы по надзору за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами местного самоуправления.....	120	Цунаева Д. Ф. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве.....	126
		Шнайдер Л. А. Представительство — особая правовая категория.....	129

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Исторические аспекты формирования института морального вреда в гражданском праве России

Каргина Людмила Вячеславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в настоящее время моральный вред официально признан одним из видов ущерба, причиняемого потерпевшему противоправными действиями иных лиц. Основы формирования ответственности за вред, носящий неимущественный характер, были заложены еще древнерусским законодательством, однако правовое воплощение институт морального вреда получил только в поздний советский период, оставаясь при этом слабо урегулированным.

Цель настоящей статьи — провести ретроспективный анализ формирования института морального вреда в гражданском праве России, выделить его ключевые особенности и вехи развития. Методами исследования выступили исторический, логический, формально-юридический. В результате проведенного исследования предполагается уяснение исторического пути становления института морального вреда, выявление взаимосвязи между различными временными периодами развития гражданского права.

Ключевые слова: моральный вред, обида, ущерб, наказание, компенсация.

Historical aspects of the formation of the institution of moral harm in the civil law of Russia

Kargina Lyudmila Vyacheslavovna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The relevance of the topic of the article is due to the fact that at present moral harm is officially recognized as one of the types of damage caused to the victim by illegal actions of other persons. The foundations for the formation of liability for non-property damage were laid down by ancient Russian legislation, but the institution of moral harm received legal embodiment only in the late Soviet period, while remaining poorly regulated.

The purpose of this article is to conduct a retrospective analysis of the formation of the institution of moral harm in Russian civil law, to highlight its key features and milestones of development. The research methods were historical, logical, formal and legal. As a result of the conducted research, it is assumed to clarify the historical path of the establishment of the institution of moral harm, to identify the relationship between different time periods of the development of civil law.

Keywords: moral harm, offense, damage, punishment, compensation.

Институт морального вреда в российском гражданском праве традиционно привлекал внимание исследователей, однако длительное время не получал надлежащего правового регулирования в законе.

В различные периоды к проблемам компенсации нравственных страданий, причиненных человеку преступлением или иными противоправными действиями, обращались такие видные отечественные цивилисты, как Г.Ф. Шершеневич, Н.С. Малеин, А.С. Белякова,

Е.А. Михно, М.Я. Шиминова, В.М. Жуйков, А. Эрделевский и многие другие авторы, позиции которых нередко отличались полной противоположностью: от отрицания сущности морального вреда и, особенно, его материальной оценки, до обоснования незамедлительного введения данного института в систему гражданского права.

Сегодня продолжают выходить статьи, публикации, монографии, диссертационные исследования, посвя-

щенные различным проблемным аспектам морального вреда: определению размеров компенсации в зависимости от степени и тяжести причиненного ущерба; возможности компенсации морального вреда за вред, причиненный юридическим лицам и многим другим вопросам.

В числе последних значимых работ следует выделить диссертации М. Ф. Баглариду «Компенсация морального вреда, причиненного пассажиру при воздушной перевозке, по законодательству России и зарубежных стран» 2019 года; Ж. В. Цыренова «Организация обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» 2021 года; научно-аналитическое исследование группы авторов «Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в РФ» 2018 года и ряд иных публикаций.

Вышеизложенное подтверждает высокую актуальность исследуемого вопроса, свидетельствует о возрастающем интересе ученых и практиков к институту морального вреда в гражданском праве России.

Термины «вред», «ущерб» в ранние периоды развития системы российского права не использовались в кодифицированных актах. Любое правонарушение именовалось «обидой», без разделения на преступления или гражданско-правовые деликты. Как пишут исследователи, уже в первых договорах, заключенных между русскими князьями и греками, предусматривалась имущественная ответственность за причинение телесных повреждений, кражу, убийство. В последнем случае имущество виновного подлежало конфискации в пользу потерпевшего или членов его семьи [5, с. 181].

В Русской Правде — первом систематизированном нормативном акте Древней Руси — ответственность за «обиду» практически во всех случаях также носила имущественный характер. При наличии потерпевшего с виновного лица взыскивался штраф в пользу последнего; если правонарушением причинялся вред государству или иным значимым общественным отношениям, штраф выплачивался в пользу князя или церкви.

Фактически, уже в ранний период развития гражданского права наказания носили компенсационный характер. Можно сказать, что санкции в виде штрафа компенсировали «обиду» — преступление (правонарушение) и те негативные последствия, которые наступали вследствие причинения вреда. Тем самым российский законодатель объединял в одно целое институты физического, имущественного и неимущественного вреда, определяя единый способ и форму их компенсации.

Усложнение системы права и общественных отношений постепенно привело к разграничению имущественного и неимущественного вреда. В нормативных актах появились составы преступлений и правонарушений, предполагавших причинение преимущественно нравственных страданий: изнасилование, клевета,

оскорбление. Видоизменялись и наказания: помимо штрафа, который обычно назначался в двойном размере от убытков, понесенных истцом, к виновному лицу применялись телесные наказания, публичное бесчестье, тюремное заключение.

Так, анализ статей 28, 281 главы X Соборного уложения, статей 10, 11 главы XXII показывает, что «ложно обвинявший другого в незаконном происхождении подвергается взысканию бесчестья вдвое. «Кто на кого пустит собаку «нарочным делом и та его собака того, на кого ее пустили, изъест или платье издерет... и на нем велети истцу доправить бесчестье и увечь и убытки вдвое».

При этом занимаемое лицом социальное положение в обществе влияло на размер компенсации за причинение потерпевшему телесных повреждений, на что верно указывают исследователи [7, с. 19].

Вплотную к пониманию сущности морального вреда российский законодатель приблизился с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где была достаточно подробно регламентирована ответственность за преступные посягательства против чести и достоинства личности.

Преступными признавались такие действия, как:

— «обида, нанесенная ругательными или иными неприличными словами, ударами, неприличными действиями» (статья 2008);

— «сообщение или распространение заведомо ложных сведений о совершении кем-либо деяния, противного правилам чести» (статья 2017);

— «оскорбление, совершаемое путем распространения информации, негативно характеризующей кого-либо» (статья 2020).

В качестве наказаний предусматривались крупные штрафы, выплачиваемые в пользу виновного, что подчеркивало компенсационный характер санкций за причинение неимущественного вреда [6, с. 117]. Между тем, виновный мог быть подвергнут и тюремному заключению на срок до пяти лет.

В 1917 году, незадолго до Октябрьского переворота в доктрине горячо обсуждался проект Закона «Об обязательственном праве», где предусматривалась ответственность за «нравственный» вред практически для всех договорных отношений, а также при некоторых деликтах [8, с. 7]. Очевидно, что в случае воплощения проекта в жизнь в российской цивилистике полноправное закрепление получил бы термин «нравственный вред», что фактически является синонимом вреда морального.

Однако этому и другим значимым проектам было не суждено трансформироваться в закон в связи с революционными событиями 1917 года.

В советский период преобладающим стало мнение о том, что компенсация морального вреда в денежной форме недопустима. В немалой степени позиция законодателя базировалась на безапелляционном высказывании дореволюционного цивилиста Г. Ф. Шершеневича: «нужно проникнуться глубоким призранием к личности человека,

чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям» [9, с. 83].

Эта доктрина стала преобладающей в праве на долгие годы и способствовала тому, что в термин «моральный вред» впервые получил официальное закрепление в законе только в середине XX века.

Примечательно, что регулятором института морального вреда стал не Гражданский кодекс, а Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года, поскольку, согласно декларируемой позиции советского законодателя, только преступление могло причинить потерпевшему моральный вред в виде нравственных страданий.

Официальной дефиниции морального вреда в УПК не приводилось, что побуждало исследователей предлагать собственные определения морального вреда. Большинство из них сводилось к отождествлению морального вреда и нравственных страданий, которые причиняются преступным посягательством [4, с. 9].

В дальнейшем было обоснованно признано, что нравственные страдания могут причиняться любым правонарушением, не исключая и гражданско-правовых деликтов. Упоминание о моральном вреде появляется вначале в Кодексе РСФСР об административных правонарушениях 1984 г. (статья 248) [2], а впоследствии — в статье 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик [3].

В этой норме приводилась и первая легальная дефиниция морального вреда как физических или нрав-

ственных страданий, причиненных гражданину неправомерными действиями виновного лица.

Данное определение практически без изменений было перенесено в статью 151 действующего Гражданского кодекса Российской Федерации [1], где указывалось, что моральным вредом являются физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага гражданина.

Также законодатель сделал оговорку, указав, что моральный вред может быть причинен гражданину и в других случаях, предусмотренных законом. В этой же норме говорится о праве (но не обязанности) суда возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Итак, по итогам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что исторически обусловленным является формирование института компенсации морального вреда как способа защиты чести и достоинства личности.

В России термин «моральный вред» получил современное понимание только к началу XX века, однако в советский период данная правовая категория подверглась забвению и даже преследованию как чуждая советской идеологии. И лишь в процессе перестройки государственного механизма и общественного сознания законодатель признал за гражданами право на компенсацию морального вреда.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984 г.) // Свод законов РСФСР. Т. 8. с. 401 (утратил силу).
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 г. № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733 (утратили силу).
4. Дубриный, В. А. Потерпевший на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Саратов, 1966.
5. Краузе, А. В., Дадаян Е. В. История развития компенсации морального вреда в России // Научный альманах. 2019. № 2-1 (52).
6. Монастырский, Ю. Э. Убытки и нематериальный вред // Вестник гражданского права. 2019. № 2.
7. Николаева, Ю. С. История развития института компенсации морального вреда в российском гражданском праве // Юридический факт. 2021. № 132.
8. Пешкова, О. А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.
9. Сазанкова, О. В., Брагин М. К. История становления института компенсации морального вреда в РФ // Научный журнал. 2018. № 4 (27).

Меры безопасности, применяемые в ходе судебного разбирательства

Кольчури́н Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент;

Петрося́н Кристи́на Ашотовна, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Обеспечение безопасности жизни и здоровья участников уголовного процесса и их близких на современном этапе в России становится одним из важнейших условий достижения целей и задач уголовного судопроизводства, выступающим в качестве одного из наиболее эффективных средств противодействия преступности и достижения целей правосудия.

По общим правилам применения мер безопасности суд (судья) по закону уполномочен:

- принимать решения об обеспечении любых мер безопасности по уголовным делам, которые находятся в его производстве;
- самостоятельно применять процессуальные меры безопасности, указанные в ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ;
- принимать решение о мерах безопасности в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве;
- принимать решение о применении мер безопасности либо отмене этих мер, в том числе и по ходатайству уполномоченных должностных лиц.

Так, положение о принятии решения суда об обеспечении любых мер безопасности по уголовным делам, которые находятся в его производстве, содержит закон — часть 4 статьи 3 Федерального закона № 45-ФЗ. Данное положение об уголовно-процессуальной подсудности вопросов о применении мер безопасности подтверждается и судебной практикой. Например, позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу ясно выражена в Определениях Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 485-О-О и от 28 мая 2009 г. № 871-О-О: выбор нормы закона об обеспечении мер безопасности, подлежащей применению в конкретном деле, относится к ведению судов общей юрисдикции и не входит в компетенцию Конституционного Суда РФ.

Таким образом, можно сделать вывод — правовая база в рассматриваемом случае создана, остаются проблемными организационные мероприятия по обеспечению защиты участников уголовного судопроизводства [2].

Согласно руководящим разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, если в ходе исследования судом степени угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, либо его родственники и близкие лица, будет установлено наличие оснований, предусмотренных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, суд вправе применить к ним любые меры государственной защиты, предусмотренные законодательством РФ в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. При условии,

что такое решение не было принято органами предварительного расследования или прокурором [5].

Следует отметить, что в ходе судебного рассмотрения суд, обращает внимание на законность применения мер безопасности, поскольку их незаконное применение может нарушать интересы и права других участников процесса и влиять на достоверность представляемых доказательств.

По данному вопросу Верховный Суд РФ дополнительно указывает на то, что материалы, обосновывающие принятие решения о применении мер безопасности, в частности, в отношении свидетелей, должны исследоваться судьей единолично в силу их конфиденциальности [6].

На этапе судебного разбирательства суд вправе применить следующие процессуальные меры безопасности:

- предусмотренный частью 5 статьи 278 УПК РФ провести допрос свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства;
- на основании части 2 статьи 241 УПК РФ провести закрытое судебное заседание для защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в расследовании преступлений.

По общему правилу судебное разбирательство в России является гласным. Однако закон устанавливает исключения, одним из которых является обстоятельства, требующие обеспечить безопасность участника судебного разбирательства.

На основании пункта 4 части 2 статьи 241 УПК РФ, закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. При этом постановление о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании согласно части 3 статьи 241 УПК РФ может быть вынесено в отношении всего судебного разбирательства либо соответствующей его части. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ указал, что в интересах обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц такое решение может быть принято также в случаях, когда в отношении этих лиц меры безопасности не применялись [7].

Применение указанной меры безопасности часто оспариваются в суде лицами со стороны защиты. Основной аргумент заявителей — «проведение закрытого судебного заседания нарушает их конституционное право на открытое судебное разбирательство». Конституционный

Суд РФ, отказывая в принятии к рассмотрению подобных жалоб, указывает свою позицию:

специальные правила проведения процессуальных действий, в частности предусмотренная ч. 2 ст. 241 УПК РФ возможность проведения закрытого судебного заседания, «относятся к числу правовых средств, используемых в конституционно значимых целях, в том числе для обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений» [8];

в решении (определении либо постановлении) суда о проведении закрытого судебного разбирательства должны быть указаны фактические, конкретные обстоятельства, на основании которых суд принял данное решение [9].

При использовании опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего, в судебном заседании возникают те же проблемы, что и на этапе предварительного расследования.

Пример, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассматривала в судебном заседании от 28 января 2010 года уголовное дело по кассационным представлениям и жалобам, в которых оспаривались, в частности допустимость протоколов опознания в качестве доказательств, поскольку свидетели под псевдонимами допрашивались в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение. Судебная коллегия вопреки доводам кассационных жалоб, признала, что опознание проведено с соблюдением закона и в соответствии с Конституцией РФ, поскольку в месте нахождения опознающего находились лишь понятые, защитник в указанное место не допускался. При этом судьи Верховного Суда РФ ссылались на позицию Конституционного Суда РФ, высказанную Судом в Определении от 18 декабря 2008 года [10].

Аналогичная позиция Конституционного Суда РФ выражена в Определениях от 24.12.2012 № 2331-О (жалоба гражданина А.С. Колесникова на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 16, ч. 2 ст. 271 и ч. 1 ст. 277 УПК РФ).

Следует отметить, что применение меры, предусмотренной частью 5 статьи 278 УПК РФ, связано также с техническими проблемами. Во многих судах, а также в правоохранительных органах отсутствуют специальные помещения, которые обеспечивали бы условия, исключающие визуальное наблюдение свидетеля другими участниками уголовного судопроизводства. Нет также специального оборудования для изменения голоса и специалистов по обслуживанию такой техники [4].

На основании части 6 статьи 278 УПК РФ, в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления существенных обстоятельств для рассмотрения уголовного дела суд вправе предоста-

вить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями. Дополнительные разъяснения по данному вопросу содержит пункт 15 Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»: при рассмотрении вопроса об отмене мер безопасности суд должен выяснить мнение потерпевшего, с учетом которого и принять решение.

В качестве примера, когда данные о защищаемом лице были раскрыты при установлении существенных обстоятельств для дела, можно указать на следующий случай из судебной практики. При разбирательстве по делу о незаконном обороте наркотиков в отношении группы лиц Верховный Суд РФ удовлетворил ходатайство государственного обвинителя об оглашении показаний, данных в период следствия, поскольку в судебном заседании свидетель дала иные показания, чем на предварительном следствии [6]. Таким образом, с согласия государственного обвинителя перед стороной защиты были раскрыты сведения о личности анонимного свидетеля.

В статье 317.9 УПК РФ указаны меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого либо обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. По закону при необходимости обеспечить безопасность указанных лиц, а также их близких родственников, родственников и близких лиц, применяются меры безопасности, предусмотренные статьей 11 и пунктом 4 части 2 статьи 241 УПК РФ. Таким образом, на указанные лица распространяются все меры безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. На основании пункта 4 части 1 статьи 154 УПК РФ, если возникает угроза безопасности подозреваемого или обвиняемого, «материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность, изымаются из возбужденного уголовного дела и приобщаются к уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, выделенному в отдельное производство».

На основании части 7 статьи 20 Федерального закона № 45-ФЗ, суд (судья) при постановлении приговора по уголовному делу вправе выносить определение (постановление) об отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении указанных мер.

Так, если отсутствует заявление от защищаемого лица, суд уполномочен по ходатайству следователя принять решение о применении контроля и записи переговоров телефонных и др. — ч. 9 ст. 186 УПК РФ.

Как показывает анализ судебной практики, при решении данного вопроса об отмене мер безопасности существует несколько процессуальных правил, которые суд, к сожалению, иногда нарушает.

Показателен следующий пример. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 30 марта 2009 года отменила постановление судьи Верховного Суда Республики Марий Эл [11]. Основаниями для отмены стали многочисленные нарушения Верховного Суда Республики. Отменяя применение мер безопасности в от-

ношении свидетеля по уголовному делу, Суд Республики учел не все положения закона, регулирующие использование таких мер. Так, при отмене мер безопасности судья в постановлении сослался на то, что в связи с вступлением в законную силу оправдательного приговора производство по уголовному делу окончено и устранены основания для дальнейшего применения таких мер. Между тем согласно пункту 7 статьи 20 Федерального закона № 45-ФЗ принятие по уголовному делу итогового решения не исключает возможность дальнейшего применения мер безопасности, а по смыслу пунктов 1 и 3 указанной статьи отмена мер безопасности в связи с устранением оснований их применения допускается только при наличии проверенных данных, которые свидетельствуют о том, что необходимость в государственной защите лица отпала. Кроме того, были нарушены процессуальные нормы, в частности, получив ходатайство органа, обеспечивающего государственную защиту свидетеля, об отмене мер безопасности, судья не выяснил, устранены ли основания их применения. Также данное ходатайство разрешено не в судебном заседании и в отсутствие представителя органа, осуществляющего защиту, и самого защищаемого лица, которые о времени и месте рассмотрения данного вопроса не извещались. Указанные лица не имели возможности высказать свое мнение суду относительно тех обстоятельств дела, которые непосредственно касались значимых их прав и интересов.

При указанных обстоятельствах постановление судьи об отмене мер безопасности нельзя признать законным и обоснованным, поскольку оно как вынесено с нарушением уголовно-процессуального законодательства и подлежит отмене, а материалы судебного производства — следует передать на новое рассмотрение в тот же суд.

В качестве иных мер безопасности можно использовать следующие процессуальные действия, которые выполняются в ходе судебного разбирательства:

обеспечение безопасности участников процесса еще до открытия судебного заседания, поскольку нахождение указанных лиц до его начала в одном помещении может привести к конфликтам. Эта проблема решается с помощью отдельных специальных комнат ожидания для потерпевших и свидетелей обвинения. Создание таких комнат рекомендовано в пункте 3 статьи 8 Основного положения решения Совета Европейского союза от 15.03.2001 года «О месте жертв преступлений в уголовном судопроизводстве», где указано на необходимость исключения «контакта между жертвами и правонарушителями в здании суда, если только такой контакт не требуется для уголовного судопроизводства»;

удаление из зала судебного заседания подсудимого на то время, когда допрашиваются защищаемые лица вне зависимости от их возраста и процессуального статуса. Не смотря на то, что в УПК РФ идет речь только об удалении несовершеннолетних (часть 4 статьи 275 УПК РФ), применение данной меры безопасности не противоречит международным нормам, в частности пункту 3 статьи 14 Между-

народного пакта о гражданских и политических правах, где установлено, что обвиняемый имеет право «допрашивать показывающих против него свидетелей или имеет право на то, чтобы эти свидетели были допрошены».

В данном случае, удаленному на время допросов защищаемых лиц подсудимому после его возвращения должны быть оглашены их показания и предоставлена возможность задать им вопросы (лично либо в письменном виде через судью). На время ответов на вопросы подсудимый вновь удаляется из зала суда, а по возвращении ему оглашаются ответы допрошенного. В противном случае лишение подсудимого права задать вопросы лицу, допрошенному в его отсутствие, может повлечь отмену обвинительного приговора [12].

На этапе судебного разбирательства, на наш взгляд, необходимо рассматривать следующую проблемную ситуацию, имеющую непосредственное отношение к безопасности участников уголовного процесса, в частности для защиты потерпевших и свидетелей. Эти лица могут своевременно не знать о тех обстоятельствах в ходе уголовного судопроизводства, которые могут создать угрозу его безопасности. В частности, Воробей обращает внимание на то, что статья 110 УПК РФ, регулирующая отмену или изменение меры пресечения, не содержит предписание об обязанности следователя или суда при отмене или изменении меры пресечения сообщать об этом лицу, в отношении которого применены меры безопасности [3].

Таким образом, суд наделен особыми полномочиями, связанными с применением мер безопасности: вправе принимать решения об обеспечении мер безопасности, самостоятельно применять отдельные процессуальные меры безопасности, принимать решение об отмене мер безопасности. Все указанные законодательные положения находят подтверждение в судебной практике. Обеспечение на досудебной стадии уголовного процесса возможно при заключении с защищаемым лицом соглашения о сотрудничестве.

Анализ теории, законодательства и практики применения мер безопасности показывает, что в настоящее время четко определен перечень оснований и условий, детально разработан алгоритм действий принятия решения о применении мер безопасности. Проблемные вопросы связаны с использованием оценочных категорий: «реальность» угрозы, «достаточность данных» и «возможность финансирования», которые должны устанавливаться субъектом, уполномоченным применять меры безопасности. По отношению к отдельным категориям защищаемых лиц существуют особенности порядка реализации мер безопасности, которые являются обоснованными и согласуются с законодательством.

По уголовно-процессуальному порядку в ходе судебного разбирательства суд наделен особыми полномочиями, связанными с применением мер безопасности: вправе принимать решения об обеспечении мер безопасности, самостоятельно применять отдельные процессуальные меры безопасности, принимать решение об отмене мер безопасности по ходатайству других лиц. Все указанные законо-

дательные положения находят подтверждение в судебной практике. Только на данной стадии уголовного производства возможно применение таких процессуальных мер безопасности как закрытое судебное заседание и опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение

оппозирующего. Введение в УПК РФ статьи 317.9 позволяет обеспечить безопасность лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921
2. Тарасов, А. В. Вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в процессе расследования преступлений. Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (23 марта 2017 г.). Сборник статей/СКФ ФГБОУВО «РГУП». — Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2017. — с. 300-306.
3. Воробей, Д. А. Проблемы процессуальной безопасности свидетеля // Российский следователь. — 2011. — № 14. — С. 16.
4. Бородкина, Т. Проблемы и перспективы развития института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2010. № 4. с. 17.
5. Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9, сентябрь
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.04.2012 № 51-О12-15СП [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс», 2021.
7. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9, сентябрь.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 622-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. В. Скепского на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс», 2021.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 669-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузьмина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части второй статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс», 2021.
10. Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2010 № 41-009-95сп [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс», 2021.
11. Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2009 № 12-О09-8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 11.
12. Брусницын, Л. В. Комментарий.... // СПС «Консультант Плюс». — 2020. — с. 124

Проблемы выявления, расследования и предупреждения преступлений в сфере оказания медицинской помощи

Коровицкая Валентина Олеговна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Вопросы выявления, расследования и предупреждения преступлений в сфере оказания медицинской помощи гражданам с учетом расширения спектра ее возможностей в настоящее время являются наиболее актуальными и требуют к себе более пристального внимания.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинская помощь, дефекты оказания медицинской помощи.

Медицинская сфера, как никакая другая область услуг, вобрала в себя все новейшие достижения из различных областей науки, в настоящее время созданы вы-

сокоэффективные и современные методики диагностирования и лечения большого количества заболеваний. Но наряду с этим значительно возросла и опасность при-

чинения вреда пациентам в процессе оказания медицинских услуг.

В данной части следует отметить, что осуществление медицинскими работниками сферы здравоохранения своих профессиональных обязанностей напрямую затрагивает интересы всего населения независимо от возраста и социального положения, что ставит вопрос противодействия совершению преступлений, связанных с дефектами оказания медицинской помощи, в приоритет в работе следственных и правоохранительных органов, а также компетентных органов системы здравоохранения.

При этом при выявлении и расследовании ятрогенных преступлений следственные органы сталкиваются с рядом серьезных проблем. Так, до настоящего времени действующее уголовное законодательство не предусматривает отдельных статей о привлечении к ответственности медицинских работников. Кроме того, в уголовном праве отсутствует само понятие «дефект оказания медицинской помощи».

Чаще всего медицинские сотрудники привлекаются к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ст. 109 УК РФ), а также за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

В части привлечения к ответственности врача за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, органы предварительного следствия сталкиваются прежде всего с тем, что согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» врач не является самостоятельным субъектом данного преступления, так как чаще всего выступает от лица медицинской организации.

Так, Приморский районный суд Санкт-Петербурга рассмотрев материалы уголовного дела 05.02.2020 установил, что Г. являлся врачом-анестезиологом выездной бригады ООО «Центр ...», которая заключила договор со стоматологической фирмой «Клиника ...» на оказание анестезиологических услуг клиентам стоматологии. 02.07.2017 в «Клинику ...», прибыл пациент, которому было необходимо анестезиологическое пособие. Г. за работу должны были выплатить 18 процентов от общей суммы, которую должен был заплатить пациент. При этом Г. не провел своевременного квалифицированного обследования пациента перед проведением оперативного вмешательства (проведением наркоза), а также необходимые лечебно-диагностические мероприятия, связанные с подготовкой больного к наркозу» и ввел пациенту внутривенно явно увеличенную дозу препарата «Пропофол», использование которого в амбулаторных условиях без специального реанимационного оборудования запрещено, в связи с чем ввиду допущенной им профессиональной небрежности и невозможности ока-

зания первой помощи, наступила смерть пациента. Г. органом предварительного следствия вменялось совершение преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 238, ч. 2 ст. 109 УК РФ. При этом в части совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ с учетом положений Постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 уголовное преследование Г. было прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в части совершения ч. 2 ст. 109 УК РФ уголовное дело в отношении Г. было прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [5].

Также имеется ряд трудностей криминалистического характера, к которым в первую очередь стоит отнести латентность данного вида преступности, обусловленную наличием своего рода корпоративной этики и закрытости медицинской сферы. Так, основным источником поступления сообщений о ненадлежащем оказании медицинской помощи больным повлекшем их смерть в правоохранительные органы являются непосредственно обращения родственников последних.

К примеру, из учреждений системы здравоохранения в период с 2020 по настоящее время в следственные органы сообщений данной категории не поступало. При этом в настоящее время, к примеру, в производстве территориальных следственных отделов Санкт-Петербурга находится порядка 10 уголовных дел о ненадлежащем качестве оказания медицинской помощи.

Необходимо также отметить, что зачастую о возможной вине медицинских работников в гибели пациента становится известно при прошествии значительного периода времени, что прежде всего влечет за собой утрату необходимой медицинской документации, наличие которой необходимо для проведения судебно-медицинской экспертизы с целью установления качества оказанных пациенту медицинских услуг.

Именно получение медицинской документации может оказать наиболее важное значение при расследовании уголовного дела. Так как именно в ней содержится информация обо всех проведенных медицинских манипуляциях, она является основой для дальнейшего криминалистического анализа. Ее основополагающее значение состоит в том, что она фиксирует ход развития заболевания, и, следовательно, процедуру проведенного лечения, а также последовательность действий медицинского работника, в том числе основания для выбора способа лечения. Именно итогом всего вышеперечисленного является возможность проследить взаимосвязь действий медицинского работника и последствий оказанной им медицинской помощи [3].

Из вышеизложенного также следует проблема, выражающаяся в сложности доказывания вины медицинских работников. Основной причиной этого может являться легкость в фальсификации медицинской документации, поскольку до ее изъятия следственными органами она находится в распоряжении медицинского персонала и чаще всего оформляется рукописным способом.

Кроме того, анализом ряда уголовных дел в сфере ятрогении установлено, что медицинские карты пациентов в ряде случаев ведутся медицинскими работниками ненадлежащим способом, заполняются не в полном объеме, не содержат полных сведений об оказанных пациенту услугах, содержат вклеенные листы и дописки, что не позволяет должным образом дать правовую оценку и в том числе говорить о полноте и достоверности экспертных заключений, выполненных на ее основе.

Еще одной проблемой в части расследования ятрогенных преступлений является то, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела определяющее значение приобретает заключение эксперта, в выводах которого требуется наличие прямой причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи и наступившими общественно-опасными последствиями. В данном случае сложность заключается в первую очередь в том, что с ростом числа фактов совершения преступлений в виде отсутствия адекватной медицинской помощи в период развития каких-либо заболеваний, которым медицинские работники должным образом не воспрепятствуют, в результате чего и наступают неблагоприятные последствия. Данное обстоятельство обусловлено также тем, что экспертиза позволяет установить лицо, допустившее нарушение правил оказания медицинской помощи, то есть субъект преступления, а также степень его виновности и проанализировать сам ятрогенный процесс и установить его характер и динамику развития [4].

В частности, по многим делам о ятрогенных преступлениях летальный исход наступил в результате прогрессирования основного заболевания, например онкологии, или развития осложнения от полученной травмы на фоне неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. При этом в отдельных случаях указанные де-

фекты медицинской помощи фактически способствовали скорейшему наступлению неблагоприятного исхода.

В связи с изложенным полагается необходимым рассмотрение вопроса о полном переходе на методику ведения медицинских карт больных в электронном варианте с исключением внесения правок и исправлений. Кроме того, положительную роль может сыграть ведение видеодокументирования хода операций, так как восстановление событий позволят более точно сделать вывод о наличии ошибок в действиях медицинских работников.

Важной также является проблема надлежащей квалификации специалистов при проведении сложных оперативных вмешательств, в частности до настоящего времени спорным является вопрос проведения хирургического вмешательства онкологическому больному хирургом, а не хирургом-онкологом. Точного нормативного закрепления данный вопрос до настоящего времени не имеет несмотря на наличие в производстве ряда следственных подразделений уголовных дел, где данный вопрос является одним из подлежащих выяснению.

При этом в ходе расследования необходимо также учитывать разницу между допущенной врачебной ошибкой, то есть добросовестным заблуждением врача и допущенным непрофессионализмом при оказании медицинской помощи, то есть грубым нарушением установленного порядка ее оказания с целью правовой квалификации действий врача.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что несмотря на модернизацию сферы здравоохранения до настоящего времени вопросы качества оказания услуг в данной сфере требуют более детальной проработки и контроля. Кроме того, необходимо принятие органами государственной власти комплекса совместных мер как для своевременного выявления данных преступлений, так и для их предотвращения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021)
2. Постановление Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»
3. Тришина, А. М., Тисен О. Н. Первоначальный этап расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 5-2 (74).
4. Чапыгина, В. Н. Базовые проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // ЮП. 2017. № 3 (82).
5. Постановление Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга о прекращении уголовного дела № 1-26/20 // <https://primorsky-spb.sudrf.ru/>

Принципы и методы борьбы с коррупцией в таможенных органах Российской Федерации

Костенко Роберт Леонидович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В работе рассмотрены вопросы коррупции в таможенных органах, методы и принципы борьбы с ней.

Ключевые слова: коррупция, таможенные органы, борьба с коррупцией.

Коррупция берет своё начало с глубоких древних времен, и по сей день носит характер международного масштаба.

Определение слова «коррупция» изложено в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» — это злоупотребление служебным положением и полномочиями, дача и получение взятки, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения против законных интересов общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Наиболее распространенными видами преступлений коррупционной направленности, которые были выявлены подразделениями по противодействию коррупции, являются: дача и получение взятки, мошенничество, присвоение или растрата.

В вышеуказанном Федеральном законе, также изложены основные принципы борьбы с коррупцией, а это — законность, обеспечение и защита основных прав и свобод, открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (далее — ОМСУ), сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами, ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности, в том числе указаны органы власти Российской Федерации (далее — РФ), осуществляющие противодействие коррупции (ст. 5 ФЗ): Президент РФ, Федеральное собрание РФ, Правительство РФ, Федеральные органы государственной власти РФ, и ОМСУ, Генеральный прокурор РФ, Счетная палата РФ, также по решению главы государства, могут создаваться органы координирующие деятельность в области противодействия коррупции.

Изучая вопросы коррупции, можно выделить следующие методы борьбы с коррупцией в таможенных органах, это, к примеру, ротация кадров (в том числе руководствующий состав таможенного органа), повышение

уровня заработной платы, применение электронного декларирования, использование персональных видео регистраторов при осуществлении должностных обязанностей, ужесточение уголовной ответственности.

К методам борьбы с коррупцией в таможенных органах Российской Федерации также следует отнести мероприятия, изложенные в плане Федеральной таможенной службы (далее — ФТС) утвержденный приказом ФТС России от 30.09.2021 г. № 848 «Об утверждении плана Федеральной таможенной службы по противодействию коррупции в таможенных органах Российской Федерации, представительствах таможенной службы Российской Федерации в иностранных государствах и учреждениях, находящихся в ведении ФТС России, на 2021-2024 год». К ним можно отнести организацию приема сведений о доходах и расходах, подаваемых должностным лицом на себя, супругу (супруга) и детей; анализ предоставленных сведений; контролировать обязанность о сообщении получения подарка в связи с занимаемым должностным положением; обеспечивать взаимодействие с другими органами государственной власти по вопросам противодействия коррупции; исключение случаев совершения таможенных операций одним и тем же должностным лицом; обеспечение функционирования «телефонов доверия» и другие мероприятия [2].

В заключение следует отметить работу подразделений таможенных органов по противодействию коррупции за первое полугодие 2021 года: по материалам данных подразделений возбуждено 158 уголовных дел. Из них по преступлениям коррупционной направленности — 124 уголовных дела (50 — в отношении 40 должностных лиц таможенных органов, 53 — в отношении 50 взяткодателей). Наибольшее количество дел, в том числе по коррупционной составляющей, возбуждено Северо-Западным таможенным управлением (41 и 22 соответственно) и Дальневосточным таможенным управлением (20 и 16 соответственно).

Таким образом, доля уголовных дел коррупционной направленности в общем количестве коррупционных уголовных дел, возбужденными всеми правоохранительными органами Российской Федерации в отношении должностных лиц таможенных органов, составила 94,34% [3].

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (с изм. И доп.). [Электронный ресурс]:// Российская газета — Федеральный выпуск № 0 (4823)// [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html/>
2. Приказ ФТС России от 30.09.2021 г. № 848 «Об утверждении плана Федеральной таможенной службы по противодействию коррупции в таможенных органах Российской Федерации, представительствах таможенной службы Российской Федерации в иностранных государствах и учреждениях, находящихся в ведении ФТС России, на 2021-2021 года»// [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/21pr0848/>.
3. Результаты работы подразделений по противодействию коррупции// информационные материалы за 1 полугодие 2021 года// [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://customs.gov.ru>

Источники гражданского права

Кузин Никита Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье рассматриваются основные виды источников гражданского права. Автор раскрывает понятие источников гражданского права, их особенности, характеристику, применение и значение.

Ключевые слова: источники гражданского права, норма права, гражданское законодательство, нормативно-правовой акт, обычай.

Sources of civil law

Kuzin Nikita Alexandrovich, student master's degree
Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

The article deals with the main types of sources of civil law. The author reveals the concept of sources of civil law, their features, characteristics, application and meaning

Keywords: sources of civil law, rule of law, civil legislation, normative legal act, custom.

Источники гражданского права, представляющие совокупность правовых норм, призваны регулировать большой комплекс гражданских правоотношений. В результате развития экономики, перехода на рыночные отношения возникли новые формы взаимодействия между субъектами, возникли новые объекты их взаимоотношений. Сфера практической деятельности людей охватывает многообразные отношения: трудовые, семейные, экономические, производственные, образовательные, юридические, имущественные, торгово-рыночные. Поэтому возникает необходимость в регулировании новых правоотношений, защите прав и свобод граждан. Следовательно, вопрос исследования источников гражданского права является всегда актуальным.

Значение источников гражданского права состоит в том, что без внешней формы проявления, право как таковое, не существует. Только через свое внешнее выражение (через нормы) оно приобретает общеобязательное значение. Только с помощью источников гражданского права можно определить сферу его действия по кругу ре-

гулируемых отношений, по территории, по субъектам. Представляя собой систему, которой свойственны связи субординации, источники гражданского права обеспечивают реализацию принципа верховенства закона в сфере гражданско-правового регулирования, единые «правила игры» в рыночной экономике.

Источники гражданского права понимают как его начало, то из чего оно возникает. Источники показывают, «откуда появляются и где «живут» юридические нормы. Понятие источники гражданского права отражают способы формального определения (внешней выраженности) правил поведения участников общественных отношений, входящих в предмет отрасли [26, с. 44].

Понятие «источники права» известно еще римскому праву. Его ввел в научный оборот римский ученый Тит Ливий при характеристике Законов XII таблиц — свода, который даже спустя несколько веков признавался источником всего публичного и частного права. [22, с. 10]

В настоящее время источники гражданского права можно рассматривать как правовое явление динами-

ческое, развивающееся во времени и пространстве, которое испытывает влияние, как со стороны государства, так и общества, и в то же время, само воздействующее на них.

Источниками права являются совокупность правовых норм, под которыми понимаются формально-определенные общеобязательные правила поведения, установленные и признанные государством, и которые обеспечиваются мерами государственного принуждения.

Гражданско-правовые нормы распространяют свое действие на всех участников гражданских правоотношений. Предписываются законодательной властью правила поведения субъектам права. Сформулированные правила поведения — гражданско-правовые нормы, законодательной властью облакаются в форму закона. Значит, источник гражданского права — есть закон. А именно внешним выражением гражданско-правовых норм и является источник гражданского права.

В. К. Андреев определяет норму права как единицу отрасли права. За счет объединения однородных норм образуются правовые институты (подинституты), совокупность же последних составляют подотрасль права [17, с. 22]. Данные нормы закрепляют в себе весь спектр принципов и функций регулирования общественных отношений в сфере гражданского права.

Совокупность правовых норм, которые регулируют имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие между участниками гражданского оборота и основанные на равенстве сторон, их независимости и имущественной самостоятельности, представляет собой гражданское право [21, с. 37].

Источники российского гражданского права подразделяются на несколько различных видов. Классификация их является многоуровневой и не имеет определенного критерия.

И. В. Кушнир предлагает следующую классификацию источников гражданского права:

- Гражданский кодекс РФ и федеральные законы РФ, регулирующие гражданско-правовые отношения;
- подзаконные акты, содержащие нормы гражданского права (указы Президента, постановления Правительства РФ, нормативные акты иных федеральных органов исполнительной власти);
- нормативные акты СССР и РСФСР;
- обычаи делового оборота;
- нормы международного права и международные договоры. [25]

А. И. Иванчак пишет, что источники права могут быть таких видов, как правовой обычай, нормативно-правовой акт, судебный прецедент, акты и договоры международного характера [23, с. 9].

В. А. Белов выделяет из общей массы источников права: правовые акты и «их противопоставление всем другим видам источников — обычаи, деловые обыкновения, правила заведенного порядка и доктринальные положения» [18, с. 166]. В гражданском праве редко вы-

деляют обычаи как источники права, иногда — обычаи делового оборота.

Неправильно было бы считать сведение всех источников гражданского права к одним лишь нормативным правовым актам, как считает В. А. Белов. Должны присутствовать как нормативные правовые акты, так и ненормативные. Акты ненормативного (индивидуального) свойства регламентируют общественные отношения и обеспечиваются в своем осуществлении силой государственного принуждения, поэтому также являются правовыми. Это акты, которые относятся к определенному или неизменному кругу лиц. К ним относится большинство административных актов, судебных актов и договоров.

Нормативные акты, нормативные договоры и обычаи — такие источники гражданского права выделяет В. А. Микрюков. Классифицируются данные правовые акты по значимости и юридической силе. Самую объемную и главную часть источников гражданского права составляют нормативные акты и нормативные договоры. [26, с. 44]

Статья 3 Гражданского кодекса РФ [10] закрепляет систему нормативно-правовых актов, содержащих нормы гражданского права. К ним относятся:

- 1) Конституция РФ;
- 2) ГК РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, регулирующие гражданские правоотношения;
- 3) иные акты, содержащие нормы гражданского права:

— указы Президента РФ, которые не должны противоречить ГК РФ и иным законам;

— постановления Правительства РФ, принимаемые на основе и во исполнение ГК РФ и других законов, а также указов Президента РФ;

— акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, содержащие нормы гражданского права, в случаях и в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами.

Нормативно правовой акт — это принятый в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом акт, устанавливающий обязательные для неопределенного круга лиц и рассчитанные на неоднократное применение, правила поведения, направленные на урегулирование общественных отношений [28, с. 10].

Из Постановления Государственной Думы Федерального Собрания от 11 ноября 1996 г. «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» следует, что «нормативный правовой акт — это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм» [13]. Здесь же поясняется, что правовая норма — это «общеобязательное государственное предписание постоянного или времен-

ного характера, рассчитанное на многократное применение».

Нормативно правовым актам присущи следующие признаки:

- их издают компетентные государственные органы или непосредственно народ в определенном процедурном порядке;
- они носят государственно-властный характер;
- охраняются государством, в том числе в принудительном порядке;
- обладают юридической силой, то есть способностью реально действовать и порождать юридические последствия;
- документальная форма, имеют установленную форму и реквизиты, указания о времени и месте принятия, а также подписи надлежащих должностных лиц, разбиты чаще всего на части, разделы, главы, параграфы, статьи и т. п.; любой нормативный правовой акт содержит четкие положения о том, на какую территорию или круг лиц распространяется действие акта;
- являются частью строгой иерархии и системы права [22, с. 38].

Нормативно правовыми актами являются: Конституция РФ; федеральные конституционные законы, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы, принятые в соответствии с ним.

Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ [1]: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Это значит, что Конституция РФ является основополагающим и высшим по юридической силе нормативно-правовым актом. Конституция РФ является для законотворческой деятельности основополагающим актом прямого действия. Другие нормативные акты не должны противоречить Конституции РФ, в противном случае, такой акт должен быть отменен Конституционным Судом РФ и не должен применяться вообще.

Конституция как основной закон государства учреждает, юридически оформляет политическую форму существования общества, систему органов государственной власти, устанавливает порядок их формирования и способ функционирования, закрепляет права и свободы человека и гражданина [22, с. 42].

Конституция РФ содержит в себе нормы о гражданских правах: о личных правах и свободах граждан (ч. 2 ст. 6, гл. 2); о свободе экономической деятельности (ст. 8); о собственности (ст. 9, ст. 35, ст. 36); об участии граждан в управлении делами государства (ст. 32); о свободе литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ст. 44) и др.

Наряду с Конституцией РФ к числу актов высшей юридической силы относятся общепризнанные принципы

и нормы международного права, а также международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией. Они являются способом урегулирования общественных отношений, если нормы российского законодательства не разрешают или разрешают иначе гражданско-правовые вопросы. Это значит, что указанные правовые акты являются стандартом и приоритетом для российского законодательства.

Общепризнанная норма международного права — это правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом, в качестве юридически обязательного [16, с. 25].

Документами, содержащие международные нормы гражданского права, являются: Устав ООН [2], где они занимают основное положение в иерархии международным норм; Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров [4]; Конвенция ООН по охране промышленной собственности [5]; Конвенция ООН против коррупции [6]; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН [3] и др.

Федеральные конституционные законы обладают высшей юридической силой по сравнению с обычными федеральными законами. Они применяются в особом порядке по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ: Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» [8]; Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» [7]; Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» [9] и др.

К источникам гражданского права, обладающим меньшей юридической силой, относятся такие нормативно-правовые акты, как Гражданского кодекса РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов РФ, что представляет собой в совокупности гражданское законодательство.

Существуют нормативные правовые акты, издаваемые на основе и во исполнение законов. По своей юридической силе они вторичны, поэтому называются «подзаконными актами» или «иными правовыми актами» (п. 6 ст. 3 ГК РФ).

Подзаконные акты направлены на конкретизацию и воплощение законов в жизнь. Они являются средством реализации законодательных норм [27]. Могут регулировать гражданские правоотношения только в случаях и в порядке, предусмотренных ГК РФ, иными федеральными законами или Указами Президента. Если при решении конкретного дела возникает ситуация, когда подзаконный акт противоречит закону, то предпочтение должно быть отдано закону.

Субъектами, которые могут принимать и утверждать подзаконные нормативные акты, являются:

- государственные органы;
- руководители ведомств или министерств;
- территориальные органы власти;

— руководители учреждений, организаций, предприятий.

В связи с этим подзаконные акты бывают: локальные, индивидуальные, региональные, федеральные, местные.

И к ним относят указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты федеральных министерств и ведомств.

Согласно п. 6 ст. 3 ГК РФ к подзаконным актам применимы следующие требования:

— они не должны противоречить не ГК РФ, ни принятым в соответствии с ним федеральным законам (п. 3, ст. 3); их нормы, нарушающие данное правило, не подлежат применению (п. 5 ст. 3);

— действие и применение иных правовых актов определяются правилами гл. 1 ГК РФ, которые регулируют действие и применение норм гражданского законодательства (п. 6 ст. 3);

— постановления Правительства РФ, содержащие гражданско-правовые нормы, могут приниматься только на основании и во исполнение норм ГК, иных законов и указов Президента (п. 4 ст. 3). При не соблюдении этого правила, они не подлежат применению (п. 5 ст. 3).

Федеральные органы исполнительной власти такие, как федеральные министерства, федеральные агентства, службы и иные федеральные органы также могут осуществлять нормативно-правовое регулирование вопросов, относящихся к сфере их компетенции, но только в случаях, прямо установленных указами Президента РФ или постановлениями Правительства РФ. Согласно п. 7 ст. 3 ГК РФ указанные исполнительные органы могут издавать нормативные акты в случаях и пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами и иными нормативно правовыми актами. Кроме того, нормативные акты федеральных служб и агентств должны соответствовать актам министерств, которым они, как правило, подведомственны [18, с. 202]. Это значит, что по собственной инициативе без прямого поручения указанные органы принимать подзаконные акты не могут.

Ведомственные акты, которые касаются прав, свобод и обязанностей граждан, устанавливающие правовой статус организаций, а также акты межведомственного характера подлежат обязательной государственной регистрации в Федеральной регистрационной службе Министерства юстиции РФ и последующему официальному опубликованию в газете «Российская газета», которое должно осуществляться не позднее 10 дней после государственной регистрации этих актов. Акты, не прошедшие государственную регистрацию, либо не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу и не могут регулировать соответствующие отношения; на них нельзя ссылаться при разрешении споров [19, с. 70-71].

К актам исполнительных органов субъектов РФ относятся указы (постановления) и распоряжения, которые издаются в рамках своих полномочий главами респу-

блик, губернаторов, главами администраций автономных округов, областей. Указанные акты принимаются на основе и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, конституции (устава) и законов субъекта.

Локальные акты или индивидуальные акты могут считаться источником гражданского права, если они исходят от органов государственной власти и содержат общеобязательные для всех субъектов права предписания (правовые нормы) [14, с. 86]. Эти документы подлежат регистрации либо утверждению в государственных органах.

Обычай представляет собой исторически первую и самую древнюю форму права. Он был способом регулирования поведения в догосударственном обществе, в условиях родового строя. Он охватывал все сферы жизни: политическую, экономическую, духовную, социальную. Обычай в России был единственной формой существования позитивного права и играл существенную роль в регулировании имущественных и личных отношений.

Обычному праву не присущи «выраженность его требований в скрупулезно точных постановлениях» [22, с. 26]. В связи с этим нормы, которые вытекают из обычного права особые по содержанию и по характеру, и выражены в предписании границ и типа дозволенного поведения. Обычай сформировался из таких образцов поведения, которые складывались тысячелетиями и закрепляли полезный опыт человечества, подкрепляясь мощной этнокультурой. С появлением государственности многие из обычаев сохранили свое значение и перешли под защиту судебной системы, стали, таким образом, правовыми обычаями [24, с. 1].

В советский период в качестве источника права выступал правовой обычай. Под ним понималось санкционированное государством правило поведения, сложившееся в обществе в результате его многократного и длительного применения. Однако само государство отрицательно относилось к этой форме права, хотя полностью исключить из практики правовой обычай оно не могло.

Со временем в гражданском законодательстве происходили изменения, и обычай стал рассматриваться более широко, чем только «обычай делового оборота», как это было указано в ст. 5 ГК РФ в редакции до 2013 г. [11]. С этого времени обычай выходит и за пределы предпринимательской деятельности. Становится возможным его применение в «иной деятельности». И действительно, данные изменения должны были произойти, ведь сфера применения обычаев не ограничивается только деловым оборотом, их действие распространяется на любые гражданско-правовые отношения. Как пишет по этому поводу М. Н. Марченко: «роль обычая в разные времена менялась, но никем не отменялась» [24, с. 1].

В настоящее время согласно п. 1 ст. 5 ГК РФ под обычаем понимается «сложившееся и широко применяемое

в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, не зависимо от того, зафиксировано оно или нет в каком-либо документе».

Гражданское законодательство отводит обычаю второстепенную, вспомогательную роль перед законом или договором. Особенность обычая в этом и состоит, что в отличие от законодательства он всегда диспозитивен, поэтому стороны могут от него отступить [20, с. 41]. Он не применяется, если противоречит законодательству или договору в соответствующих правоотношениях (п. 2 ст. 5 ГК РФ). В обязательственных правоотношениях обычай применим только при отсутствии соответствующих правил в договоре, законе или правовых актах (ст. 309 ГК РФ).

Правило поведения может расцениваться в качестве обычая только в случае, если оно известно или должно быть непременно известно субъектам правоотношения, и если оно не закреплено как общеобязательное в нормативном акте (в противном случае оно утратит статус обычая). При этом обычай это такое правило поведения, как указывает А. В. Белов, которое образовалось «без действия (установления) публичной власти в результате длительного и регулярного применения одних и тех же правил к однородным случаям жизни, обеспеченное в своей общеобязательности принуждением со стороны публичной власти» [18, с. 205].

Гражданский кодекс в некоторых положениях обращается к конкретным видам обычаев как источнику права: к национальному обычаю (п. 1 ст. 19); к местному обычаю (ст. 221). Во многих статьях кодекса говорится об «обычно предъявляемых требованиях» (ст. 309). В качестве таких требований могут выступать, например, предусмотренные «обязательные требования к качеству продаваемого товара» (п. 4 ст. 469); требования по комплектности товара, «комплектность которого определяется обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями» (ст. 478); обычные требования к действиям покупателя для обеспечения передачи и получения соответствующего товара (п. 2 ст. 484), а также для осуществления платежа по договору купли-продажи (п. 2 ст. 485); обычаи, определяющие содержание и способ предоставления информации о товаре продавцом в розничной торговле (п. 1 ст. 495); требования обычной практики эксплуатации транспортного средства (п. 2 ст. 635); форма подтверждения приема вещей обычна для данного вида хранения (п. 2 ст. 887); обычаи, определяющие условия исполнения договора комиссии, не содержащего указания о таковых (ст. 992), и др.

Обычай как источник гражданского права обладает особенными чертами, выделенными Д. В. Ерофеевой [22, с. 28]:

— продолжительность существования. Данная черта определяется в связи с тем, что обычай складывается постепенно. Проходит определенное время, чтобы обычай приобрел силу;

— устный характер, как уже отмечалось, он может быть не зафиксирован документально и тогда он передается из поколения в поколение в устной форме;

— формальная определенность связана с тем, что из-за устной формы требуется более или менее точная определенность его содержания, ситуация, в которой он применяется, на какой круг лиц распространяется, последствия, влекущие его применение;

— локальный характер говорит о том, что действие обычая распространяется на определенной территории;

— санкционированность государством — это значит признание юридической силы обычая государством для того, т.е. его законности, чтобы обычай реально применялся в обществе.

Разновидностью обычая как источника права рассматривается обычай делового оборота, применяемый к регулированию предпринимательской деятельности и чаще представленный в виде правил, изложенных в каких-либо документах, т.е. документально зафиксированных. Например, в соответствии с п. 3 ст. 15 Закона РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» [12] правом свидетельствовать наличие торговых и портовых обычаев наделена Торгово-промышленная палата РФ.

В юридической литературе встречается классификация обычаев делового оборота по таким основаниям, как:

- по документальной зафиксированности;
- территории действия (применения);
- видам правовых норм, содержащихся в них. [29, с. 230]

Фиксация делового обычая не происходит в момент, когда он только сформировался и начал применяться на практике. Только со временем обычай может быть зафиксирован документально. И все же в большинстве случаев законодатель стремится быстрее сделать рациональные правовые обычаи частью нормативных актов, чтобы не возникало коллизий с их применением [15, с. 364].

Обычаи делового оборота фиксируются и в судебных актах. В этом случае обычай играет важную роль, ведь функция суда состоит в том, чтобы разрешать гражданско-правовые споры. В каждом случае применения того или иного правила в качестве обычая делового оборота суд обязан оценить его на предмет соответствия признакам обычая делового оборота. Например, суд кассационной инстанции согласно Постановлению Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа [30] установил, что указанные в договоре, заключенным между сторонами спора, условия (смета, коммерческое предложение подрядчика, особые условия договора, график производства работ, правила производства работ арендаторами в бизнес-центре, рабочая документация) по своей сути являются документом, унифицирующим обычай делового оборота, связанные с выполнением строительных и инженерных работ по проекту заказчика.

О территории действия или применения обычая делового оборота говорит тот факт, что он может действовать на определенной территории. Есть обычаи, которые соблюдаются на территории всего государства, а есть местные, соблюдаемые лишь в определенной местности, которые рассматриваются рассматриваться как частный случай региональных обычаев. Например, в ст. 221 ГК РФ говорится, что в «соответствии с местным обычаем на определенной территории допускается сбор ягод, добыча (вылов) рыбы и других водных биологических ресурсов».

Таким образом, источниками гражданского права является совокупность гражданско-правовых норм, которые характеризуются как общие правила поведения, вобравшие в себя все богатство социального опыта общества и государства, многообразие особенного, индивидуального, отдельного. Внешним выражением гражданско-правовых норм и является источники гражданского права.

Нормы гражданского права содержатся в нормативно-правовых актах, подзаконных актах, в обычаях. Они обладают разной юридической силой. И в зависимости от этого источники гражданского права подразделяются на законы, обладающие высшей юридической силой: Конституция РФ, общепринятые принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, федеральные конституционные законы РФ. Вторую ступень

по значимости занимает Гражданский кодекс РФ и федеральные законы, принятые в соответствии с ним. Меньшей юридической силой обладают подзаконные акты, включающие в себя: указы Президента, постановления Правительства, акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти.

К источникам гражданского права ГК РФ относит и акты исполнительных органов субъектов РФ, постановления местных структур власти; локальные документы. Эти документы имеют свое действие на территории определенного субъекта РФ и не должны противоречить законодательству.

Обычай также отнесен законодателем к источникам гражданского права как к вспомогательному источнику, если не применимы нормы закона или договора.

Источники гражданского права рассматриваются как основной теоретический аспект наряду с принципами, функциями, методами гражданского права при изучении основ гражданского права. Источники — это основа, откуда берут свое начало гражданско-правовые нормы. В указанных учебных пособиях вопрос источников права раскрывается в основном в отдельных главах или разделах, в которых более подробно рассматриваются вопросы происхождения норм права, классификация нормативно-правовых актов, разновидности, юридическая сила, рассматривается гражданское законодательство, его развитие, изменение, современное состояние.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) [Электронный ресурс] // веб-сайт ООН. URL. <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс] // веб-сайт ООН. URL. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980). По состоянию на 20.04.2018. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
5. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979). [Электронный ресурс] // информационно-правовой сайт — Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL. <http://legalacts.ru/doc/konventsija-po-okhrane-promyshlennoi-sobstvennosti-zakliuchena-v/>
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
7. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» от 30.10.2018
8. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» от 28.12.2016
9. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» от 03.07.2016
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»

11. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «ГАРАНТ»
12. Закон РФ от 07.07.1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» от 30.12.2015
13. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «ГАРАНТ». URL. <http://base.garant.ru/183350/#ixzz5e68Yptwf>
14. Абрамов, В. Ю., Абрамов Ю. В. Полный курс гражданского права России: Учебное пособие. Ч. 1: Общая часть. — М.: Статут, 2016. — 688 с.
15. Авакьян, С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь/С. А. Авакьян — М.: Юстицинформ, 2015. — 640 с.
16. Барбин, В. В. Конституция России и общепризнанные принципы и нормы международного права: соотношение и развитие // Труды Академии управления МВД России. — 2011. — № 3 (19). — с. 24-30
17. Гражданское право. Выпуск 1: Основные положения. Граждане. Курс лекций/Под ред. В. К. Андреева. — М.: РАП, 2013. — 123 с.
18. Гражданское право. Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для бакалавриата и магистратуры/В. А. Белов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 622 с.
19. Гражданское право: Учебник. В 2 т./Под ред. Б. М. Гонгалов. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 511 с.
20. Гражданское право: Учебник. Том I/Под ред. доктора юридических наук, профессора О. Н. Садикова. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006. — 493 с.
21. Л. Ю. Грудцына, А. А. Спектор Гражданское право России: Учебник для вузов. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2008. — 560 с.
22. Ерофеева, Д. В., Шагиева Р. В. Источники права: от римской правовой традиции до современности. — Калуга: Полиграф-Информ, 2010. — 112 с.
23. Иванчак, А. И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М.: Статут, 2014. — 151 с.
24. Кича, М. В. Обычай как форма права: актуальные проблемы сущностной характеристики // Философия права. — 2013. — с. 1-5. [Электронный ресурс] КиберЛенинка — научная электронная библиотека. URL. <https://cyberleninka.ru/article/n/obyчай-kak-forma-prava-aktualnye-problemy-suschnostnoy-harakteristiki>
25. Кушнир, И. В. Гражданское право. — 2010 [Электронный ресурс] // URL. <http://be5.biz/pravo/g029/index.html>
26. Микрюков, В. А., Микрюкова Г. А. Введение в гражданское право: Учебное пособие для бакалавров. — М.: Статут, 2016. — 128 с.
27. Новиков, Д. Б. Основные принципы построения эффективной СРПИ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» URL. <http://www.consultant.ru/about/nc/legalinfo/doklad/>
28. Основы гражданского права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 455 с.
29. Фомушина, Е. П. Классификация обычаев делового оборота // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: «Юриспруденция». — 2010. — № 2 (13). — с. 230-236
30. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 декабря 2013 г. № Ф07-3542/12 по делу № А56-55092/2011 (ключевые темы: односторонний порядок — подрядчик — расторжение договора — акт выполненных работ — приемка результата работы). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «ГАРАНТ». URL. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41067644/#ixzz5eDThvzqH>

Некоторые экологические вопросы, возникающие при уголовной ответственности за загрязнение атмосферы

Кузьменко Надежда Евгеньевна, студент;

Сайфулина Лилия Рафаильевна, студент

Научный руководитель: Власов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Красноярский государственный аграрный университет

В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с применением уголовной ответственности за загрязнение атмосферного воздуха по статье 251 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: окружающая среда, атмосфера, уголовная ответственность, административная ответственность, уголовный кодекс, Российская Федерация, экологические преступления, вред здоровью человека, правила выбросов в атмосферу.

Some environmental issues arising from criminal responsibility for pollution of the atmosphere

Kuzmenko Nadezhda Yevgenyevna, student;

Sayfulina Liliya Rafailyevna, student

Scientific adviser: Vlasov Valery Aleksandrovich, candidate of legal sciences, associate professor, head. department Krasnoyarsk State Agrarian University

The article considers the main problems associated with the use of criminal responsibility for air pollution to Article 251 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: environment, atmosphere, criminal liability, administrative liability, criminal code, Russian Federation, environmental crimes, harm to human health, rules for emissions into the atmosphere.

Общественные отношения, связанные с окружающей средой, являются важными и значимыми как для всего государства, так и для отдельного человека. Ведь загрязнение атмосферы негативно влияет как на природу, так и на здоровье человека и является одним из видов экологических преступлений и правонарушений, наказание за которых предусмотрено Кодексом об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Российской Федерации. Как указывалось выше — за данное деяние законодатель предусмотрел два вида ответственности: уголовную и административную. Уголовная ответственность за загрязнение атмосферного воздуха предусмотрена статьей 251 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная статья гласит, что «нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха, влечет за собой уголовную ответственность» [1].

Изучив данную статью, мы можем выделить сходства и различия правоприменения Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях при загрязнении атмосферного воздуха.

Так, например, общим признаком, определяющим составы того и другого кодекса, является подтверждение факта обнаружения выбросов, наличие вредных загрязня-

ющих веществ. Такие вещества должны быть с превышением предельно допустимых норм выбросов вредных загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Что должно быть подтверждено лабораторными исследованиями специализированной, аккредитованной организацией.

В настоящее время на территории Красноярского края действует филиал «ЦЛАТИ по Енисейскому региону», который в области экологии выполняет следующие виды работ: «проведение измерений и анализов, включая отбор проб, в области экоаналитического контроля и экологического мониторинга объектов окружающей среды (сточных и поверхностных, в том числе подземных, талых вод, активного ила, почв, грунтов, донных отложений, отходов, промышленных выбросов, атмосферного воздуха, воздуха производственной (рабочей) среды, биотестирование сточных и поверхностных вод, почв и отходов)» [8].

В указанное учреждение могут обращаться любые юридические и физические лица, вне зависимости от их организационно-правовой формы, в том числе и органы государственной исполнительной власти Красноярского края и правоохранительные органы власти Красноярского края. Тем самым обеспечивая доказательственную базу для подтверждения состава преступления или правонарушения в области охраны атмосферного воздуха.

Как нам известно из правовых источников в настоящее время действует Постановление Правительства РФ

от 9 декабря 2020 г. № 2055 «О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух», которое вступило в законную силу 1 января 2021 г. и действует до 1 января 2027 г.

Данное Постановление Правительства определяет «порядок разработки предельно допустимых выбросов для стационарных источников, для объектов хозяйственной и (или) иной деятельности, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, отнесенных в соответствии с законодательством Российской Федерации к объектам I категории по уровню воздействия на окружающую среду» [9].

Благодаря данному нормативному акту надзорным органам не составит труда определить, в том числе и вред, причиненный людям и окружающей среде вредными (загрязняющими) выбросами в атмосферный воздух.

Если же говорить о различиях в составах уголовного и административного деяния в области загрязнения атмосферного воздуха, то основным является следующее. Так в статье 8.21. «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» Кодекса об административных правонарушениях предусматривается запрет хозяйственной деятельности без специального разрешения на выбросы вредных веществ в атмосферный воздух, а также нарушение условий, содержащихся в указанном специальном разрешении и «нарушение правил эксплуатации, неиспользование сооружений, оборудования или аппаратуры для очистки газов и контроля выбросов вредных веществ в атмосферный воздух, которые могут привести к его загрязнению, либо использование неисправных указанных сооружений, оборудования или аппаратуры» [2].

Таким образом, мы видим, что основным условием для административного наказания является документ «специальное разрешение», которое выдается органами государственной власти края, такими как: Енисейское Межрегиональное управление Росприроднадзора и Министерство экологии и рационального природопользования Красноярского края (в зависимости от принадлежности хозяйственного субъекта).

Теперь поговорим о составе преступного деяния, обозначенного статьей 251 «Загрязнение атмосферы» Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная статья предусматривает нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха.

Также в статью 251 Уголовного кодекса Российской Федерации следовало бы добавить установление уголовной ответственности не только за деяние, повлекшее причинение вреда окружающей среде или здоровью человека, но и за деяние, которое создает угрозу причинения такого вреда, что имело бы существенное предупредительное, превентивное значение и повысило бы эффективность охраны окружающей среды, стимулируя потенциальных субъектов экологических преступлений к правомерному поведению.

Несмотря на то, что в настоящее время в законодательстве об охране атмосферного воздуха существует большое количество регулирующих нормативно-правовых актов и иных актов, но, к сожалению, это не решает проблем загрязнения атмосферного воздуха в городах и иных муниципальных образованиях. Поэтому мы считаем, что законодателю нужно рассмотреть вопрос об усилении мер ответственности как административного, так и уголовного наказания.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2021) // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.
3. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.
4. Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.07.2015 № 1316-р «Об утверждении перечня загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды» // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.
6. Приказ Минприроды России от 06.06.2017 № 273 «Об утверждении методов расчетов рассеивания выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферном воздухе» // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.
7. Приказ Минприроды России от 28.11.2019 № 811 «Об утверждении требований к мероприятиям по уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды неблагоприятных метеорологических условий».
8. <http://www.clati-er.ru/service/Ekologicheskaya-bezopasnost/> [электронный ресурс: дата обращения: 30. 10. 2021]

9. Постановление Правительства РФ от 9 декабря 2020 г. № 2055 «О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух» // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации

Латыпова Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент;

Дымшеева Сэсэг Доржиевна, студент магистратуры

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье авторы рассматривают вопросы, связанные с понятием и структурой криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации, подробно останавливаясь на некоторых наиболее значимых элементах. Так, например, раскрываются особенности данных о личности преступника, типичные следы, способы их совершения.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, мошенничество в сфере компьютерной информации, преступления, способ совершения.

В связи с активным развитием компьютерных технологий в повседневной жизни человека в последние годы происходит распространение таких общественно опасных преступлений, как мошенничество в сфере компьютерной информации. Исследуя процесс установления механизма данных преступлений очень важно учитывать ряд элементов и признаков, информация о которых может иметь значение для следователя в ходе раскрытия и расследования данного вида мошенничества. Полученные сведения о каждом из этих элементов, безусловно, характеризуются теми или иными особенностями, которые ложатся в основу формирования криминалистического знания о расследуемом общественно опасном деянии. Таким образом, они составляют криминалистически значимую информацию о данных преступлениях.

Под криминалистической характеристикой рассматриваемых преступлений понимается совокупность наиболее характерной, значимой информации о признаках и свойствах такого рода преступлений, способной служить основанием для выдвижения версий о событии преступления и личности преступника, позволяющей верно оценить ситуации, возникающие в процессе раскрытия и расследования компьютерных преступлений, обуславливающей применение соответствующих методов, приемов и средств [2, с. 21].

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации, как и характеристика любого преступления представляет собой обобщённое описание совокупности важной криминалистической информации, которая характеризует признаки и свойства преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Такая система представляет собой множество элементов: непосредственный предмет преступного по-

сягательства; способ совершения преступления, орудия и средства преступления; следы и механизм следообразования; обстановка совершения преступления, его пространственно-временной континуум. Все эти элементы находятся в корреляционной связи между собой, характеризуются особенностями проявления во внешней среде (киберпространстве), что и существенно отличает рассматриваемый вид мошенничества от других видов преступлений.

Особый интерес в рассматриваемой криминалистической характеристике представляют вопросы, касающиеся данных о личности мошенничества. К личностным характеристикам мошенников в рассматриваемой сфере преступлений можно отнести следующие особенности.

Это преимущественно мужчины в возрасте от 14 лет, при этом характерно увеличение среди них лиц от 20 до 40 лет. В основном это люди с профильным образованием, наличием хороших технических навыков. Часто их мотивом становится азарт, иногда даже вытесняя на второй план корысть, однако чаще ими движут оба мотива одновременно [1, с. 56].

Необходимо отметить, что мошенники пользуются компьютерной терминологией, специфичной в данной области, которая непонятна для лиц, не обладающими познаниями в рассматриваемой сфере. Анализируя их особенности, стоит заметить, что они достаточно замкнуты и не общительны, чаще выбирают общение в социальных сетях, а в реальной жизни очень некоммуникабельны и практически не имеют друзей. Их самооценка зачастую очень завышена, они считают себя гениями и поэтому к своим жертвам относятся неуважительно, любят риск, наделены аналитическим складом ума, логическим мышлением, при реализации преступных замыслов, про-

являют творческий подход. Немаловажным элементом рассматриваемой криминалистической характеристики являются следы, которые были оставлены в ходе совершения преступления и механизм их слеодообразования.

В качестве следов мошенничества в сфере компьютерной информации можно выделить электронные сигналы (команды), отправленные с компьютера преступника, по телекоммуникационным сетям с целью хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [3, с. 92].

У этих электронных сигналов есть точки начала и окончания их движения, то есть возможность их передачи между компьютерами, в качестве таких каналов связи можно рассмотреть персональный компьютер, либо иное технически сложное устройство, его IP-адрес.

К такому выводу мы приходим в связи с тем, что они имеют материальное отражение именно на материальных носителях, что позволяет нам установить их тождество, используя разработанные криминалистические приемы и средства. Поэтому такой подход, предложенный авторами, на наш взгляд, позволяет говорить о таких следах, как военные, террористические следы, технические следы и т. д.

Также хотелось бы затронуть еще один, не маловажный на наш взгляд элемент криминалистической характеристики, способ совершения преступления. Анализ научной

и нормативно-правовой литературы на сегодняшний день позволяет констатировать отсутствие единого подхода к классификации способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Это, как представляется, обусловлено небольшой наработкой судебной практики расследования данных преступлений, которые законодатель в Уголовном кодексе РФ выделил в отдельную ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» лишь с 2012 г. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [4, с. 146].

Остановимся на некоторых способах, совершения мошенничества, в сфере компьютерной информации перечень которых не является исчерпывающим:

— использование платежных сервисов различных интернет-ресурсов (как в российском сегменте сети Интернет, так и за его пределами) при осуществлении необходимых платежных операций с последующим обналичиванием денежных средств либо с приобретением различных товаров с использованием денежных средств со счета жертвы;

— взлом электронных кошельков (в том числе посредством рассылки вредоносного программного обеспечения либо ссылок на него) с последующим хищением денежных средств (их обналичиванием), переводом на другие счета, оплата услуг либо товаров через электронные платежные системы (YandexMoney, Webmoney, PayPal, Qiwi и др.).

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что все элементы криминалистической характеристики носят значимую информацию, отличаются особой специфичностью и взаимодействуют друг с другом в ходе реализации преступного замысла.

Литература:

1. Ермоленко, Д. А. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации // Юридические науки. — № 21 (1). — с. 56.
2. Коломинов, В. В. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: дис. к. ю. н.: 12.00.12 — Иркутск, 2017. — с. 21
3. Колминов, В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: криминалистический аспект // Право и законодательство. — № 6 (1). — 2015. — с. 92.
4. Коломинов, В. В. О способе совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Преступление-наказание-исправление. — 2015. — № 7. — с. 146.

Суд по интеллектуальным правам: история учреждения, полномочия и проблемные аспекты

Оздоева Ева Мусаевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются основные вопросы учреждения и функционирования Суда по интеллектуальным правам. Нарушения в сфере охраны и защиты авторских прав являются довольно частым предметом судебных споров в Российской Федерации. Для их решения был создан первый в России специализированный суд — Суд по интеллектуальным правам, учрежденный в соответствии с ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Основной причиной его

создания послужила перегрузка арбитражных судов всех уровней, влияющая на сроки прохождения дел. Споры, рассматриваемые Судом по интеллектуальным правам, имеют свою специфику, отличаются сложностью и требуют специальных и более глубоких познаний для качественного и своевременного рассмотрения дел.

Ключевые слова: суд по интеллектуальным правам; интеллектуальная собственность; интеллектуальные права.

В настоящее время в связи с активным реформированием экономики, установлением международных отношений и проникновением информационных и ИТ-технологий во все сферы жизни особую значимость приобрели права на результаты интеллектуальной деятельности, приравненные к ним средства индивидуализации и связанные с ними имущественные права. Связано это с изменением роли и функций «информации» в современном обществе и ее становлением непосредственным экономическим активом.

Значимость интеллектуальных прав для экономики Российской Федерации очень точно определил Е. М. Примаков в рамках международной конференции «Контрафактная продукция — проблемы и пути их решения»: «Эффективная защита интеллектуальных прав есть непременное условие для перехода России на инновационный путь развития». Таким образом, интеллектуальная собственность сегодня выступает самостоятельной экономической категорией и характеризуется особой коммерческой ценностью, нуждающейся, как и любой другой вид собственности, в правовой охране и защите.

Эффективная правовая охрана и защита объектов интеллектуальных прав являются необходимым условием для полноценного развития рыночной экономики государства, так как именно государственно-правовое обеспечение данной сферы способствует динамичному становлению и стимулированию инновационной деятельности субъектов предпринимательства.

Нарушения в сфере охраны и защиты интеллектуальных прав и по сей день является весьма распространенной проблемой для нашего государства. Обусловлена она стремительным развитием информационного общества и ростом объемов научного и творческого труда.

Вступление в силу Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой систематизируются и регулируются права на объекты интеллектуальной собственности, стала первым серьезным шагом России на пути формирования института правовой охраны и защиты интеллектуальных прав. Гражданским кодексом регламентировалось, что в случае нарушения интеллектуальных прав потерпевшее лицо обращается в суд общей юрисдикции или же в арбитражный суд. Однако судебная практика показала, что данная категория дел весьма сложна и специфична не только для лица, которое идет за защитой своих прав, но и для суда. Решением этой проблемы и одновременно следующим фундаментальным шагом стало создание в 2013 году первого (и пока единственного) для нашей страны специализи-

рованного суда — Суда по интеллектуальным правам (далее — СИП).

Правовая возможность его создания была заложена в ст. 26 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Самой по себе причиной учреждения такого суда стала очевидная необходимость в улучшении и повышении эффективности разрешения споров, связанных непосредственно с защитой и охраной прав на объекты интеллектуальной собственности. Связано это, как уже было обозначено, с особой сложностью и спецификой самого института интеллектуальной собственности. Ранее данная проблема разрешалась введением специализации для судей. Однако такой метод едва ли можно считать эффективным с учетом повышенной загруженности судов, разрешающих споры по всем остальным категориям дел.

Институт специализированных судов формируется для обеспечения прав человека и гражданина на справедливое судебное разбирательство. Специализированные суды создаются не только для того, чтоб снизить нагрузку на судей, но и с целью упрощения рассмотрения дел и разграничения субъектов этих правоотношений. Учреждение специализированного суда требует четкого определения подсудности дел и пристального внимания за взаимодействием с экспертными учреждениями, так как сроки проведения экспертизы непосредственно влияют на сроки рассмотрения дела, а качество экспертного заключения — на обоснованность выносимого решения.

Вопрос учреждения суда, специализирующегося на интеллектуальных правах, являлся актуальным еще в начале 90-х годов. Изначально планировалось создать так называемый Патентный суд. Однако в силу исторических и иных обстоятельств эта идея не воплотилась вплоть до возобновления данной дискуссии в 2010 году на Международной научной конференции «Специализация в экономическом правосудии — тенденции современного развития». Председатель Высшего Арбитражного Суда (ныне упразднен) А. А. Иванов говорил о том, что «углубление специализации — это тот путь, который требует развитие судебной системы».¹ С этого и началась активная деятельность по созданию Суда по интеллектуальным правам.

Следующей вехой в истории создания первого специализированного суда в России стал законопроект, подготовленный по инициативе Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В пояснительной записке к нему говорилось о том, что «увеличение числа споров, связанных с интеллектуальными правами, эффективно требует создания профессионального специализированного арбитражного суда, способного рассмотреть

1 Международная научно-практическая конференция в г. Самаре 23-24 апреля 2010 г.

спор качественно не только с правовой точки зрения, но и с учетом специфики того или иного интеллектуального права, подлежащего защите. При этом рассмотрение таких споров, как правило, требует наличия специальных знаний, восполнить отсутствие которых суду затруднительно в связи с загруженностью. Создание такого суда позволит повысить эффективность системы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации с учетом международных стандартов». [6] Законопроект о создании СИП был подписан Президентом РФ и официально опубликован. Так были внесены поправки в ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» и в ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Итак, 3 июля 2013 г., в соответствии с Постановлением пленума Высшего Арбитражного Суда, началось функционирование первого в России специализированного суда — Суда по интеллектуальным правам.

Важно отметить, что в процессе разработки концепции по созданию СИП был осуществлен серьезный сравнительно-правовой анализ опыта и законодательства зарубежных стран, имеющих в своей судебной системе подобный институт. При этом ряд специалистов считают СИП первым судом такого рода в мире. Так, например, И.Н. Елисеев отмечает, что «положение нового специализированного суда в системе арбитражных судов Российской Федерации уникально и не является копией какой-либо иностранной модели». [3, с. 90]

Суд по интеллектуальным правам обладает сложным правовым статусом. СИП является элементом системы арбитражных судов и рассматривает в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанции. [5, с. 96]

В соответствии со статьей 43.4 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в качестве суда первой инстанции СИП рассматривает:

1) дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии.

2) дела об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами;

3) дела по спорам о предоставлении или прекращении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивиду-

ализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (за исключением объектов авторских и смежных прав, топологий интегральных микросхем), в том числе:

4) дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности, федерального органа исполнительной власти по селекционным достижениям и их должностных лиц, а также органов, уполномоченных Правительством Российской Федерации рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения;

5) дела об оспаривании решения федерального антимонопольного органа о признании недобросовестной конкуренцией действий, связанных с приобретением исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг и предприятий;

6) дела об установлении патентообладателя;

7) дела о признании недействительными патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец или селекционное достижение, решения о предоставлении правовой охраны товарному знаку, наименованию места происхождения товара и о предоставлении исключительного права на такое наименование, если федеральным законом не предусмотрен иной порядок их признания недействительными;

8) дела о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования.

Также в силу части 3 статьи 43.4 Федерального конституционного закона от «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в качестве суда кассационной инстанции СИП рассматривает:

1) дела, рассмотренные им по первой инстанции;

2) дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации по первой инстанции, арбитражными апелляционными судами.

При этом важно отметить тот факт, что рассмотрение СИП дел в апелляционном порядке невозможно. Многими юристами и правоведами исключение апелляционной инстанции из компетенции Суда считается несовершенством и упущением процесса реформирования судебной системы. Ряд авторов наоборот поддерживает такой подход законодателя. Так, например, первый и единственный на настоящий момент Председатель Суда по интеллектуальным правам Л.А. Новоселова в своей монографии отмечает: «В данном случае отказ от апелляционной инстанции представляется оправданным. Категории споров, рассматриваемых Судом по интеллектуальным правам, обладают определенной спецификой, следовательно, апелляционная инстанция по данной категории споров дублировала бы рассмотрение дела в первой инстанции. В этом смысле принятое законодателем решение отвечает требованиям процессуальной экономии и стабильности судебных актов без ущерба их справедливости и обоснованности, которые обеспечиваются коллегиальным рассмотрением дел в первой инстанции, воз-

возможностью привлечения специалистов и направления запросов». [1, с. 26]

Находим необходимым обратить особое внимание на одно из важных полномочий СИП — обобщение судебной практики, которое способствует разрешению спорных вопросов в отношении интеллектуальной собственности. Так, например, Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28 марта 2014 г. № СП-21/4 «Об учреждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров» определяется, что при тождестве доменного имени и товарного знака — прав всегда владелец товарного знака. [2, с. 64]

Также важной и заслуживающей внимания является исключительная прерогативой СИП направлять запросы в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого дела (ст. 16 АПК РФ). Указанная норма достаточно скромна по объему содержащихся в ней положений. В ней закреплено следующее: во-первых, право СИП направлять запросы об упомянутых разъяснениях, консультациях, мнениях; во-вторых, обязательность этих запросов для всех органов, организаций и лиц, которым они адресованы; в-третьих, то, что срок рассмотрения и направления ответа по результатам рассмотрения запроса по общему правилу не должен превышать одного месяца со дня получения запроса. [4, с. 176]

Несмотря на успешное внедрение специализированного суда в судебную систему Российской Федерации, сама система СИП не лишена недостатков. Еще на этапе подготовки законопроекта было необходимым разрешить вопрос: будет ли СИП отдельным судебным учреждением или же подразделением уже действующих судов. Выбор пал на второй вариант. В соответствии с ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» Суд по интеллектуальным правам находится в системе арбитражных судов. Из этого следует, что к компетенции Суда по интеллектуальным правам относится рассмотрение экономических споров между юридическими лицами и другими субъектами предприни-

мательской деятельности. То есть законом исключается целая группа субъектов интеллектуальных прав (физические лица) и прямо указывается, что разбирательство о защите интеллектуальных прав возможно только в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Таким образом, авторы, изобретатели и другие физические лица, чьи права на объекты интеллектуальной собственности нарушены, лишены возможности обратиться в специализированный суд, созданный специально для защиты интеллектуальных прав и вынуждены обращаться за защитой своих прав в суды общей юрисдикции.

На наш взгляд, подобное ограничение субъектного состава является серьезным несовершенством российского законодательства. Невозможность обращения в Суд, созданный с целью улучшения системы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, видится нами непрактичной и нецелесообразной. Для построения четкой и гармонично функционирующей судебной системы необходимо выделить СИП из системы арбитражных судов.

Еще одним проблемным аспектом в функционировании СИП является стремительное развитие научно-технического прогресса, в связи с которым без того массивный объем специализированных знаний постоянно возрастает. Для восполнения подобных пробелов была сформирована новая для арбитражного процесса фигура — специалист. Если судье для принятия решения по спору не хватает каких-либо специфических знаний, то к делу привлекается специалист. Это, безусловно, растягивает рассмотрение дела. При этом необходимо отметить, что в законодательстве отсутствует четкое понимание правового статуса специалиста, которое исходя из арбитражной практики порой доходит до смешения его со статусом эксперта.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что создание в Российской Федерации специализированного арбитражного суда — явилось серьезным и важным шагом в сфере защиты и охраны интеллектуальных прав. Однако Суд по интеллектуальным правам, как элемент судебной системы, требует ряда доработок и реформ для более качественного и эффективного отправления правосудия.

Литература:

1. Блинец, И. А., Новоселова Л. А. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: Монография. Москва: Проспект, 2015.
2. Бродский, А. А. Суд по интеллектуальным правам в системе арбитражных судов РФ // Научный журнал. 2019. № 4 (38).
3. Елисеев, И. Н. Суд по интеллектуальным правам — первый специализированный суд в арбитражной системе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012.
4. Крысанова, Н. В., Рожкова М. А. Защита интеллектуальных прав: законодательные ошибки при определении статуса и компетенции специализированных органов, разрешающих дела в сфере промышленной собственности. — М: Статут, 2016. — 286 с.
5. Попова, С. С. Проблемы становления суда по интеллектуальным правам в России // Имущественные отношения в РФ. 2013. № 6.

6. Пояснительная записка «К проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральные конституционные законы «О судебной системе Российской Федерации» и «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам»// consultant. ru URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ; n=83243> (дата обращения: 12 июля 2021).

Обжалование процессуальных решений в рамках досудебного производства

Погребной Алексей Иванович, аспирант
Волгоградский государственный университет

В статье будет рассмотрен вопрос касательно обжалования гражданами процессуальных решений, выносимых органами предварительного следствия, органами дознания, в рамках подачи письменных заявлений и ходатайств. Будут выработаны пути совершенствования обращений граждан с жалобами в государственные органы, уполномоченные на их приём и рассмотрение по существу. Сформированы пути улучшения способов правовой защиты от необоснованных действий и решений органов, а так же должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Ключевые слова: жалоба, органы предварительного следствия, следователь, ходатайства.

Appealing procedural decisions in the framework of pre-trial proceedings

The article will consider the issue of appeals by citizens, procedural decisions made by the preliminary investigation bodies, the bodies of inquiry, as part of the submission of written applications and petitions. Ways will be developed to improve citizens' appeals with complaints to state bodies authorized to receive and consider them on the merits. The ways of improving the methods of legal protection against unjustified actions and decisions of bodies, as well as officials carrying out criminal prosecution, have been formed.

Keywords: complaint, preliminary investigation bodies, investigator, petitions.

Процессуальный акт достаточно сложен, но в то же время значим как для теории, так и для практики уголовного судопроизводства. Процессуальные обращения предполагают такие процессуальные документы, с которыми участники уголовного судопроизводства обращаются к государственным органам или иным лицам, в чью компетенцию входит принятие соответствующего решения, либо совершение необходимых действий [2, с. 124].

Наибольшее распространение в уголовном судопроизводстве получили такие виды обращений как ходатайство, жалоба, заявление. При ограничении конституционных и иных прав граждан зачастую ущемляются права, свободы и законные интересы данных лиц. Институт обжалования процессуальных решений, вынесенных следственными органами, органами дознания в нашем государстве осуществляется на основе ст. 19 УПК РФ, но в то же время отсутствует слаженный механизм возможности реализовать вышеуказанное право, в виду не подкрепления его системой правовых норм. Как и кто определит, что законные права и интересы лиц нарушены? На данный вопрос в нормативно-правовых актах ответа нет. Обратившись к понятийному мышлению, выясняется, что поданная жалоба на стадии досудебного производства подаётся в тот государственный орган или учреждение, где и было на-

рушено или ущемлено право лица. Обращаясь к правоприменительной практике, зачастую следователю, вынесшему процессуальное решение, ущемляющее право лица, возможно без должных оснований на то, в дальнейшем на исполнение ляжет жалоба лица, чьё право следователь возможно попрек. Но вот вопрос, не является ли это злоупотреблением со стороны должностного лица? В отсутствие нормативно-правовых документов по данному факту вопрос остается нерешённым. Главным средством по недопущению злоупотребления правом при обжаловании жалоб лицами, подавшими их, может стать оптимизация и совершенствование нормативных предписаний, уголовно-процессуальных норм, регламентирующих подачу таковых обращений.

Перечень лиц обладающим правом подачи жалоб в соответствии со ст. 19 УПК РФ на досудебном производстве, собственно, не ограничен. Все участники уголовного судопроизводства, если сослаться на ст. 123 УПК РФ, имеют право на обжалование. Более того, п. 58 ст. 5 УПК РФ наделяет правом «иных лиц» обжаловать процессуальные действия, если их интересы будут затронуты. Однако в нормативно-процессуальных документах не указано, какими правами обладают «иные лица», подающие обращение. Также, обращаясь к ч. 1 ст. 123 УПК РФ, мы понимаем, что отсутствуют ограничения по подаче жалобы на досу-

дебных стадиях. Подать жалобу возможно на любое действие (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суда [4, с. 57].

В досудебном производстве учтены разнообразные процедуры рассмотрения жалоб: ведомственное обжалование в соответствии со ст. 124 УПК РФ выражено в подаче обращения к следователю, руководителю органа предварительного следствия, прокурору, а также в рамках судебного обжалования ст. 125-127 УПК РФ судьё.

Подача жалобы на процессуальные решения, вынесенные органами следствия, дознания, при судебном обжаловании, имеет свои ограничения, по праву обжалования постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела. Суды в своих решениях ссылаются на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10.02.2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, в котором сказано, что при проверки законности решений следователя, руководителя органа предварительного следствия, прокурора, судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. Судья не должен делать выводы о фактических обстоятельствах дела, оценивать доказательства, давать квалификацию деянию». На наш взгляд необходимо пересмотреть в нормативно-правовых актах перечень решений, не подлежащих обжалованию в рамках ст. 125 УПК РФ.

В настоящее время отсутствует регламентация к форме оформления жалобы в нормативно-процессуальных документах. Данный аспект зачастую подвергается критике и рассматривается как злоупотребление лицом подавшим жалобу, на что указывает В. В. Малинин [3, с. 48]. Жалоба по своей сути — это письменное или устное обращение лица, в котором сообщается о нарушении прав, с просьбой об отмене незаконного решения или защите прав от незаконных действий. Вышеуказанный аспект и отличает жалобу от других обращений, таких как заявления или ходатайства. На наш взгляд, необходимо в нормативно-правовых актах установить обязательные нормы по форме и содержанию жалобы. В данные нормы необходимо включить полные реквизиты и данные зая-

вителя, указывать, какая норма права нарушена, сведения о ранее поданных жалобах и в какие структуры. Вместе с тем, подача обжалований не ограничена ни количеством, ни сроками обжалования. Действительно, могут возникать случаи, когда отсутствие нормативных сроков подачи жалобы порождает негативные ситуации, к примеру, обжалование решений следователя по уголовному делу, по которому судом уже принято решение, уничтожены вещественные доказательства, имеющие значение для уголовного дела. В таких случаях интересы других лиц ставятся в прямую зависимость, подаст ли заинтересованная сторона жалобу или нет. По данной проблематике многие авторы-процессуалисты высказывают предложения об установлении сроков реализации права на обжалование. Одни авторы высказываются за срок в пять суток с момента, когда лицо узнало о нарушенных правах, другие выдвигают четырнадцать суток, третьи ограничение подачи заявления в течении одного года [1, с. 19]. Для решения вопроса со сроками обжалования обращений необходимо подходить дифференцированно, установить срок обжалования 10 суток на отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела, приостановление производства по уголовному делу. В остальных случаях дать возможность обжалования в течении 2 лет с момента нарушения законных прав и интересов лиц.

Другая немаловажная проблема, которая вызывает дискуссии, это альтернативность обжалования решений следственных органов, органов дознания, прокуратуры. Процессуальное решение, которое обжалуется, дублируется, как и органы предварительного следствия, органы прокуратуры по одному и тому же обстоятельству. Необходимо также выработать методологическую базу для порядка подачи и разрешения обращений с жалобами.

Делая вывод по приведённым доводам, хочется отметить, что необходим баланс, который позволит всесторонне защитить законные права и интересы участников уголовного процесса путём реализации их права на обжалование незаконных решений государственных органов и должностных лиц, не допуская затягивания и воспрепятствования решения по ним.

Литература:

1. Горак, Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования/автореф. дис., канд. юрид. наук. Краснодар.—2017.—с. 19.
2. Дикарев, И. С. Процессуальные обращения в досудебном производстве по уголовным делам/И. С. Дикарев // Законы России.—2020.—№ 3.—с. 124-128.
3. Малинин, В. В. Проблемы применения статьи 125 УПК РФ/В. В. Малинин // Вестник института.—2012.—№ 2.—с. 48.
4. Химичева, О. В., Шаров Д. В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление // Законы России.—2020.—№ 3.—с. 53-59.

Современные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка

Салахова Алла Асгатовна, студент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье осуществлен анализ уголовно — правовой нормы, предусматривающей ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации). Особое внимание уделено рассмотрению обязательных признаков данного состава преступления. Также рассматриваются и анализируются статистические данные по убийству матерью новорожденного ребенка, написанных с использованием материалов статистической отчетности. Раскрыты личностные особенности женщин-детоубийц, их мотивация при совершении данных преступлений.

Ключевые слова: лишение свободы, новорожденный ребенок, ограничение свободы, осуждено, убийство, мать, уголовное судопроизводство, условное лишение свободы.

Modern aspects of murder by a mother of a newborn of a child

Salakhova Alla Asgatovna, student

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article analyzes the criminal law norm providing for responsibility for the murder of a newborn child by a mother (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation). Special attention is paid to the consideration of the mandatory signs of this corpus delicti. Statistical data on the murder of a newborn child by a mother, written using statistical reporting materials, are also considered and analyzed. The personal characteristics of female infanticides, their motivation in committing these crimes are revealed.

Keywords: deprivation of liberty, newborn baby, restriction of freedom, convicted, murder, mother, criminal proceedings, conditional imprisonment.

На сегодняшний день во всем мире количество преступлений совершенных против жизни человека неуклонно растет. Как и все преступления, они «различаются между собой по степени тяжести, общественной опасности, способам совершения. Особое внимание здесь уделяется убийствам. Наиболее жестоким, особенно с морально-этической точки зрения, является убийство матерью новорожденного ребенка. Убийство матерью новорожденного ребенка полноправно следует считать одной из самых распространенных и актуальных в современном обществе проблем, которые своими статистическими данными не может не волновать россиян» [1, с. 891].

Убийство матерью новорожденного ребенка по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации является привилегированным составом с соответствующей последнему весьма мягкой санкцией, учитывая особое состояние матери при совершении данного преступления.

Среди преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, убийство матерью новорожденного ребенка выделяется особо. Хотя количество таких преступлений невелико по сравнению с другими преступлениями против жизни и здоровья, но они всегда на слуху. «Общественная опасность убийства матерью новорожденного ребенка довольно специфично оценена законодателем в ныне действующем УК РФ. Несмотря на то, что рассматриваемое деяние посягает на жизнь человека,

охватывает собой фактическое причинение смерти потерпевшему и характеризуется умышленной формой вины, оно отнесено к преступлениям средней тяжести» [2, с. 73].

Согласно ст. 106 УК РФ [3] детоубийство, т.е. убийство матерью новорожденного ребенка, впервые выделено в привилегированный состав.

Субъектом рассматриваемого вида убийства может быть только биологическая (в случае суррогатного материнства — суррогатная) мать, достигшая на момент совершения преступления шестнадцати лет.

Также стоит напомнить, что к главным признакам субъекта преступления, отраженного в ст. 106 УК РФ, отнесены:

- факт того, что женщина в процессе родов или только родившая новорожденного ребенка;
- вменяемость матери;
- фиксация особого психофизического состояния или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости;
- установление психотравмирующих условий, которые повлияли на решение убить ребенка.

Убийство новорожденного возможно как с внезапно возникшим, так и с заранее обдуманым прямым или косвенным умыслом. При наличии прямого умысла исследуемое уголовно-наказуемое деяние женщины, однозначно, имеет своей целью причинение неминуемой смерти новорожденному ребенку. Дополнительным признаком

умысла при убийстве матерью новорожденного ребенка можно назвать время его формирования (внезапно возникший или заранее обдуманый).

По данным Росстата количество данных преступлений составило: 2016 год — 77; 2017 год — 55; 2018 год — 61; 2019 год — 38; 2020 год — 51 [4].

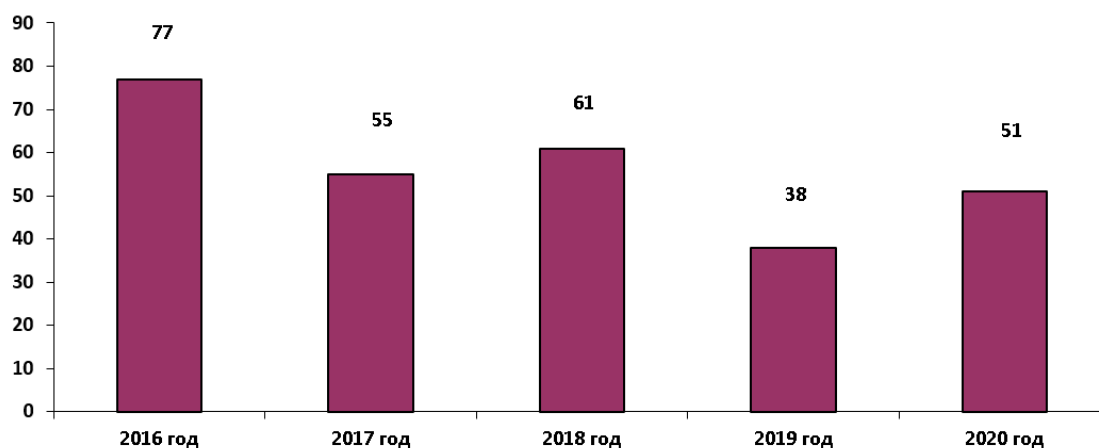

Рис. 1. Число зарегистрированных преступлений по ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного)

Как видно из рисунка 1, хотя в 2019 году наблюдается снижение данного вида преступлений на 23 или 37,70%, уже в 2020 году их количество возрастает на 13 или 34,21%.

Однако, не все совершившие преступление по ст. 106 УК РФ были привлечены к уголовной ответственности. В таблице 1 рассмотрим данные уголовного судопроизводства о назначении наказания осужденным по статье 106 УК РФ [5].

Таблица 1. Данные о назначении наказания по ст. 106 УК РФ

Показатели	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Осуждено	59	42	33	26	29
Оправдано	0	0	0	0	0
Лишение свободы	33	23	13	14	11
Условное лишение свободы	21	13	14	5	9
Ограничение свободы	5	6	4	7	9

Как видно из данных таблицы 1, лишь только 59 женщин из 77, т.е. 76,62%, совершивших убийство новорожденного ребенка были осуждены; в 2017 году количество осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного составило 76,36%: в 2018 году — 54,10%; в 2019 году 68,42%; в 2020 году всего 56,86%. Таким образом, к 2020 году мы наблюдаем снижение количества осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного по сравнению с 2019 годом на 11,56%, хотя общее количество данных преступлений за рассматриваемый период увеличилось на 34,21%.

Что касается наказания, то лишь 11 из 29 осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного были лишены свободы (37,94%) в 2020 году; в 2016 году — 33 из 59 (55,93%); в 2017 году — 23 из 42 (54,76%); в 2018 году — 13 из 33 (39,39%); в 2019 году — 14 из 26 (53,85%). Ни одна из осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного не была оправдана. На рисунке 2 наглядно

представлено, что в 2020 году наказание в виде лишения свободы за совершение убийства новорожденного получили лишь 37,94% из осужденных.

То есть наказание в виде лишения свободы в период с 2016 по 2020 годы среди осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного получают чуть более половины осужденных (2016, 2017, 2019 годы), а бывает и не больше 40% (2018 и 2020 годы).

Остальная половина осужденных была наказана или условным лишением свободы, или ограничением свободы. Условное лишение свободы среди осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного в 2016 году получили 21 из 59 осужденных (35,59%); в 2017 году — 13 из 42 осужденных (30,95%); в 2018 году — 14 из 33 (42,42%); в 2019 году — 5 из 26 (19,23%); в 2020 году — 9 из 29 (31,03%). Ограничение свободы среди осужденных женщин из совершивших убийство новорожденного в 2016 году получили 5 из 59 осу-

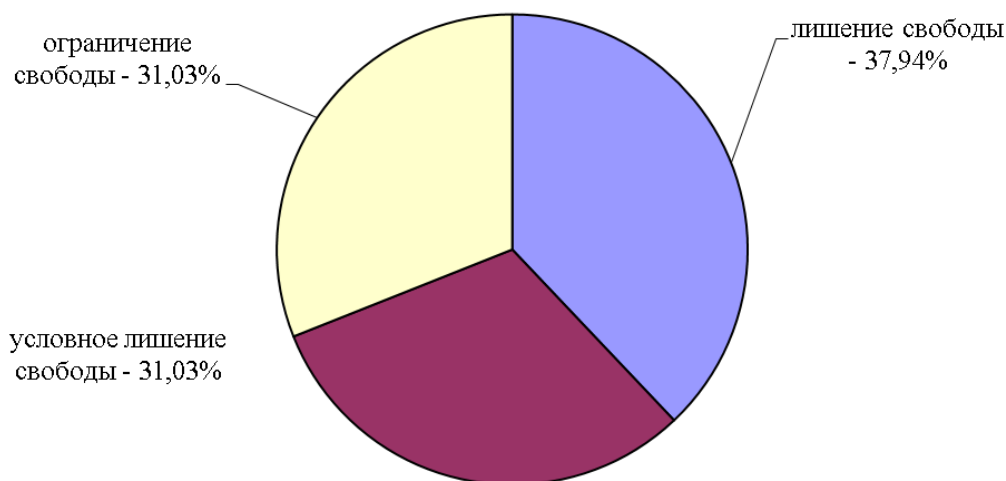

Рис. 2. Назначение наказания за убийство матерью новорожденного (ст. 106 УК РФ) в 2020 году

жденных (8,47%); в 2017 году — 6 из 42 осужденных (14,29%); в 2018 году — 4 из 33 (12,12%); в 2019 году — 7 из 26 (26,92%); в 2020 году — 9 из 29 (31,03%) [5].

Особого внимания заслуживает тот факт, что «большая часть преступлений совершается женщинами в возрасте 30-49 лет. Около 15% женщин, совершивших убийство новорожденного, имеют хотя бы одного ребенка в возрасте до 3 лет. Средний возраст, в котором современные женщины рожают первого ребенка, приближается к 30 годам и старше. Кроме того, женщинами в возрасте от 25 до 29 лет убийство новорожденного ребенка было совершено почти в 15% случаев. Наиболее типичными причинами становятся значительные финансовые затруднения и неблагоприятные жилищные условия; эгоцентризм: по мнению женщины, ребенок препятствует ее личному счастью, карьерному росту и т.п.; рождение ребенка вне брака; наследственность (генетические заболевания и предрасположенность) и некоторые другие. Большинство женщин, совершивших преступление по 106 ст. УК РФ, являются трудоспособными, лицами, не имеющими постоянного источника дохода» [6, с. 393].

Стоит отметить, что «данные статистики неполно отражают современные криминальные реалии. Количество реально совершенных преступлений превышает статистические показатели. Масштабы скрытых детоубийств в точности неизвестны. Как правило, большинство женщин совершают детоубийство преднамеренно, готовясь к нему заранее, держат беременность в тайне, убийства совершают зачастую в одиночку, тщательно скрывая все следы преступления. Но даже в тех случаях, когда желание убить новорожденного ребенка возникает

внезапно, возможность скрыть труп новорожденного и другие следы преступления намного выше, чем в случае убийства взрослого человека» [7, с. 69].

Наблюдаемая на сегодняшний день неблагоприятная статистика убийств матерью новорожденного ребенка обусловлена не только неэффективной практикой наказания, но и тем, что в стране очень слабо развита система профилактических мероприятий убийств новорожденных. Сами профилактические мероприятия, как правило, проходят без учета особенностей психофизиологического состояния женщин-рожиц и характеризуются высокой латентностью, в том числе вытекающей из неучтенных и незарегистрированных преступлений. Для осмысления побудительных сил, толкающих женщин на убийство своего ребенка, следует учитывать не только осознанные мотивы, но и неосознаваемые ими психические явления и процессы, активно формирующие личность.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что необходимо ужесточить уголовное наказание за убийство матерью новорожденного ребенка. «Правовая защита новорожденных детей не соответствует принятым международным нормам и общечеловеческим моральным принципам. Необходимо, учитывая интересы виновных, сбалансировать их в должной мере с интересами потерпевших для достижения справедливого паритета» [7, с. 71].

Основные право ребенка — это право на жизнь, которое должно быть надежно защищено. Поэтому государство должно проанализировать социальные, нравственные, экономические, правовые и психологические аспекты, чтобы выработать оптимальные подходы к решению этой актуальной проблемы.

Литература:

1. Щербаков, А. А. Убийство матерью новорожденного ребенка: теория и практика // Science Time. 2015. № 7. с. 890-894.
2. Плаксина, Т. А. Наказание за убийство матерью новорожденного ребенка // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. с. 67-79.

3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении малолетних [Электронный ресурс]. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 19.10.2021).
5. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс]. Информационный сайт «Судебная статистика РФ». URL: <http://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 19.10.2021).
6. Копылова, К. И. Характеристика субъекта убийства матерью новорожденного ребенка на основании статистических данных // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). с. 392-394.
7. Попова, С. А. Современные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка // Sciences of Europe. 2019. № 39. с. 68-71.

Освобождение от доказывания в гражданском судопроизводстве

Свирский Максим Дмитриевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Доказывание в гражданском судопроизводстве и его проблемы — одна из самых освещаемых тем в науке гражданского процессуального права и учебной литературе. И это не случайно.

Правильно установить истину по уголовным и гражданским делам — основа основ российского правосудия. Ошибка в познании истины неизбежно влечет неправильное применение закона, неверное разрешение самого дела, неосуществление задач правосудия, что подрывает авторитет суда и других правоохранительных органов, порождает недовольство деятельностью органов правосудия.

Ключевые слова: проблема, освобождение, доказательство, суд, органы правосудия.

Многие процедурные специалисты, обращая внимание на вопросы доказательств, определяют понятие «предмет доказательства», но немногие из них рассматривают проблему корреляции между предметом доказательства и основаниями для освобождения от доказательства.

Очевидно, что «правильно определить предмет доказывания по гражданскому делу — значит придать всему процессу доказывания нужное русло и направление» [1]. Целью данной статьи не является анализ термина «свидетельство». Нас интересует, как ведут себя факты доказательств и причины обнародования доказательств. От этого зависит ответ на следующие вопросы: являются ли они фактами, не требующими доказательств, исследований или судебного определения? Обосновано ли решение, если в нем нет указаний на бездоказательные факты?

Существуют разные позиции по поводу соотношения понятий «предмет доказывания» и «основания освобождения от доказывания».

Согласно одной из точек зрения, основания освобождения от доказывания не входят в предмет доказывания. Сторонниками этого утверждения являются, например, такие ученые конца XIX — начала XX вв., как Ю. С. Гамбаров, К. Малышев, А. Х. Гольмстен.

К. Малышев считает, что предметом доказательства являются спорные юридические факты, а именно наличие

или отсутствие этих фактов. Следовательно, неоспоримые обстоятельства, составляющие основу для освобождения от доказательств, не могут рассматриваться как предмет доказательства. [2].

Аналогично Ю. С. Гамбаров. По его мнению, доказательства в рамках гражданского судопроизводства — это «обычно факты оспариваемых сторон, которые имеют существенное значение для их требований друг к другу», и, если есть основания для освобождения от доказательств, при определенных обстоятельствах не возникает спора. [3]

Итак, под предметом доказывания Л. А. Ванеева понимает совокупность обстоятельств материального характера, установление которых необходимо для правильного разрешения дела судом, и обязанность доказывания, которая лежит на сторонах. По ее мнению, понятие «субъект доказывания» тесно связано с доказательством (под которым она понимает только доказательную деятельность сторон и заинтересованных сторон, но не суда). Факты доказывания и аргументы выделяются среди прочих, подлежащих проверке судом, которые доказываются сторонами. Судья не освобождается от установления фактов, не требующих доказательств; Это означает, что статья 61 ГПК РФ лишь указывает «иной способ их установления: без доказательства этих фактов сторонами и заинтересованными сторонами» [5]. Именно так Л. А. Ванеева объясняет то, что понятие оснований осво-

бождения от доказывания исключается из понятия предмета доказывания.

К. С. Юдельсон заключает, что «предмет доказательств каждого лица, участвующего в деле, включает обстоятельства, на которых основаны их требования и возражения, за исключением обстоятельств, не требующих доказательств по закону» [6]. Х. Шак указывает на то, что предмет доказывания составляют только «спорные факты» [7].

Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — ГПК РФ) предусмотрены основания для освобождения от доказывания.

В частности, обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании.

Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному делу, являются обязательными для суда. Эти обстоятельства повторно не доказываются и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела с участием тех же лиц, а также в случаях, предусмотренных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации.

При рассмотрении гражданского дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитража, не нуждаются в доказывании и не могут быть оспорены лицами, если они участвовали в деле, которое было решено арбитражным судом.

Кроме того, решение суда в окончательном уголовном производстве, другие судебные решения по этому делу и судебные решения по делу об административном правонарушении обязывают рассматриваемый суд в отношении гражданско-правовых последствий действий лица, против которого они были вынесены, были ли эти действия предприняты этим человеком.

Обстоятельства, подтвержденные нотариусом при составлении нотариального акта, не требуют доказательств, если не опровергнута подлинность нотариально удостоверенного акта или не констатировано существенное нарушение порядка составления нотариального акта.

Деятельность суда по установлению истины подчиняется законам знания и мысли. Однако судебное знание, помимо логики, также имеет процессуальную сторону по той простой причине, что судебное знание может быть осуществлено только во время судебного разбирательства по делу. Следовательно, со стороны установление истины судом с помощью доказательств — это совокупность процессуальных действий, в ходе которых суд собирает необходимые данные, уточняет их содержание, проверяет и, наконец, оценивает их.

С процессуальной точки зрения процедуру установления истины по делу с помощью доказательств можно разделить на 3 основных этапа: сбор, исследование, оценка.

Обучение предмету доказывания тесно связано с распределением бремени доказывания. Последнее в гражданском процессе имеет двойную природу: с одной стороны, оно действует как право на доказывание, с другой — как обязанность доказывать. Но любое обязательство

должно быть обеспечено определенным набором средств, стимулирующих его исполнение. Единственная санкция, которую устанавливает законодатель, — это вынесение нежелательного решения для стороны, отказывающейся выполнять обязательство по доказыванию. Таким образом, мы считаем, что данное обязательство действительно лишено санкций за невыполнение.

Понятие «объект доказывания» даже не упоминается ни в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, ни в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. Однако согласно ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, а также выносит обстоятельства на обсуждение сторон, даже если стороны не упомянули ни одну из них. Т. е. Суд, являясь объектом доказательства, при определении объекта доказательств по делу определяет и устанавливает все обстоятельства, имеющие значение для дела. Часть 2 ст. 65 АПК РФ гласит, что обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются третейским судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с применимыми нормами материального права. Иными словами, источником формирования объекта доказывания являются как нормы материального права, подлежащие применению, так и основания иска и возражения против них. [18].

И. Зайцев и С. Афанасьев утверждают, что в большинстве случаев некоторые факты, лежащие в основе запроса, неоспоримы, а иногда обстоятельства возражения на запрос также неоспоримы. [19]. Получается, что отдельные факты, лежащие в основе иска или возражения против него во время слушания, больше не нужно будет доказывать.

В ходе рассмотрения дела объект доказательства может быть изменен и дополнен: одни юридические факты могут быть включены в объект доказательства, другие — исключены. Это означает, что при наличии оснований для исключения доказательств отдельные факты исключаются из предмета доказательства. [20]

В настоящее время сложно однозначно ответить на вопрос о соотношении предмета доказывания и оснований для освобождения от доказательств. Основанием для освобождения от доказательств являются обстоятельства, не требующие доказательств в ходе судебного разбирательства, но важные для надлежащего разрешения дела. Более того, в случае раскрытия таких обстоятельств стороны и заинтересованные лица освобождаются от доказательств, но суд обязан указать в своем решении, что посчитал эти факты выходящими за рамки доказательств. Эти. Эти обстоятельства должен установить суд, его нельзя полностью исключить из процессуальных действий, связанных с доказательством.

Однако, несмотря на различную процессуальную позицию и отсутствие ясности в правилах, очевидно, что условия освобождения от доказательств сужают предмет доказывания в конкретном деле на слушании.

Следовательно, понятие оснований для освобождения от доказательств нельзя рассматривать в отрыве от концепции предмета доказательства. Между этими категориями существует очень тесная взаимосвязь.

Литература:

1. Ванеева, Л. А. Проблемы теории судебных доказательств // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса/Отв. ред. Н. А. Чечина, Д. М. Чечот. Л., 1979. с. 128-129.
2. Зайцев, И., Афанасьев С. // Российская юстиция. 1998..№ 3. с. 26.
3. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам/Под ред. В. М. Жуйкова. М., 1999. с. 499.
4. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации. с. 497.
5. Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. Т. 1. Теоретические основы правосудия по гражданским делам/Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. с. 398.
6. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР/Под ред. М. К. Треушников. М., 2000. с. 93.
7. Решетникова, И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М. 2000. с. 33.
8. Решетникова, И. В. Доказательственное право Англии и США. М., 1999. с. 117.
9. Решетникова, И. В. Курс доказательственного права... с. 130.
10. Треушников, М. К. Судебные доказательства. М., 1999. с. 20.
11. Хрестоматия по гражданскому процессу: Учеб. пособие/Под ред. М. К. Треушников. М., 1996. с. 95.
12. Шак, Х. Международное гражданское процессуальное право/Пер. с нем. М., 2001. с. 324.
13. Шерстюк, В. М. Комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процессуального права. М., 2000. с. 29.

Статистика как инструмент совершенствования уголовного законодательства

Селезнев Станислав Дмитриевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье произведен анализ использования статистики в уголовном праве и предложены методы совершенствования законодательства.

Ключевые слова: назначение наказания, право в РФ, право образующие нормы, система наказания, философия права.

Statistics as a tool for improving criminal legislation

Seleznev Stanislav Dmitriyevich, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article analyzes the use of statistics in criminal law and suggests methods for improving legislation.

Keywords: sentencing, law in the Russian Federation, law forming norms, system of punishment, philosophy of law.

Статистика представляет собой отличный инструмент, способный вывести ту или иную научную деятельность на новый уровень. Повысить её точность, проиллюстрировать зарождающиеся гипотезы, установить целевые показатели реализации замыслов. В последние годы сбор и анализ статистических данных существенно упростился благодаря достижениям научно-технического прогресса, которые позволяют хранить невиданные ранее объёмы информации и передавать её на высокой скорости [1]. Представляется очень важным воспользоваться доступностью инструмен-

тария статистики и усилить его интеграцию с правовыми науками.

Для обеспечения должного функционирования уголовного законодательства необходимо тщательным образом подходить к сбору информации о проблемах, и сильных сторонах действующего закона, отражая наблюдения в статистических данных. Решением поставленной задачи требуется заняться ученым и специалистам практикам, чтобы минимизировать риски неверного толкования статистики. Если информация, зафиксированная в получаемой статистики, будет способна отра-

жать реальную криминогенность общества и социальную обстановку, законодателю будет легче выработать новые или дополнить уже существующие методы борьбы с преступностью и её последствиями.

Статистика в отличие от субъективного мнения ученого или группы ученых имеет значительно менее широкий спектр возможностей некорректной интерпретации. Усиление её позиций в уголовном законодательстве способствует уменьшению роли авторитетов, чьи слова часто воспринимаются законодателем как истина, даже если они не опираются на какие-либо статистические данные.

Сегодня в мире общей направленностью развития юриспруденции развитых и почти всех развивающихся стран является либерализация уголовного законодательства и предусмотренных за преступления наказаний. Либерализация и идущая с ней об руку декриминализация в основном связана с ростом гуманности обществ, уменьшением количества насильственных преступлений [2; 3], и чрезвычайных ситуаций, требующих строжайшего законодательства для обеспечения выживания. Строгость законодательства минувших десятилетий в различных странах мира можно сравнить теперь, разве что, с военным положением и карантинами. Однако, часть государств включая Российскую Федерацию сталкивается с дополнительным фактором необходимости либерализации уголовного законодательства. Речь идёт о чрезвычайной загруженности мест лишения свободы и системы назначения наказания. По данным организации ICPR (организация занимается мониторингом количества заключённых в разных странах мира) Российская Федерация занимает 5 место с общим показателем 471490 осуждённых [4].

В качестве мер борьбы с перегрузкой пенитенциарной системы в Российской Федерации предпринимаются шаги по увеличению количества назначения наказаний по преступлениям в экономической сфере и предпринимательстве, не связанным с перемещением лица в места лишения свободы. Практика показывает, что лица, переступившие закон в экономической сфере, зачастую представляют намного меньшую общественную опасность чем убийцы, насильники и другие посягнувшие на физическую целостность преступники. Многие практики выражают обеспокоенность соблюдением описанных в статье 43 УК РФ целям наказания. По их мнению, прослеживается серьёзное отхождение от цели восстановления социальной справедливости, что может вызвать общественное недовольство в его различных проявлениях.

Понятие справедливости не раскрывается уголовным кодексом и в целом является очень субъективным показателем, отражающим мнение лишь той части общества, которая имеет возможность его выразить. Наша диспозиция заключается в выборе между мнением законодателя и статистическими данными. Более рационально делать выбор по принятию решений в пользу статистики, ученым правоведам следует подкреплять свои позиции данными, а не литературными измышлениями.

В рассматриваемом случае у нас есть данные, по которым законодатель ожидает улучшений в виде снижения количества осуждённых, отбывающих наказание в местах лишения свободы, что позволит оценить с помощью статистики успешность проводимых изменений в уголовном законодательстве.

Однако, нередко случаи появления новых норм уголовного кодекса, необходимость внедрения и критерии успешности которых, выяснить с помощью статистики невозможно. Разберём новую статью 280.2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Содержательная часть не даёт нам чётко определить цель введения данной статьи. Она скорее является политическим манифестом с включённым довольно большим перечнем оговорок и исключений. Данные показывают, что Российскую Федерацию не захлестывает волна подобных деяний и никакой срочной или постепенной криминализации не требуется. Соответственно, оценить успешность внедрения данной нормы права невозможно, её наличие на сегодня видится бесполезным.

Законодатель находится в очень выгодных условиях. Текущие требования к законам не всегда ясны, а некоторые законодательные инициативы заставляют задуматься о злоупотреблении правом их создавать и приводить в исполнение.

Исходя из изложенного заметна решающая роль статистики для принятия решений по совершенствованию уголовного законодательства и способности его отвечать вызовам современности. Представляется необходимым создать прозрачный и открытый для всех членов общества критерий, сопутствующий всем изменениям, предлагаемым к реализации в уголовном законе. Речь идёт о статистической обоснованности, которая должна быть аналогична уже существующему критерию экономического обоснования [5]. Такое нововведение сможет ограничить законодателя от принятия законов или изменений в уголовном праве, на которые нет запроса в обществе. Кроме того, позволит установить цели и параметры достижения которых будет свидетельствовать об успехе законодательной инициативы, а также ограничит поле интерпретации и оправдания допущенных ошибок в случае провала внедряемых изменений.

Статистика не идеальна и подвержена неправильной интерпретации, а также фальсификации. Однако, заметить такие процессы в мире современном значительно проще. Свой независимый мониторинг осуществляет большое количество различных коммерческих и некоммерческих организаций. В случае допущения ошибок свойственных всем людям, общество будет иметь возможность скорректировать выводы, а в случае махинаций забить тревогу. Дополнительным эффектом от внедрения критерия статистической обоснованности, как представляется, будет повышение доверия граждан к законодателю и уголовному законодательству по причине прозрачности и открытости.

Литература:

1. Михненко, О. Е., Салин В. Н. Проблемы современной трансформации статистики // Учет. Анализ. Аудит. 2021. № 4.
2. Трэвис, Алан. Падение уровня преступности в Великобритании ставит в тупик экспертов // The Guardian. — 2013-01-24
3. Немецкая полицейская статистика по преступности // Федеральное управление уголовной полиции (Германия). — 2019-09-14 URL: <https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2018/Zeitreihen/zeitreihenFaele.html>
4. Prison Population Total. ICPS (10.01.2021). Дата обращения: 18 февраля 2021.
5. Хрюкин, А. Р., Беляев А. Н. Финансово-экономическая оценка разработки и внедрения технических стандартов организаций, 2008

Личность преступника как главный объект изучения в криминологии

Сидоренкова Дарья Валерьевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор обосновывает актуальность исследования темы, дается определение понятию «личность», формулируются особенности социально-психологических характеристик личности, приводятся взгляды ученых на типологию личности преступника. В центре внимания автора оказываются методики исследования личности преступника, формулируются предложения по повышению качества, объективности и релевантности используемых методик.

Ключевые слова: личность, преступник, криминология, тестирование

В настоящее время наблюдается усиление научного интереса к проблемам личности преступника в рамках криминологической науки и практики, что связано со сложностью ее разработки и большим значением для работы сотрудников правоохранительных органов не только в сфере раскрытия преступлений, но и их предупреждения [1, с. 353].

Центральным термином в рассматриваемой тематике является понятие «личности», которое можно трактовать в качестве совокупности интегрированных свойств, имеющих социально значимый характер, сформированных в процессе многообразных и систематических взаимосвязей с другими социальными субъектами и делающих личность, в свою очередь, субъектом деятельности, познания и общения, поскольку причиной преступности является синтез различных явлений социального и биологического свойства, а реакцию, называемую преступлением, дает только определенный состав экономических, идеологических, социальных и биологических факторов [2, с. 103].

Среди факторов, определяющих совершение личностью преступлений, С.С. Медведев и В.С. Бочков называют неблагополучную семью, криминогенную среду и низкий уровень жизни, что оказывает прямое влияние на восприятие мира личностью, чаще всего через призму преступности. На этом основании можно говорить о том, что только исследуя личность преступника, можно не только предотвратить будущие преступления, но и узанать проблемы в обществе, ускорить реабилитацию людей, переступивших закон [3, с. 282].

Особенность социально-психологической характеристики личности преступника по сравнению с лицом, которое является законопослушным, выражается через ряд общих детерминант, характеризующих сами модусы противоправного преступного поведения. Такие особенности порождаются, прежде всего, общей криминологической спецификой психоэмоционального состояния преступников, отличающиеся между собой по социальному положению, возрасту, полу и т. д.

Но, кроме этого, важно понимать, что сам психологический портрет преступника не является аутентичным в отношении лиц, совершивших различные преступления. Безусловно, противоправность, несомненно, будет являться определяющим, доминирующим признаком и чертой психологического состояния, но существуют и более специфические характерные черты, которые касаются не только сугубо психофизиологией человека и личности, но влияют на формирование личности конкретного преступника. Речь идет о том, что лица, которые совершают различные по своему составу преступления, отличаются по своему психологическому состоянию и имеют разный социальный статус.

Разграничивая интерес к личности как объекту изучения криминологии и криминалистики Е. А. Лаптева подчеркивает, что с точки зрения криминологии ученых интересуют социально-демографические признаки личности, направленность преступного поведения, роль в преступлении, интенсивность преступной деятельности (рецидив и т. п.), социально-ролевые признаки (социальные роли

в сфере семьи, политической жизни и т.п.), нравственно-психологические признаки (система ценностей, интересы, потребности, интеллектуальная сфера, волевая сфера, эмоциональная сфера). Криминологию интересует динамика массового совершения преступлений, осуществление поиска или самостоятельная выборка проектов противодействия преступности, а также накопление информационного базиса о личности преступника на основе статистических и социологических исследований [4, с. 536].

Многогранность изучения личности преступника криминологами обуславливает отсутствие однозначной типологии личности преступников. Множественность классификаций связана с возможностью выбора криминологами конкретного основания для решения определенных практических задач. Так, например, типология преступников, основывающаяся на личностно-мотивационных свойствах личности, выделяет корыстные, престижные, игровые, насильственные и сексуальные типы. Если рассматривать типологию преступников с точки зрения степени общественной опасности, то можно выделить профессиональный, привычный и случайный типы преступников, а также особо опасных преступников. Существует классификация типологии личности, основанная на характере антисоциальной направленности и ценностных ориентаций; в рамках этой классификации типы могут характеризоваться негативно-пренебрежительным отношением к человеческой личности, корыстно-частно-собственническими наклонностями, индивидуалистически-анархическим отношением к различным социальным установлениям и легкомысленно-безответственным отношением к установленным социальным ценностям. Отдельные типологии личности преступников предлагаются в отношении определенных социальных категорий: например, несовершеннолетние преступники могут относиться к одному из трех типов — с устойчивой преступной деформацией поведения, эпизодической деформацией поведения или исключительно нравственной деформацией поведения [5, с. 186].

В зависимости от оснований для типологии преступника и условий конкретной ситуации могут быть выбраны методы анализа личности преступника. Как отмечает

М. А. Степанова, к числу основных методов исследования личности преступников можно отнести опрос и наблюдение [6, с. 60]. В качестве формы промежуточного исследования автором данной статьи предлагается использовать тестирование, совмещающее в себе непосредственный опрос и включенное наблюдение за личностью. В ходе опроса посредством сбора первичной социологической информации можно выявить характер изучаемого лица, его привычки, убеждения и интересы, мотивы их формирования. Важно получать от опрашиваемого пояснения и конкретизацию фактов, о которых идет речь. В данном случае уместно использовать вопросы: «Почему вы так считаете?», «В связи с чем, по вашему мнению, это могло произойти?» и т.д. Однако, при опросах не всегда человек будет говорить исключительно правду. В этом случае, как правило, используется наблюдение, в ходе которого наблюдатель может сделать ряд выводов об определенных характеристиках личности наблюдаемого объекта.

Именно поэтому автором статьи предлагается разработка специализированных тестов, которые можно будет интегрировать в схемы опроса и наблюдения для полноценного и качественного обследования личности преступников. В зависимости от конкретных целей исследования личности преступника для основы тестирования может выбираться определенная методика или их симбиоз. Методики также могут адаптироваться под нужды конкретного исследования, включая в себя сведения, необходимые для информативной части опроса, а также объективно существующие потребности в выявлении определенных личностных характеристик.

Таким образом, личность является главным объектом изучения криминологии. В рамках данной работы предлагается дополнить активно используемые в настоящее время для изучения личности преступника методы опроса и наблюдения методом тестирования, в рамках которого можно использовать и сочетать различные методики исследования интересующих в конкретном случае личностных характеристик. Сформулированное предложение позволит повысить объективность и достоверность полученных данных, повысит релевантность проводимых исследований личности преступника.

Литература:

1. Воротынцев, А. А. Личность преступника и социальная составляющая в криминологии / А. А. Воротынцев // Современные тенденции развития науки в молодежной среде. — 2017. — с. 352-355.
2. Робеж, А. Г. Личность преступника как объект изучения криминологии / А. Г. Робеж // Студенческий форум. — 2018. — № 28. — с. 102-104.
3. Медведев, С. С., Бочков В. С. Место личности преступника в криминологии / С. С. Медведев, В. С. Бочков // Академия педагогических идей: новация. — 2019. — № 5. — с. 282-285.
4. Лаптева, Е. А. Личность профессионального преступника как предмет изучения криминалистики и криминологии / Е. А. Лаптева. — 2019. — № 10. — с. 535-541.
5. Рыженкова, Е. В. Типологии личности преступника в криминологии / Е. В. Рыженкова // Инновационная наука. — 2017. — № 5. — с. 185-187.
6. Степанова, М. А. Личность преступника: современные тенденции в криминологии / М. А. Степанова // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2018. — № 16. — с. 59-61.

Отдельные аспекты административных правонарушений в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции

Сухоручко Александр Евгеньевич, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Административно-правовое регулирование отдельных общественных отношений имеет значительную связь с вопросами административно-процессуального характера. Исходя из указанного, представляется необходимым в рамках отдельной публикации уточнить ряд выводов,

основываясь на которых автор в дальнейшем определит положения диссертационного исследования.

Относительно рассматриваемой категории правонарушений следует отметить «непосредственный объект посягательства, которым выступает здоровье населения». [1]

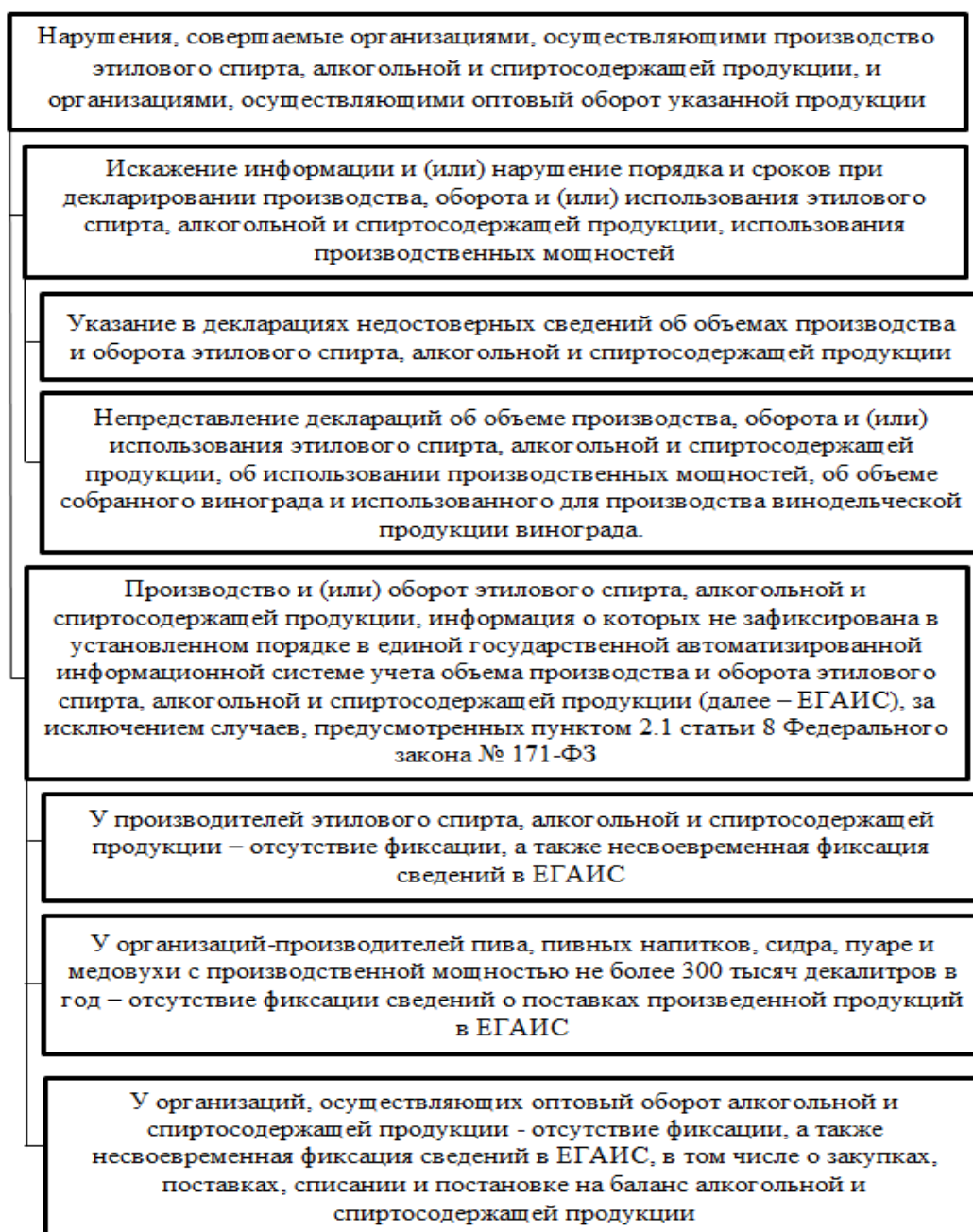

Рис. 1. Наиболее частые нарушения, совершаемые организациями, осуществляющими производство и оптовый оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

Предметом посягательства является товар, обладающий особым статусом ограниченного в обороте, то есть сама алкогольная и спиртосодержащая продукция.

Выделенные в Главах 14 и 15 КоАП РФ непосредственные составы правонарушений в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, по мнению ряда авторов, не в полной мере охватывают связанные с рассматриваемой категорией правонарушений вопросы. Ввиду указанной точки зрения ряд исследователей предлагает выделить в особенной части КоАП РФ отдельную главу, связанную с выделением всех составов административных правонарушений относительно рассматриваемой категории.

Сторонники данной точки зрения полагают, что «такой подход к распределению нормативного материала позволил бы обеспечить кодификацию соответствующих составов административных правонарушений, это также помогло бы определить непосредственный объект противоправного посягательства». [1]

Представляется необходимым в контексте разрешения данного вопроса, как одной из значимых сторон авторского исследования, обратиться к уточнению аспектов правоприменительной практики в части определения перечня наиболее часто совершаемых правонарушений в рассматриваемой сфере. [2]

К первой категории отнесем нарушения, совершаемые организациями, осуществляющими производство и оптовый оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (рис. 1).

Как видно из данных рисунка 1, перечень наиболее часто совершаемых соответствующими организациями правонарушений в рассматриваемой сфере не требует дополнительного выделения отдельной главы в КоАП РФ для включения дополнительных составов.

Рассматриваемая группа правонарушений является наибольшей по своему составу. В свою очередь, представленные на рисунке 2 виды нарушений, совершаемых организациями, осуществляющими производство соответствующей продукции, является наиболее малой по своему видовому составу.

Представляется, что указанные виды нарушений также не позволяют сделать вывод о необходимости расширения положений КоАП РФ. В действительности, положения действующего Кодекса, как справедливо отмечают некоторые исследователи, имеет ряд общих черт с «рамочными» нормами, формируя такую административно-правовую конструкцию, которая не просто ограничивает оборот особой категории товаров, но предвосхищает потребность своего дополнения через выделение базовых составов соответствующих административных правонарушений.

Обратимся к третьей группе правонарушений (рис. 3).

Несмотря на условно меньшее количество представленных конкретизированных видов нарушений, сама группа представляется наиболее объемной в части как своего номенклатурного содержания, так и с точки зрения значимости относительно объекта правонарушения, что обусловлено непосредственно уровнем взаимодействия субъектов правоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии необходимости внесения изменений непосредственно в структуру КоАП РФ. Исходя из этого, в дальнейшем исследовании представляется необходимым сосредоточить внимание на совершенствовании и развитии именно процессуальных аспектов, связанных с рассматриваемой категорией административных правонарушений.

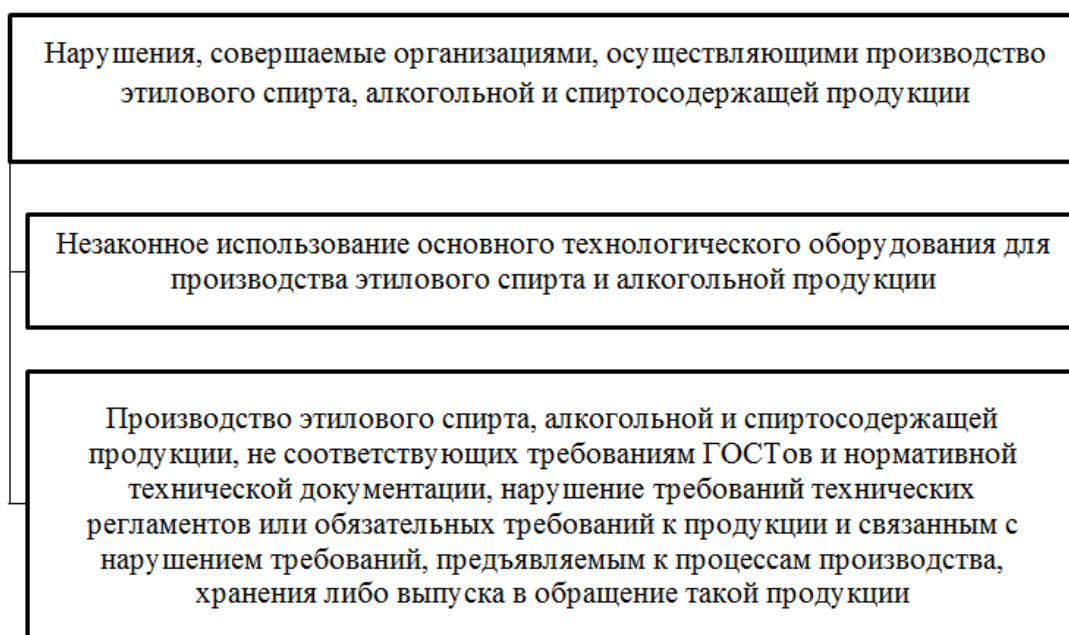

Рис. 2. Нарушения, совершаемые организациями, осуществляющими производство этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

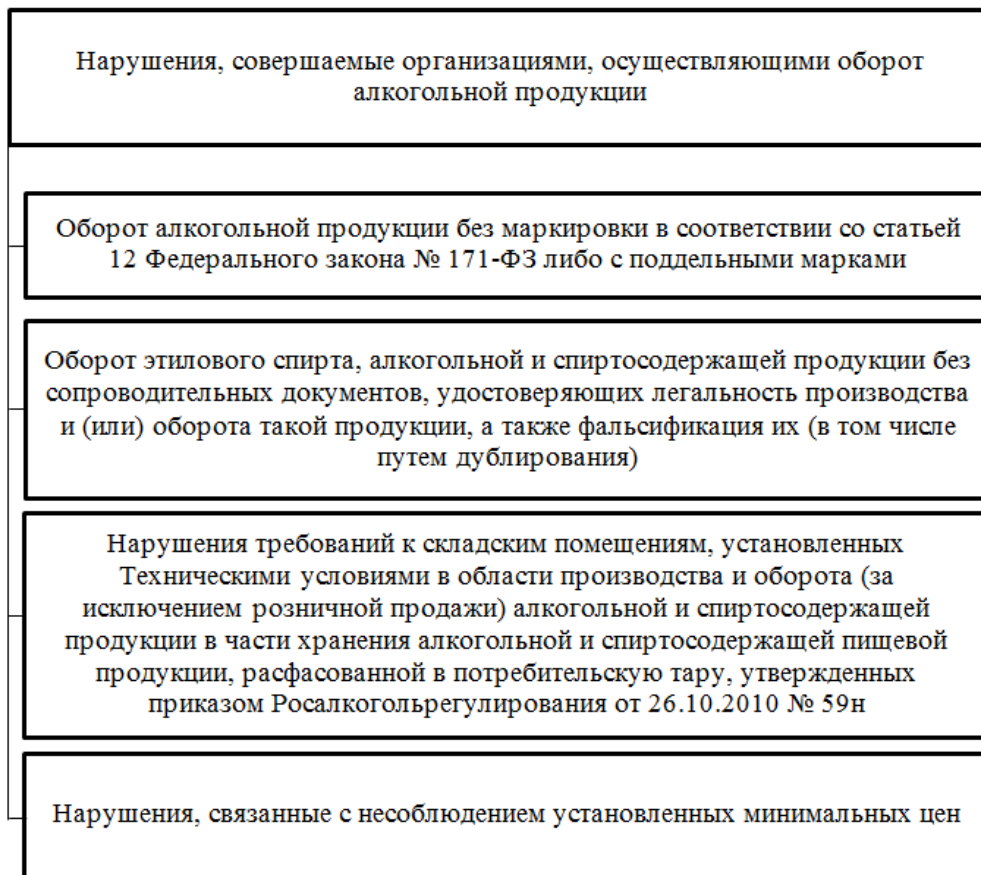

Рис. 3. Нарушения, совершаемые организациями, осуществляющими оборот алкогольной продукции

Литература:

1. Ерохин, В.М. Административно-правовое регулирование оборота алкогольной продукции: специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук/Ерохин Виктор Михайлович; Высшая школа экономики. — Москва, 2016. — 243 с. — Текст: непосредственный.
2. Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка. — Текст: электронный // Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка: [сайт]. — URL: <https://fsrar.gov.ru/print/state?state=/legalacts> (дата обращения: 01.09.2021).

Уголовная ответственность за совершение разбоя по законодательству зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ

Теплякова Татьяна Евгеньевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Бойко Николай Викторович, кандидат юридических наук, доцент
 Хабаровский государственный университет экономики и права

Статья посвящена анализу зарубежного уголовного законодательства о разбое. Целью настоящего исследования является выявление общих и отличительных черт в правовом регулировании уголовной ответственности за разбой в законодательстве государств, относящихся к романо-германской и англо-саксонской правовой семье.

Ключевые слова: зарубежное законодательство, разбой, уголовная ответственность, романо-германская правовая семья, англо-саксонская правовая семья, ограбление, квалифицирующие признаки.

Criminal liability for committing robbery under the legislation of foreign countries: comparative legal analysis

Teplyakova Tatyana Yevgenyevna, student master's degree
 Scientific adviser: Boyko Nikolay Viktorovich, candidate of legal sciences, associate professor
 Khabarovsk State University of Economics and Law

The article is devoted to the analysis of foreign criminal legislation on robbery. The purpose of this study is to identify common and distinctive features in the legal regulation of criminal liability for robbery in the legislation of States belonging to the Romano-German and Anglo-Saxon legal family.

Keywords: foreign legislation, robbery, criminal liability, Romano-German legal family, Anglo-Saxon legal family, robbery, qualifying features.

При исследовании разбоя как общественно-опасного деяния необходимо использовать сравнительно-правовой метод научного познания, сущность которого заключается в установлении общих и отличительных черт правового регулирования рассматриваемого преступления в различных правовых системах. В данной статье нами будет произведен анализ уголовного законодательства государств, относящихся к романо-германской и англо-саксонской правовой семье.

Анализ уголовного законодательства государств, входящих в романо-германскую правовую семью, позволяет сделать следующий вывод: унифицированный подход к правовому регулированию уголовной ответственности за совершение разбоя в данной семье отсутствует. Постараемся проиллюстрировать это на конкретных примерах.

В уголовном законодательстве Испании, Голландии, Италии разбой не выделен в качестве самостоятельного состава преступления. Например, ст. 628 УК Италии установлена ответственность за совершение ограбления — завладения с помощью насилия или угроз применения насилия чужим движимым имуществом путем похищения его у владельца с целью извлечения незаконной выгоды для себя или третьих лиц. Таким образом, итальянское уголовное законодательство не разделяет грабёж и разбой [2, с. 65], а выделяет ограбление в качестве на-

силственного преступного завладения чужим имуществом.

В уголовном законодательстве ряда стран разбой также не выделяется в самостоятельный состав преступления, а применение или угроза применения насилия при хищении рассматривается в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака кражи.

В Уголовном кодексе ФРГ состав разбоя помещен в раздел XX Особенной части «Разбой и вымогательство». Под разбоем понимается преступление, при котором лицо, применяя насилие против другого лица или угрожая применить реальное для жизни или здоровья другого лица насилие, завладевает чужой движимой вещью с намерением противоправно её присвоить себе или передать третьему лицу. Объектом данного преступления являются и отношения собственности, и отношения, обеспечивающие жизнь, здоровье и личную свободу потерпевшего лица. Доктриной уголовного права разбой отнесен к преступлениям, посягающим на отношения собственности [5, с. 96]. В отличие от российского уголовного законодательства, в ФРГ разбой сформулирован законодателем как материальный состав преступления, т. е. он считается оконченным с момента изъятия чужой вещи. При сравнении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков разбоя, установленных в УК ФРГ и УК РФ,

видно, что некоторые из них повторяются (например, причинение тяжкого вреда здоровью, использование оружия и иных предметов и т.д.). Однако есть и существенные отличия. Например, в УК ФРГ самостоятельным квалифицирующим признаком является наличие у исполнителя или иного соучастника оружия или иных опасных орудий в момент совершения разбоя. При этом для квалификации деяния по данному признаку направленность умысла субъектов не устанавливается, необходимо, чтобы оружие или иные предметы просто находились в момент совершения деяния у преступников. Если же данные предметы были использованы субъектом для преодоления сопротивления потерпевшего лица, то это является отдельным, особо квалифицирующим признаком. В российском уголовном законодательстве для вменения в вину лицу квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, необходимо, чтобы оружие или иные предметы использовались по функциональному назначению или для оказания воздействия на потерпевшего. УК ФРГ также предусматривает ответственность за разбой, в результате которого наступила смерть потерпевшего. Согласно российскому законодательству, подобные действия не охватываются составом разбоя, а подлежат дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Кроме того, в УК ФРГ предусмотрен такой состав преступления, как разбойная кража. Главное отличие данного состава преступления от разбоя — это цель применения насилия: если при разбое насилие применяется для изъятия чужой вещи для её присвоения в личное пользование или в пользование третьих лиц, то при данной краже целью является удержание вещи в личном владении. В российском уголовном законодательстве конструкция «разбойная кража» отсутствует. В том случае, если собственник или иной законный владелец имущества установит, что в отношении его имущества совершается кража, однако виновное лицо, осознавая, что его обнаружили, продолжит свои действия, применив при этом опасное для жизни или здоровья насилие либо угрозу применения такого насилия, то его действия квалифицируются как разбой [4, п. 5].

Определенную сложность в изучении разбоя в государствах, относящихся к англо-саксонской семье, является отсутствие у них единого уголовного кодекса, который позволил бы проанализировать понятие и основные элементы разбоя. В Законе Великобритании о краже 1968 г. в качестве одного из составов преступления названо ограбление — действия лица, соверша-

емые непосредственно перед или во время совершения кражи, по применению силы к другому лицу, запугиванию или попыток запугивания. Необходимыми элементами рассматриваемого состава преступления являются кража имущества и применение или угроза применения силы к любому лицу с целью завладения имуществом вне зависимости от того, собиралось лицо в действительности применять силу или нет [1, с. 134]. Однако законодатель не детализирует характер силы, т.е. является она опасной или неопасной для жизни или здоровья потерпевшего лица.

В связи с тем, что в США уголовное законодательство отнесено к сфере ведения субъектов, в данном государстве существует разнообразный подход субъектов к правовому регулированию составов преступлений. Однако, благодаря Примерному Уголовному кодексу, в США наметилась определенная тенденция к унификации уголовного законодательства. В Примерном Уголовном кодексе установлена уголовная ответственность за ограбление — кражу имущества, совершенной непосредственно у потерпевшего или в его присутствии путем применения силы или внушения страха. При этом потерпевшему должны угрожать до изъятия имущества или непосредственно в момент такого изъятия [3, с. 185]. Помимо простого ограбления, существует и опасное, которым признается использование оружия или иных предметов, причинение тяжкого вреда здоровью.

В качестве особо квалифицирующего признака разбоя российское уголовное законодательство содержит указание на совершение его с проникновением в жилище, помещение либо в иное хранилище. В странах англо-саксонского права существует отдельный состав преступления — бэрглэри. Лицо признается виновным в бэрглэри в случае, если оно, нарушив неприкосновенность строения или его части, украдет или предпримет попытку что-либо украсть, причинить вред здоровью. Указанная правовая конструкция является уникальной и присущей только данной правовой семье.

Таким образом, несмотря на то, что правовая система Российской Федерации относится к романо-германской правовой семье, выбранная нами модель регулирования ответственности за разбой значительно отличается от моделей, существующих в европейских странах. В европейских государствах разбой довольно часто не выделяется в качестве самостоятельного состава преступления. В уголовном законодательстве стран, входящих в семью общего права, установлена уголовная ответственность за ограбление, а разбой в качестве самостоятельного состава преступления отсутствует.

Литература:

1. Голованова, Н. А. Уголовное право Англии: учебное пособие для вузов/Н. А. Голованова. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 188 с.
2. Игнатова, М. А. Уголовное право Италии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры/М. А. Игнатова. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 109 с.

3. Козочкин, И. Д. Уголовное право США: учебное пособие для вузов/И. Д. Козочкин. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 218 с.
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003 г. № 2.
5. Серебренникова, А. В. Уголовное право Германии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры/А. В. Серебренникова. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 124 с.
6. Уголовный кодекс ФРГ: принят 15 мая 1971 года/пер. с нем. А. В. Серебренниковой. — М.: Зерцало, 2000. — 208 с.

Деятельность российского нотариата в судопроизводстве

Тимаков Михаил Алексеевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье подробно исследуются основные права и обязанности российских нотариусов, их гражданско-правовые и гражданско-процессуальные отношения. Анализируются сходство и принципиальные отличия задач и функций нотариата и судебных органов России. Особо подчеркивается сходство требований, предъявляемых к профессиональной этике и профессиональному поведению судей и нотариусов. Сделаны предложения по улучшению взаимодействия нотариата и судебных органов России в целях нотариального обеспечения доказательств в ходе судебного процесса, что будет содействовать более полному соблюдению прав и свобод человека и гражданина в судебном процессе. Причем возможно взаимодействие нотариата и судебных органов России не только в гражданском, но и в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: нотариус, права и обязанности российских нотариусов, взаимодействие нотариата и судебных органов России.

Подавляющее большинство российских граждан пользуется при необходимости гарантированной Конституцией РФ возможностью судебной защиты своих прав. Хотя, как справедливо замечают исследователи, было бы предпочтительнее свести к минимуму саму вероятность нарушения этих прав. Однако многие граждане в силу правового нигилизма и недостаточного уровня доверия к правоохранительным органам не прибегают к предусмотренному российским законодательством нотариальному обеспечению своих прав и законных интересов, которое могло бы послужить предотвращению в дальнейшем правонарушений в отношении этих граждан.

В гражданско-правовых или гражданско-процессуальных отношениях взаимодействуют обычно несколько субъектов данного отношения. Одним из таких субъектов является нотариус, выполняющий различные нотариальные действия: удостоверение сделок, свидетельствование юридических фактов и подлинности подписей, принятие документов на хранение и т. д.

В связи с радикальными изменениями социально-экономической ситуации в нашей стране и стремительным развитием законодательства представляется, что деятельность нотариуса не должна ограничиваться гражданско-правовой сферой и гражданским судопроизводством. Возможно распространение ее и на другие сферы судопроизводства, в частности, на уголовное судопроизводство.

В настоящее время в правоприменительной деятельности нотариата и суда можно обнаружить большое количество общих признаков и черт. Например, возможно нотариальное обеспечение того или иного доказательства по заявлению заинтересованного лица, в целях его сохранения или подтверждения его подлинности, если существуют основания полагать, что представление этого доказательства в дальнейшем станет затруднительным. При сравнительном анализе статей 64-66 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [1], а также статей 102-103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 г. (далее — Основы) [3], становится очевидным, что суд и нотариат выполняют деятельность по обеспечению доказательств практически идентично, за исключением того, что нотариус, как правило, занимается этим до возбуждения дела в суде, а суд — после, хотя нет никакого законодательного запрета на обеспечение доказательств нотариусом после возбуждения дела в судебном органе. Осуществляя данную функцию, нотариат руководствуется не только Основами законодательства о нотариате, но и, как суды, гражданским процессуальным законодательством, на что есть прямое указание в Основах. При этом необходимо учитывать, что нотариус, в отличие от судьи, существенно ограничен в праве сбора доказательств и дополнительной информации (помимо тех, что представлены ему обратившимися лицами).

Возможность совершения нотариального действия нотариус оценивает исходя из содержания представленных документов и (или) на основе непосредственного восприятия фактических обстоятельств. Нотариус лишен возможности проверить достоверность содержания представленных документов (например, выписок из домовых книг, распорядительных актов о предоставлении земельных участков и т.п.), и их законность он оценивает, прежде всего, по формальным признакам.

Небезынтересно отметить, что требования, предъявляемые к профессиональной этике и профессиональному поведению, которые должны соблюдать судьи и нотариусы, также имеют общие черты. Так, например, во второй и третьей главах Кодекса профессиональной этики нотариуса подчеркивается, что нотариус при исполнении своих обязанностей должен руководствоваться действующим законодательством и своей совестью, внимательно изучать все представленные документы, способствовать обеспечению защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, сохранять профессиональную тайну, не допускать публичного проявления вредных привычек и неподобающего поведения [2].

Финансирование судебной деятельности и нотариальной деятельности государственных нотариусов происходит из денежных средств, выделяемых государством, в то время как частнопрактикующие нотариусы финансируются поступлениями за совершаемые нотариальные действия (ст. 23 Основ).

Согласно п. 13 ч. 1 ст. 35 и ст. 89 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, действующим во взаимосвязи со ст. 5 и п. 1 ч. 1 ст. 91 названных Основ, нотариус имеет право совершать на документах, подтверждающих бесспорность задолженности или иной ответственности должника перед взыскателем, исполнительную надпись для взыскания денежных сумм или истребования имущества от должника, руководствуясь при этом Конституцией РФ, данными Основами, другими законами и иными нормативными правовыми актами, а также международными договорами. Взыскание по исполнительной надписи нотариуса в соответствии со ст. 93 Основ производится в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации для исполнения судебных решений.

Существует немало заслуживающих внимания предложений, направленных на оптимизацию взаимодействия нотариата и суда в целях более полного обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина в судебном процессе, а также с целью оградить правоприменителя от влияния, которое могут оказать на него фактические данные (сведения),

содержащиеся в доказательствах, полученных с нарушением положений федерального закона. Одновременно возникает возможность обмена данными, что способствует активному взаимодействию между судебными, правоохранительными и другими органами, действующими в едином правовом пространстве. К их числу относится нотариат, у которого зачастую консолидируется информация, требующая своевременного реагирования со стороны правоохранительных органов. Несмотря на специфику деятельности, все указанные структуры несут общую для них миссию обеспечения незыблемости основ конституционного строя государства, прав и свобод человека и гражданина. Здесь уместно отметить, что суд и правоохранительные органы при оценке позиций и доводов участников процесса, часто сталкиваются с обстоятельствами дела и фактами, которые невозможно оценить немедленно.

При оценке доказательств указанные органы взаимодействуют не только со сторонами процесса и другими его участниками, которые имеют как материально-правовую, так и процессуальную заинтересованность в исходе гражданского дела, но и с лицами, оказывающими содействие правосудию, призванными укрепить и стабилизировать гражданский оборот: представителями нотариата и судебными экспертами. Абсолютное большинство граждан обращаются в суд за защитой нарушенного права уже после того, как это право нарушено, не применяя мер по предупреждению этих нарушений. Согласно статистике, обращений в нотариальные органы за правовой помощью гораздо меньше, чем обращений в суд, хотя нотариат призван и может осуществлять действия по предотвращению правонарушений.

Проблемой современного этапа является то, что место нотариата среди других органов власти законодательно не установлено. Это негативно отражается на работе судов в связи с большой нагрузкой, а также и на работе нотариусов, так как некоторые нотариальные функции, в частности обеспечение доказательств, используются довольно редко и не в полной мере.

Юридическая сила документов, выданных нотариусом очень высока и у суда они объективно вызывают больше доверия, поскольку они выданы компетентным лицом, не заинтересованным в исходе дела.

Регулирование нотариальной процедуры должно обеспечить, в конечном счете, закрепление как презумпции законности, так и презумпции достоверности нотариального акта. Таким образом, дальнейшее исследование и совершенствование положений теории нотариата, правоохранительной и судебной деятельности, которые позволят повысить эффективность работы данных учреждений, сохраняет свою актуальность.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

2. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=09E53999D32607F3614619C3A8F4FFB9&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&ts=yDjdnSmXCt7tbgw&base=LAW&n=333978&rnd=F7C802ABB7254CE4052982865D4167A9#vgMjdnS4YZhW8icw> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.

Становление и функции института нотариата в России

Тимаков Михаил Алексеевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье исследуется становление института нотариата в России, анализируются основные обязанности нотариусов и принципиальные отличия нотариата от иных правоохранительных органов.

Ключевые слова: нотариус, обязанности нотариуса, нотариальное делопроизводство, задачи и функции нотариуса.

Институт российского нотариата имеет длительную и сложную историю, отражающую приоритеты общества и государства в вопросе регулирования многообразных, главным образом гражданско-правовых и имущественных, правоотношений, а также поиск оптимального баланса государственного воздействия на этот правовой институт и на процессы его внутреннего саморегулирования. Нотариат в России прошел за несколько веков большой путь становления, а правовой статус российских нотариусов постепенно развивался и совершенствовался. В становлении и развитии нотариата в России можно выделить несколько этапов.

Началом первого этапа эволюции российского нотариата можно считать 1467 год, когда появились первые квазинотариальные учреждения. В доказательство такой точки зрения исследователи приводят нормы Псковской судной грамоты 1467 года, свидетельствующие об использовании в гражданском обороте письменных документов [4]. Как отмечает А. Г. Гасман, письменное оформление сделок окончательно установилось лишь после законодательного закрепления этого требования в Судебнике Ивана III 1497 года [2]. Судебником 1497 года вводилось сословие подъячих, которые только составляли письменные акты о сделках, но не имели права их удостоверить («укреплять»).

Началом второго этапа эволюции российского нотариата можно считать 1649 год, когда царем Алексеем Михайловичем было принято Соборное уложение. По требованиям Соборного уложения сделки могли заключаться только при участии площадных подъячих с оформлением ими письменного акта («крепости»). Эти «крепости» регистрировались в специальных книгах в Поместном приказе, после чего предъявлялись в Печатный приказ для «прикладывания» к ним государственной печати. За свои услуги площадные подъячие

брали плату с клиентов, так как жалованье от государства они не получали. Соборное уложение не предусматривало создание специального нотариального органа, причем функции органов, совершающих сделку, и органов, ее регистрирующих были разделены [1]. По мнению А. М. Фемелиди, из сословия площадных подъячих и развился со временем отечественный нотариат как правовой институт [9].

В период правления Петра I им был издан ряд указов с целью регламентирования порядка составления письменных актов («крепостей») о сделках и внесении сведений об этих сделках в книгу «крепостных дел» (аналог современного нотариального удостоверения сделок). В 1719 году Петр I учредил Юстиц-коллегию с подчиняющейся ей Крепостной конторой, а в 1720 году утвердил Генеральный регламент составления «крепостей». В этом регламенте впервые появился термин «нотариус» [7].

В период правления Екатерины II Юстиц-коллегия была упразднена, «нотариальное делопроизводство» было передано в ведение уездных судов и палат гражданских судов. При них создавались «крепостные отделения», состоящие из «крепостных писцов и надсмотрщиков».

Таким образом, с 1649 года в России началось постепенное формирование ранних нотариальных учреждений. Одновременно с этим процессом шло уточнение функций российских нотариусов и расширение их полномочий.

Началом третьего этапа эволюции российского нотариата можно считать 1866 год, когда император Александр II утвердил Положение о нотариальной части [8]. Этим Положением учреждалась новая стройная система нотариальных органов и определялась их компетенция. Прежняя система нотариальных органов была упразднена. Функции

составления и удостоверения нотариальных актов возлагались на вновь вводимые должности младших и старших нотариусов, которые состояли при окружных судах. Они считались государственными служащими, но жалование от государства не получали. Плату за совершение нотариальных действий они получали с клиентов, что позволяло им самостоятельно обеспечивать свою нотариальную деятельность.

Начало четвертому этапу эволюции российского нотариата положили Октябрьская революция 1917 года и связанные с ней фундаментальные перемены в стране. 29 октября 1917 года был опубликован «Декрет о земле», провозгласивший отмену частной собственности на землю и средства производства, что привело к резкому снижению гражданского оборота и потребности в нотариальных услугах. 23 марта 1918 года Постановлением Совета Народных Комиссаров Москвы и Московской губернии дореволюционный институт нотариата был официально упразднен в связи с утратой большинства ранее выполняемых функций.

В советском государстве нотариат создавался заново как государственный орган и подчинялся органам юстиции. Нотариусы в советский период утратили свою финансовую самостоятельность, а их нотариальная деятельность состояла в основном лишь в подтверждении верности копий документов. Они считались государственными служащими в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона РСФСР «О государственном нотариате» 1974 года [5].

Пятый этап эволюции российского нотариата начался в 1993 году в связи со сменой экономической модели развития постсоветского общества. Процессы приватизации привели к переходу большей части государственной собственности в частную собственность, что потребовало надежной правовой защиты участников гражданского оборота и срочной реформы государственного нотариата. Законодательной базой реформы стали принятые 11 февраля 1993 года Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [6]. Этим документом в России была учреждена современная система нотариата латинского типа, регламентирована деятельность Федеральной нотариальной палаты и региональных нотариальных палат. Главное изменение заключалось в появлении негосударственного нотариата. После введение в действие Основ подавляющее большинство бывших государственных нотариусов перешло на частную практику.

За период своего действия Основы неоднократно подвергались существенным изменениям, направленным на совершенствование организации нотариата, увеличение числа нотариальных действий, повышение требований к профессиональной подготовке нотариусов, расширение контрольных полномочий нотариальных палат. Ни в один из действующих отраслевых законов Российской Федерации не было внесено столько преобразований за столь короткое время.

В последние годы возросли требования к кандидатам на должности нотариуса, что выражено в необходимости

наличия юридического образования, прохождения стажировки, сдачи квалификационного экзамена и получении лицензии на осуществление нотариальной деятельности. Кроме этого, большое внимание уделяется нравственным качествам и профессиональному поведению нотариусам, что закреплено в Кодексе профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации [3].

Основные задачи российского нотариата следующие:

- 1) охранять и защищать недвижимое имущество, а также права физических и юридических лиц;
- 2) охранять права собственности и законные интересы физических и юридических лиц;
- 3) соблюдать законность и правопорядок;
- 4) предупреждать правонарушения путем своевременного и соответствующего нормам законодательства РФ удостоверения договоров и сделок;
- 5) оформлять наследственные права;
- 6) совершать исполнительные надписи;
- 7) подтверждать документы;
- 8) иные нотариальные действия.

Основной сущностью работы нотариальных органов является обеспечение реальности приобретаемых прав, закрепление их в установленной юридической форме. Органы нотариата, осуществляя надлежащим образом свою деятельность в соответствии с действующим законодательством РФ, должны требовать соблюдения установленного порядка всеми лицами, обратившимися с просьбой о совершении нотариальных действий. Важная задача укрепления законности нотариатом состоит в предупреждении правонарушений лиц, реализующих свои гражданские права и занимающихся хозяйственной деятельностью.

Нотариат способствует сокращению количества преступлений в сфере собственности, поскольку увеличивается количество сделок с недвижимостью, подлежащих обязательному нотариальному оформлению. Профилактическая функция нотариата непосредственно обусловлена публично-правовым характером его деятельности, а именно: за счет жесткой регламентации процедуры нотариального производства, исследования большого массива доказательств, что способствует исключению возможности подделок, при этом защищая права законных собственников имущества.

Нотариат в России на сегодняшний день представляет собой неотъемлемую часть правоохранительных органов. Однако нотариат как правозащитный институт имеет принципиально отличительные от иных правоохранительных органов черты. Во-первых, особенности его организационной структуры и способа финансирования: публичность, корпоративность по профессиональному признаку, самоуправление и самофинансирование. Во-вторых, у нотариата отсутствует главный признак правоохранительных государственных органов — метод принуждения. Нотариус не может применять к обратившемуся лицу дисциплинарные, уголовные или административные меры воздействия.

Наиболее тесно нотариат связан с судом, поскольку выполняет сходные с обязанностями суда задачи — охрану субъективных прав граждан и организаций. Главное различие между судом и нотариатом состоит в том, что суды в основном разрешают споры о праве, а предметом нотариальной деятельности являются бесспорные дела. Кроме того, органы нотариата не используют состязательную форму процесса, а удостоверяют права и юридические факты, как правило, на основании письменных доказательств.

Таким образом, можно сгруппировать виды нотариальных функций следующим образом:

1) Социальные функции, характеризующие место нотариата в системе органов гражданской юрисдикции и правовой системе России. К ним относят предупредительно-профилактическую, правореализационную, правоохранительную и фискальную функции.

2) Содержательные функции, отражающие характер нотариальной деятельности. К ним относятся охранительная, юрисдикционная, правоустановительная и удостоверительная функции.

Публичными функциями нотариата являются, прежде всего, охрана прав физических и юридических лиц и осуществление так называемого предотвратительного или превентивного правосудия.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что деятельность нотариуса очень важна, как для граждан и организаций, так и для государства. Деятельность нотариуса связана с правоохранительной задачей обеспечения законности и правопорядка в государстве. Следует указать, что современное регулирование правового статуса нотариуса несовершенно и нуждается в коррекции. Вместе с тем, отметим, что Основы, охватывающие большой круг общественных правоотношений, являются гарантом независимости нотариальной деятельности.

Литература:

1. Абрамович, Г. В. Соборное уложение 1649 года. — Л.: Наука, 1987. — 448 с.
2. Гасман, А. Г. Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части. — СПб.: Сенатская типография, 1904. — 336 с.
3. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=09E53999D32607F3614619C3A8F4FFB9&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&ts=yDjdnSmXCt7tbgw&base=LAW&n=333978&rnd=F7C802ABB7254CE4052982865D4167A9#vgMjdnS4YZhW8icw> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Комаров, Н. И. Нотариат в Российской Федерации: курс лекций. — М.: Лекс-Книга, 2005. — 205 с.
5. О государственном нотариате: Закон РСФСР от 02.08.1974 // Ведомости ВС РСФСР. — 1974. — № 32. — Ст. 852. (утратил силу).
6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. — СПб., 1830. Т. VIII. — 1830 с.
8. Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. 1. — СПб., 1892.
9. Фемелиди, А. М. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 года. — СПб.: Я. А. Канторович, 1902. — 264 с.

Гарантии уголовно-процессуальных прав потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: историко-правовой аспект

Трифонов Олег Андреевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Манцурова Линда Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Хабаровский государственный университет экономики и права

Существующая в государстве система гарантий обеспечивает реализацию гражданами своих прав и свобод во всех сферах общественной жизни, в том числе, и в уголовном судопроизводстве. В данной статье исследуется историческое развитие гарантий уголовно-процессуальных прав потерпевшего и свидетеля в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: гарантии процессуальных прав, потерпевший, свидетель, развитие.

Guarantees of criminal procedural rights of victims and witnesses in criminal proceedings: historical and legal aspect

Trifonov Oleg Andreevich, student master's degree
Scientific adviser: Mantsurova Linda Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor
Khabarovsk State University of Economics and Law

The state's system of guarantees ensures that citizens exercise their rights and freedoms in all spheres of public life, including in criminal proceedings. This article examines the historical development of guarantees of criminal procedure rights of victims and witnesses in Russian criminal proceedings.

Keywords: guarantees of procedural rights, victim, witness, development.

Большинство государств современного мира закрепляют широкий перечень прав и свобод человека в различных сферах общественных отношений. Не является исключением из данного правила и уголовное судопроизводство. Для того, чтобы перечисленные в уголовно-процессуальном законодательстве права потерпевшего и свидетеля были реально действующими, необходимо создание комплекса гарантий, которые будут обеспечивать реализацию субъектами правоотношений своих прав и свобод. В настоящей статье нами проведен ретроспективный анализ российского уголовно-процессуального законодательства о гарантиях прав потерпевшего и свидетеля.

Первое упоминание о свидетелях содержится в таких древних письменных источниках российского права, как Русская правда, Псковская и Новгородская судные грамоты, признававшие свидетельские показания в качестве доказательства. В данных документах правовое регулирование статуса свидетеля сводилось к описанию того, к какому сословию он должен принадлежать и какие обязанности он должен исполнять (например, участие в судебном поединке).

Потерпевший в рассматриваемый период именовался истцом. К обязанностям истца в тот период времени относилось выдвижение обвинения, его поддержание, а также участие в судебном поединке [1, с. 205].

В Судебниках 1497 г. и 1550 г. правовой статус свидетелей и потерпевших расширяется. Все свидетели именуются со времен Судебника послухами. Судебник 1497 г.

разрешает давать свидетельские показания и холопам. Если свидетель давал ложные показания, с него могли быть взысканы убытки [3, с. 91]. В Судебнике 1497 г. лицо, пострадавшее от преступления, было названо «жалобщиком». Данный документ содержал, по нашему мнению, «зачатки» гарантии права на защиту, поскольку в нем устанавливалась обязанность судьи принять поданный на его имя иск и рассмотреть его при условии, если он соответствует компетенции судьи. В том случае, если иск подан некомпетентному судье, то последний был обязан доложить об этом князю или самостоятельно направить жалобщика к компетентному судье. Судебник 1550 года расширил данную гарантию: если судья не выполнит указанные обязанности, то жалобщик мог обратиться к царю для защиты своих права.

Статья 64 Судебника 1497 г. предусматривала право на пересмотр рассмотренного дела, который мог быть осуществлен по жалобе любой из сторон, в том числе, и жалобщика. Подобный пересмотр мог быть осуществлен только в случае возникновения сомнений в достоверности судебного списка и по делам, решение по которым принималось путем проведения поединка.

В результате судебной реформы в 1864 г. в Российской империи был принят Устав уголовного судопроизводства (далее — Устав), во многом изменивший правовой статус участников уголовного процесса. Так, жалоба лица, потерпевшего от преступления, являлась самостоятельным поводом к началу следствия. При этом гаран-

тием права потерпевшего на инициирование уголовного преследования служил запрет следователю и прокурору отказывать в принятии такой жалобы. На всех этапах проведения следственных действий потерпевший наделялся значительным объемом прав (право участвовать во всех следственных действиях, выступать свидетелей и т. д.). При этом пользоваться указанными правами потерпевший мог с момента подачи жалобы [3, с. 137]. Гарантий реализацией перечисленных прав являлась возможность обжалования решений лица, осуществляющего предварительное следствие.

По Уставу потерпевший по отдельным категориям дел мог выступать частным обвинителем, в статусе которого он признавался стороной обвинения, наделялся правами на всех стадиях уголовного процесса. В случае рассмотрения судом уголовных дел публичного обвинения потерпевший мог быть признан только гражданским истцом. Согласно Уставу, частный обвинитель обладал правом обжалования приговора. Правом на подачу апелляции на часть приговора, связанную с полагающимся ему вознаграждением, был наделен и гражданский истец. Гарантией указанного права являлась обязанность вышестоящего суда принять поданную жалобу и рассмотреть её по существу.

Полно был урегулирован Уставом и статус свидетеля. Так, в нем исчерпывающим образом были перечислены лица, не допускаемые к даче свидетельских показаний (например, духовные лица, — в части обстоятельств, ставших известными на исповеди). Существовало право близких родственников отказаться от дачи свидетельских показаний против обвиняемого.

Еще одним правом свидетелей являлась дача показаний на родном языке, гарантией которого выступала обязанность следователя или судьи назначить переводчика. Свидетели по Уставу наделялись правом знакомиться с записанными следователем или судьей показаниями, вносить в них замечания и исправления. Также свидетелям гарантировалось право на получение компенсации за путевые издержки в случае вызова их на дальнейшее расстояние. Устав закрепил право свидетелей на подачу жалобы в том случае, если они были притеснены или на них были наложены незаконные взыскания.

Литература:

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права: учебное пособие / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Москва: ИД Территория будущего, 2005. — 800 с.
2. Калинина, В. Ф. История отечественного государства и права: учебник и практикум для вузов / В. Ф. Калинина, Г. Ю. Курскова. — М.: Издательство Юрайт, 2020. — 436 с.
3. Лукомская, А. С. Развитие уголовно-процессуального понятия «Потерпевший» в законодательстве России в период до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года / А. С. Лукомская // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27, вып. 5. — с. 132-139.

Произошедшие в начале XX века в нашей стране события затронули и уголовное судопроизводство. В Уголовно-процессуальных кодексах РСФСР (1923 г. и 1960 г.) впервые было раскрыто понятие «свидетель», перечислены обстоятельства, о которых может быть допрошен свидетель, а также устанавливалась обязанность при допросе указывать источник своей осведомленности. Указанные кодексы, по сравнению с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., сократили количество лиц, которые не могли быть свидетелями, признав такое право только за защитниками обвиняемого лица и лицами, имеющими физические или психические недостатки, препятствующие их правильному восприятию и интерпретации обстоятельств. Из УПК РСФСР 1923 г. и 1960 г. была изъята норма о праве близких родственников отказаться от дачи показаний против обвиняемого.

Потерпевший по уголовно-процессуальным кодексам советского времени был вправе возбуждать уголовное преследование по делам частного обвинения, при этом данное право не могло быть реализовано в случае вступления в процесс прокурора, если речь шла об охране и защите публичного интереса. Предоставленный потерпевшему перечень процессуальных прав мог быть ограничен по решению следователя в случае, если осуществление потерпевшим своих прав может препятствовать раскрытию дела или сохранению в тайне сведений, способных помешать ходу следствия в случае их оглашения.

В 2001 г. был принят ныне действующий УПК РФ, который закрепил правовой статус потерпевшего и свидетеля. Правовой статус данных участников уголовного процесса не является чем-то неизменным. Так, в 2014 г. в УПК РФ были внесены масштабные изменения в части правового регулирования статуса потерпевшего (например, введение нормы о признании лица потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела).

Таким образом, проведенный анализ российского уголовно-процессуального законодательства подтвердил, что гарантии прав свидетеля и потерпевшего не являются чем-то неизменным, напротив, в каждый период развития нашего государства они также подвергаются изменениям, которые, в целом, можно считать весьма позитивными.

Реализация правоспособности корпоративного юридического лица через его органы

Федичева Анастасия Эдуардовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Автор статьи дает краткую характеристику органов корпоративного юридического лица, описывает способ приобретения гражданских прав и принятие обязанностей корпорацией через ее органы.

Ключевые слова: корпоративное юридическое лицо, органы корпоративного юридического лица, учредительные документы корпорации, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, правоспособность, ликвидатор.

По абз. 1 п. 1 ст. 53 Гражданского Кодекса Российской Федерации юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает обязанности через свои органы, которые действуют в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Данные органы формируют волю юридического лица, гарантируют его волеизъявление, а также реализуют его правоспособность. [1] В данной статье нас будут интересовать корпоративные юридические лица и их органы. Стоит дать краткую характеристику органов корпорации (лицо или совокупность лиц, уполномоченных в соответствии с законом, иными правовыми актами или учредительными документами осуществлять управление деятельностью юридического лица).

С точки зрения порядка формирования органы подразделяются на созываемые (общее собрание участников ООО, общее собрание акционеров), избираемые (совет директоров и председатель АО), назначаемые (генеральный директор ООО), формируемые на договорной основе (управляющий или управляющая компания как единственный исполнительный орган в хозяйственных обществах).

Кроме того, органы корпоративных юридических лиц разделяют по признаку обязательности, так, обязательными являются, например, общее собрание участников, директор, а факультативными — наблюдательный совет в производственных кооперативах, советы директоров в обществах с ограниченной, в некоторых случаях, в акционерных обществах и т. д.

По характеру деятельности органы могут быть постоянно действующие (директор хозяйственного общества), периодически действующие (совет директоров компании, общее собрание участников, акционеров).

По признаку коллегиальности органы подразделяются на собственно коллегиальные (общее собрание участников, совет директоров, правление, попечительский совет), единоличные (директор, управляющий).

Наконец, с точки зрения функции, которую осуществляют органы корпорации, можно выделить волеобразующие органы (общее собрание участников, совет директоров), исполнительные органы (правление, директор), контрольные (ревизионная комиссия, ревизор).

Стоит отметить, что в числе прочих выделяют особые органы корпораций (ликвидационная комиссия (ликвидатор)).

Необходимо сказать и о том, что структура органа корпоративного юридического лица, их иерархия, круг полномочий и другие их особенности напрямую зависят от формы корпорации, к которой принадлежит отдельно взятый орган, а также то, является ли это корпоративное юридическое лицо коммерческим или некоммерческим. [5]

В корпоративных юридических лицах существует высший коллегиальный орган в виде общего собрания участников хозяйственных обществ (акционеров), членов кооператива, членов некоммерческого партнерства, членов объединения и т. д. (ст. 91, п. 1 ст. 103, п. 1 ст. 110 ГК, ст. 29 Закона о некоммерческих организациях). [1], [3] Данные органы не могут быть созданы в некорпоративных юридических лицах, в унитарных предприятиях, а также в одночленных обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью и в тех акционерных обществах, где все голосующие акции принадлежат одному лицу.

Отмеченное выше относят только к коллегиальным органам, которые составляют участники, поэтому нельзя сказать, что в юридических лицах, не являющихся корпоративными коллегиальные органы не могут существовать. Например, автономное учреждение, имея одного учредителя, должно иметь наблюдательный совет, состоящий из 5-11 членов из числа представителей исполнительной власти, общественности и т. д.

В некоторых случаях, установленных законом (п. 2 ст. 53, ст. 71, 72 Гражданского Кодекса Российской Федерации), к примеру, в хозяйственных товариществах может не иметь органов [1].

Органы корпоративных юридических лиц имеют совокупность вопросов, которые они могут решать (полномочия), заходить за их пределы запрещено. В данном случае говорят об исключительной компетенции, под которой понимают круг вопросов, которые не могут решать иные органы корпорации. Но возможны случаи, когда в этой компетенции есть исключения. К примеру, по п. 1 ст. 103 Гражданского Кодекса Российской Федерации, п.

1. ст. 48 Закона «Об акционерных обществах» и согласно уставу Общества не смотря на то, что создание в акционерном обществе исполнительных органов относится к исключительной компетенции общего собрания акционеров, данное полномочие может быть отнесено к компетенции совета директоров данного корпоративного юридического лица. [2]

Для корпорации установлена специальная правоспособность, которая позволяет юридическому лицу вступать в те правоотношения, благодаря которым достигаются его цели, закрепленные законом или уставом юридического лица (п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Однако большинство коммерческих организаций имеют общую правоспособность, то есть, обладают всем объемом прав (и несут соответствующие обязанности), необходимых для ведения любой деятельности, не запрещенной законом. [4] «Коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом» (ч. 2 п. 2 ст. 49 ГК РФ) [1]

Возвращаясь к вопросу о реализации правоспособности корпорации через ее органы, стоит отметить, что когда говорят о приобретении прав и принятии обязанностей корпорацией через свои органы, имеют в виду, что когда корпоративное юридическое лицо вступает в гражданско-правовые отношения от его лица действуют органы.

Так, при заключении договоров, документы как правило подписываются орган корпоративного юридического лица, будь то директор или иные уполномоченные лица. Причем, как правило, речь в данном случае идет об исполнительном органе корпорации. Однако, поло-

жение п. 1 ст. 53 Гражданского Кодекса Российской Федерации затрагивает и общее собрание участников (акционеров, членов) и совет директоров (наблюдательный совет) хозяйственного общества, производственного кооператива. Через данные органы корпорация приобретает права и обязанности, образуя исполнительный орган, а также контролируя его действия и одобряя заключение тех или иных сделок, согласовывая их заключение. Но для того, чтобы данные сделки были признаны действительными необходимо, чтобы органы корпорации действовали исключительно в рамках своей компетенции (статья 183 Гражданского Кодекса Российской Федерации).

Кроме того, по решению государственного или муниципального органа орган от имени корпорации приобретает вещные права, при совершении односторонних сделок, например, при принятии наследства.

Орган корпорации действует от ее лица в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами и без доверенности, в отличие от представителей корпоративного юридического лица. Представитель же обязан действовать на основании и только в границах доверенности. [6]

Итак, корпоративные юридические лица реализуют свою правоспособность через свои органы, участников, аффилированных лиц, работников, филиалы и представительства, а также сделки. В данной статье рассматривалось приобретение прав и обязанностей через органы корпорации. С помощью данных структурных подразделений корпорация заключает договоры, приобретают вещные права, органы принимают решения по вопросам в рамках своей компетенции и т. д. Корпорация и его органы находятся в определенных гражданско-правовых отношениях, которые можно рассматривать как один из видов представительства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действ. ред.) // СПС КонсультантПлюс;
2. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 24 ноября 1995 г. N 208-ФЗ // СПС КонсультантПлюс;
3. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ // СПС КонсультантПлюс;
4. Бураева, А. Е., Москвина, К. А. Элементы правосубъектности юридических лиц / А. Е. Бураева, К. А. Москвина. — Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. — 2016. — № 26-2. — с. 131-134;
5. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Б. М. Гонгало. — 2-е изд. — Москва: Статут, 2017. — 511 с. — Текст: непосредственный;
6. Статья 53. Органы юридического лица. — Текст: электронный // Гражданский кодекс Российской Федерации со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям ГК РФ: [сайт]. — URL: <https://stgkrf.ru/> (дата обращения: 04.11.2021).

Участие прокурора в предварительном слушании

Федорова Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор дает определение понятию предварительного слушания и определяет роль прокурора на данной стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: прокуратура, предварительное слушание, государственный обвинитель

Предварительное слушание в уголовном процессе — это факультативная стадия судебного производства, которая может возникнуть при наличии определенных оснований, указанных в законе.

Предварительное слушание так же можно охарактеризовать как особый порядок подготовки к судебному заседанию, характеризующийся особым кругом вопросов, решаемых судьей, спецификой порядка его проведения и видами решений, принимаемых по итогам предварительного слушания

В Российском уголовном судопроизводстве предварительное слушание является одной из процессуальных форм подготовки к рассмотрению уголовного дела по существу в суде первой инстанции.

Уникальность предварительного слушания заключается в том, что оно содержит в себе отдельные признаки, присущие стадии уголовного процесса. Например, при подготовке дела к разбирательству вне предварительного слушания, не присутствуют прокурор, обвиняемый, защитник, потерпевший, свидетель.

Судебное разбирательство может назначаться без проведения предварительного слушания, либо с проведением предварительного слушания. Данное решение зависит от качества проведенного предварительного расследования и действия сторон.

В четко описанных в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] стадии подготовки и назначения судебного разбирательства предварительному слушанию отведена роль звена, расположенного между досудебным производством по уголовному делу и его рассмотрением по существу в суде первой инстанции. Согласно структуре УПК РФ, предварительное слушание относится к судебному производству. Ковтун Н. Н. отмечает, что на данной стадии осуществляется контроль «...за обоснованностью притязаний обвинительной власти на уголовное преследование обвиняемых ею, непосредственно в уголовном суде» [5, с. 217].

Предварительное слушание играет роль контрольной инстанцией по отношению к предварительному расследованию, выполняет функцию процессуального «фильтра», который позволяет устранить препятствия для судебного разбирательства по уголовному делу. В ходе предварительного слушания возможно исключить некоторые процессуальные ошибки, допущенные органом предварительного расследования и прокурором.

Согласно ст. 227 УПК РФ, судья по уголовному делу принимает одно из следующих решений: о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания и о назначении судебного заседания.

Решение о проведении предварительного слушания принимается судьей в срок не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд. В случае, если обвиняемый по уголовному делу содержится под стражей, судья обязан принять решение не позднее 14 суток со дня поступления уголовного дела.

Уголовно-процессуальным законом не установлен специальный срок для проведения предварительного слушания, поэтому судам следует иметь в виду, что в сроки, указанные в ч. 1 ст. 233 УПК РФ, должно быть проведено предварительное слушание и начато рассмотрение уголовного дела в судебном заседании, назначенном по его результатам [3].

В соответствии со ст. 229 УПК РФ, суд проводит предварительное слушание по ходатайству стороны или по собственной инициативе при наличии следующих оснований: при наличии ходатайства стороны об исключении доказательств, при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ, при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела, при наличии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, при наличии не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело, за ранее совершенное им преступление, при наличии основания для выделения уголовного дела, при наличии ходатайства стороны о соединении уголовных дел в случаях, предусмотренных УПК РФ [1].

Предварительное слушание проводится судьей единолично с обязательным участием сторон в закрытом судебном заседании в соответствии с правилами, установленными ст. 33, 34 и 35 УПК РФ.

Само предварительное слушание проводится в закрытом судебном заседании и по общим правилам судебного разбирательства, но с некоторыми особенностями. В ходе предварительного слушания так же ведется протокол. Важным моментом является то, что предварительное слушание осуществляется с учетом общих ус-

ловий судебного разбирательства, предусмотренных главой 35 УПК РФ. Затем следует общий ход подготовительной части судебного заседания.

Однако, в отличие от общего порядка рассмотрения уголовного дела, участие обвиняемого в предварительном слушании не является обязательным, поэтому по его ходатайству предварительное слушание может быть проведено в его отсутствие, что не является нарушением уголовно-процессуального закона. Однако, если такое ходатайство от обвиняемого не поступило, предварительное слушание в его отсутствие исключается. Неявка других участников уголовного судопроизводства, должным образом уведомленных, не препятствует проведению предварительного слушания. В случае такой неявки нет необходимости выяснять причины.

В этом процессе прокурор является активным участником, ему принадлежит ведущая роль в осуществлении уголовного преследования.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (далее — ФЗ «О прокуратуре») [2], прокуроры в соответствии с процессуальным законодательством РФ участвуют в рассмотрении дел судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов.

В соответствии с ч. 3 ст. 37 УПК РФ, в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность [1]. Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя (далее — гособвинитель). Понятие гособвинителя содержится

в ч. 6 ст. 5 УПК РФ, где государственный обвинитель — это должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу. Таким образом, гособвинитель относится к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства.

Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции начинается с предварительного слушания.

Предварительное слушание, в отличие от общей процедуры подготовки к судебному разбирательству, важно для осуществления контроля над законностью досудебного производства, а в некоторых случаях и над обоснованностью предъявленного обвинения, а также для изучения доказательств. Участие прокурора в предварительном слушании позволяет ему получить представление о проблемах в уголовном деле и принять меры по их устранению, чтобы в дальнейшем отстаивать свою позицию.

Участие прокурора в предварительном слушании не является обязательным, его неявка не препятствует предварительному слушанию, но в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 376 (далее — Приказ), необходимо обратить внимание на участие прокурора на указанной стадии уголовного процесса [4].

Предварительное слушание проводится по правилам состязательности, следовательно, участвуя в предварительном слушании, прокурор обладает всеми правами участника процесса: он может заявлять ходатайства и отводы, делать заявления, выражать свое мнение по всем вопросам, возникающим в судебном заседании. Когда кто-либо обращается с ходатайством об исключении доказательств, прокурор имеет право признать ходатайство обоснованным либо оспорить его. Опровержения доводов защиты в соответствии с ч. 4 ст. 235 УПК РФ возлагается на прокурора.

При подготовке к предварительному слушанию на основании изученных материалов уголовного дела прокурору необходимо определить дополнительный круг лиц, дополнительный перечень доказательств, способных оказать содействие в установлении истины по делу, о вызове или истребовании которых он будет ходатайствовать перед судом [6, с. 398].

Выявляя просчеты и ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования, прокурору следует подготовиться к возможным в связи с этим ходатайствам стороны защиты в судебном заседании, в том числе в предварительном слушании, и соответствующему реагированию на них. Важно продумать порядок и тактику представления суду доказательств, необходимость заявления ходатайств о вызове дополнительных свидетелей, о проведении дополнительных экспертиз, о приобщении к делу каких-либо документов или материалов [7, с. 232].

Прокурором ходатайство о проведении предварительного слушания может быть заявлено при направлении дела в суд [8, с. 346].

Прокурора обладает правом отказаться от обвинения или изменить его в сторону смягчения на любой стадии производства по уголовному делу. Если прокурор приходит к выводу, что необходимо изменить объем обвинения или квалификацию действий обвиняемого, целесообразнее сделать это на стадии предварительного слушания.

На предварительном слушании судом может быть принято решение о прекращении уголовного дела по иным основаниям, предусмотренным ст. 239 УПК РФ. Поскольку с прекращением уголовного дела прокурор теряет возможность продолжить уголовное преследование, он должен соблюдать положения Приказа и уделять указанной стадии должное внимание.

Прокурор может поставить перед судом вопрос о продлении срока содержания под стражей обвиняемого. Истечение установленного судом срока содержания лица под стражей влечет его освобождение, что может повлечь неблагоприятные последствия. Следовательно, для рас-

смотрения вопроса о продлении срока содержания обвиняемого под стражей суду необходимо назначить предварительное слушание.

На предварительном слушании государственный обвинитель также принимает решение о возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке.

Поскольку прокуратура является органом, осуществляющим надзор за соблюдением законов, государственный обвинитель должен занимать позицию,

основанную на законе справедливости в судебном разбирательстве. Для государственного обвинителя поддержание государственного обвинения — это выполнение его служебных обязанностей, а также его моральный долг по установлению истины.

Судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, может быть обжаловано в апелляционном и (или) кассационном порядке.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 N 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // СПС «Консультант Плюс».
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Консультант Плюс».
5. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: Монография/Н. Н. Ковтун. — 1. — Нижний Новгород: Нижегород. правовая акад., 2002. — 331 с. — Текст: непосредственный.
6. Тушев, А. А., Кудин, Ф. М., Тхакушинов, М. А., Теучеж, А. А. Подготовка прокурора к реализации функции установления объективной истины в судебном разбирательстве по уголовным делам/А. А. Тушев, Ф. М. Кудин, М. А. Тхакушинов, А. А. Теучеж. — 125. — Краснодар: Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета., 2017. 397-407 с. — Текст: непосредственный.
7. Капинус, О. С. [и др.] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 2: практ. пособие/под общ. ред. О. С. Капинус [и др.] — 5-е изд., пер. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 434 с. — Текст: непосредственный.
8. Капинус, О. С. [и др.] Прокурорский надзор в 2 т. Том 2. Особенная и специальная части: учебник для бакалавриата и специалитета/; под общ. ред. О. С. Капинус. — 4-е изд., пер. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 420 с. — Текст: непосредственный.

Некоторые вопросы разграничения ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ

Филатов Никита Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье раскрываются вопросы, связанные с разграничением ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Автор рассматривает объективные и субъективные признаки данных составов преступных деяний и выделяет те, которые имеют решающее значение для отграничения одного состава преступления от другого. Выдвигаемые аргументы подтверждаются соответствующими примерами из судебной практики. Автор указывает на то, что на практике до сих пор достаточно часто встречаются примеры, связанные с переквалификацией преступных деяний со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ и наоборот. В свою очередь, это указывает на то, что органами предварительного следствия не в полной мере исследуются все обстоятельства по делу, имеющие важное значение для квалификации совершенного преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, убийство, квалификация, тяжкий вред здоровью, преступление.

Some issues of differentiation of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation and part 4 of article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article reveals the issues related to the differentiation of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the objective and subjective features of these

elements of criminal acts and identifies those that are crucial for distinguishing one element of a crime from another. The arguments put forward are supported by relevant examples from judicial practice. The author points out that in practice there are still quite often examples associated with the reclassification of criminal acts from Article 105 of the Criminal Code to Part 4 of Article 111 of the Criminal Code and vice versa. In turn, this indicates that the preliminary investigation bodies do not fully investigate all the circumstances in the case that are important for the qualification of the committed crime.

Keywords: criminal liability, murder, qualification, serious injury to health, crime.

Убийство является одним из наиболее общественно опасных преступлений. На практике данное преступное деяние встречается достаточно часто. Однако зачастую правоприменители сталкиваются со сложностями при разграничении убийства, предусмотренного ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ [6]) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, ответственность за которое установлена в ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Следует отметить, что разграничение вышеуказанных составов было предметом уже неоднократных доктринальных исследований, по этому счету имеются и позиции (разъяснения) судов вышестоящих инстанций, однако на практике до сих пор определенные трудности имеются. На это, в частности, указывают и ошибки при квалификации преступных деяний (суды, например, сначала квалифицируют действия виновного по одной статье, а в последующем происходит переквалификация на другую статью). Безусловно, что такие ошибки нарушают законные права и интересы виновного лица (наказание за убийство более суровое, чем за второй рассматриваемый состав). В связи с этим представляется достаточно актуальным провести разграничение указанных составов.

Так, можно отметить, что между рассматриваемыми составами есть достаточно одно важное сходство, которое и является камнем преткновения при их разграничении. Речь идет о том, что видовой объект у данных преступлений совпадает. Однако отношение к последствиям будет различаться при убийстве и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Обратимся к признакам, которые позволяют разграничить данные составы. Так, непосредственный объект также имеет отличия. Непосредственный объект преступных деяний в виде убийства представляет собой жизнь человека. Тогда как по ч. 4 ст. 111 УК РФ посягательство происходит на здоровье человека. Кроме того, последний состав является двухобъектным, поскольку дополнительным непосредственным объектом является жизнь человека.

Часть 4 ст. 111 УК РФ относится также к преступлениям с двумя формами вины [1, с. 182]. Так, в качестве первого последствия по ч. 4 ст. 111 УК РФ выступает причинение тяжкого вреда здоровью человека (при этом речь идет в данном случае об умышленной форме вины), а вторым последствием является причинение смерти (в отношении

данного последствия формой вины будет выступать неосторожность).

По объективной стороне фактически разграничить рассматриваемые составы преступлений достаточно сложно, поскольку они зачастую совпадают. Однако важное значение будет иметь промежуток времени между причинением вреда здоровью потерпевшему (например, удары, ранения и т. д.) и его смертью.

Что касается субъективной стороны, то тут важно определить на что был направлен умысел потерпевшего (на причинение тяжкого вреда здоровью или на смерть потерпевшего). Зачастую на это указывает характер ранений, предметы, которые использованы при нанесении ударов и т. д. Например, если виновное лицо использует пистолет и целится в жизненно важные органы, то очевидно, что речи не идет о применении к таким деяниям ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако если виновное лицо наносит удар кулаком, а потерпевший ударяется об острый угол головой, то скорее всего такие деяния будут квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако и в последнем случае значение будет иметь взаимоотношение между виновным и потерпевшим, сложившаяся обстановка, причины возникновения конфликта и т. д.

Более наглядно проследить различия данных составов помогут материалы из судебной практики.

Так, Нестеров Н. Н. находился в жилой комнате дома, где употреблял спиртное с ФИО1. В ходе распития спиртного между ними возникла ссора, в ходе которой ФИО1 взяла в руки табурет и нанесла им удар в область правой щеки Нестерова Н. Н., в результате чего причинила последнему телесное повреждение. После чего ФИО1 поставила табурет на пол комнаты и села на него в непосредственной близости от Нестерова Н. Н. В это время у Нестерова Н. Н. возник преступный умысел, направленный на причинение смерти ФИО1. Реализуя задуманное Нестеров Н. Н. взял в правую руку в выдвижной полке кухонного стола нож хозяйственно-бытового назначения, не являющийся холодным оружием, и, действуя умышленно с целью причинения смерти ФИО1, нанес один удар клинком указанного ножа в анатомически важную часть человеческого тела, а именно в область грудной клетки последней. ФИО1 от причиненной ей Нестеровым Н. Н. проникающей колото-резаной раны грудной клетки упала на пол комнаты, после чего скончалась на месте происшествия [5].

Следует отметить, что ситуация на сегодняшний день, приведенная из примера судебной практики, является достаточно типичной. Распитие алкогольных напитков

и возникшая ссора встречается и при убийстве, и при причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. В представленном примере речь идет об убийстве, поскольку виновное лицо нанесло удар, во-первых, ножом, во-вторых, в жизненно важный орган. Т. е. орудие, с помощью которого совершено преступление, а также локализация ударов указывают на то, что умысел виновного был направлен именно на совершение убийства.

Рассмотрим теперь пример, связанный с квалификацией преступных деяний по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Плотников Н. А. с супругой Плотниковой Л. М. выпивали, в процессе распития алкогольных напитков у них возник конфликт. У виновного лица (Плотникова Н. А.) возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью супруге. Виновное лицо нашло отвертку, которой умышленно, с силой, нанёс Плотниковой Л. М. не менее двух ударов в область правого бедра и не менее трёх ударов в область левого бедра потерпевшей. Потерпевшая Плотникова Л. М. в 17 часов 55 минут 21.10.2020 была госпитализирована в ГБУЗ «Чесменская районная больница», где скончалась в 20 часов 30 минут 21.10.2020 от причиненной ей Плотниковым Н. А. слепой, колото-резаной раны мягких тканей правого бедра с повреждением бедренной артерии. Своими умышленными преступными действиями Плотников Н. А. причинил Плотниковой Л. М. одну слепую, колото-резаную рану мягких тканей правого бедра с повреждением бедренной артерии, которая сопровождалась обильным наружным кровотечением, повлекшую тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни и находящуюся в прямой причинной связи с наступлением смерти. Кроме того, своими преступными действиями Плотников Н. А. причинил Плотниковой Л. М. одну колотую рану на правом бедре и три колотых раны на левом бедре (легкий вред здоровью) [4].

В представленном примере также можно было говорить о направленности умысла виновного на убийство (судя по количеству нанесенных ранений). Однако суд расценил это как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, поскольку ранения были нанесены не в жизненно важные органы. Кроме того, суд учитывал и взаимоотношения между виновным и потерпевшим, которые имели место быть до совершения преступных деяний. Так, например, в уголовном деле фигурируют следующие обстоятельства: Он и Плотникова Л. М. проживали в браке с 1973 г. р., в браке у них родилось четверо детей. Он на протяжении всей взрослой жизни злоупотреблял спиртными напитками, Плотникова Л. М. начала злоупотреблять спиртными напитками, когда дети уже были взрослыми. Плотникова Л. М. была очень сложным человеком, у неё был довольно скверный характер, была очень эмоциональна, на незначительные ситуации Плотникова Л. М. реагировала очень бурно, сразу взрывалась, кричала и оскорбляла его и долго не могла успокоиться. На протяжении всей его с Плотниковой Л. М. совместной жизни они очень часто

ругались, при этом он мог применить в отношении Плотниковой Л. М. физическую силу [4].

Были учтены и причины возникновения конфликта. Так, из материалов дела следует, что Плотникова Л. М. начала на него кричать, предъявляла ему претензии из-за того, что он ушёл из дома и не предупредил её, т. к. считала, что он употреблял спиртные напитки у своих знакомых. Плотникова Л. М., находилась в состоянии алкогольного опьянения, поскольку за ночь Плотникова Л. М. употребила бутылку портвейна. Он попросил, чтобы Плотникова Л. М. дала ему выпить водки, но последняя отказала ему, сказала, что ей одной хватит бутылки на весь день. Он начал злиться на Плотникову Л. М., так как он выполнял все её просьбы, несколько раз ходил в магазин и в другие места за водкой, а та отказала ему в его просьбе, при этом у него были свои спиртные напитки, которые он употреблял в течение дня и находился в состоянии алкогольного опьянения. Из-за того, что Плотникова Л. М. ему отказала, он сильно злился на неё. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, он взял в ящике шкафа универсальную отвертку, т. к. железная часть отвертки переворачивалась и вставлялась в ручку светлого цвета, и решил проучить Плотникову Л. М.

Кроме того, были заслушаны и показания свидетелей [4].

Соответственно, наличие брака между виновным и потерпевшей, сложившиеся взаимоотношения, обстановка, при которой совершены преступные деяния, а также локализация ранений в данном случае имели решающее значение для квалификации действий виновного по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а не ст. 105 УК РФ.

Возвращаясь к субъективной стороне рассматриваемых деяний следует отметить, что убийство совершается только с умышленной формой вины. Тогда как второй рассматриваемый нами состав совершается с умышленной формой вины только в отношении причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему (отношение к смерти потерпевшего выражается в форме неосторожности). Именно поэтому направленность умысла положена в основу при разграничении ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ [2].

На практике часто происходит перекалфикация с одного состава преступления на другой. Например, в одном из примеров сам государственный обвинитель просил перекалфицировать действия виновного с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, а суд согласился с позицией прокурора [3]. Как правило, убийство в таких случаях не находит своего подтверждения в ходе судебного разбирательства. Т. е. все материалы по делу, показания свидетелей свидетельствуют о том, что умысел виновного был направлен именно на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей. Например, в одном из примеров виновное лицо нанесло потерпевшему удар ножом в область живота. Однако суд указал, что об отсутствии у Вневского умысла на убийство С. свидетельствует его поведение, предшествующее преступлению и последующее [3].

Кроме того, во внимание были приняты следующие обстоятельства. Подсудимый Веневский В.А. в судебном заседании виновным себя в совершении преступления не признал, показал, что в родительский день 2020 года он был немного выпивший, взял у своей сестры 100 рублей и пошёл за водкой к женщине по прозвищу М. Поскольку водка стоила 150 рублей, С., которую он в тот вечер впервые встретил у М. добавила ему 50 рублей и предложила совместно выпить. С.С. они сначала сели возле подъезда и начали распивать, однако, М. их прогнала. По просьбе С. он пошел провожать последнюю до дома. По пути они заходили в магазин «555», где С. купила сигареты и яблоко, после чего они пошли домой к С. Время было вечернее, на улице было темно. В квартире С. они продолжили вдвоем распивать спиртное, курили. С. стала к нему приставать, он ей отказал. С. стала кричать на него, оскорблять, начала распускать руки — хаотично махала руками, попадая по нему. Он не вытерпел, хотел напугать С., уйти из её квартиры, взял со стола, за которым в тот момент он и С. сидели, кухонный нож и ткнул им сидящую за столом С. в область живота. С. продолжала сидеть также за столом, ругалась на него, а он встал из-за стола и ушёл из квартиры С. Полагает, что смерть С. не могла наступить от его действий, поскольку фактически удара и не было, он ткнул С. ножом не сильно, на момент его ухода С. была жива [3].

Данные обстоятельства и были положены в основу при переквалификации преступных деяний.

Следует отметить, что примеров, связанных с переквалификацией со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ достаточно много. Суды, исследовав более тщательно обстоятельства дела, показания свидетелей и иные представленные доказательства, не усматривают умысла на причинение смерти потерпевшему лицу, поэтому квалифицируют по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Соответственно, наказание виновного лица будет менее строгим, чем по ст. 105 УК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день до сих пор актуальным является вопрос о разграничении ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Несмотря на то, что данный вопрос был предметом многочисленных исследований, по данным составам накоплен богатый опыт правоприменителей, на практике до сих пор имеются сложности при квалификации таких преступных деяний. Безусловно, что позиция Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу и на сей день служит «маяком» при разграничении указанных составов. При этом на практике все равно часто происходит переквалификация действий виновного со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ и наоборот. Каких-либо единых правил на данный счет нельзя создать, поскольку каждое преступление является индивидуальным и разграничить такие составы можно только с учетом всех обстоятельств по уголовному делу, а решающее значение имеет направленность умысла виновного лица.

Литература:

1. Козинев, В.Р. К вопросу о разграничении квалификации преступлений, предусмотренных Ч. 1 ст. 105 УК РФ и Ч. 4 ст. 111 УК РФ/В.Р. Козинев, А.В. Нарышкина, К.В. Степанова // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: сборник избранных статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 июня 2021 года. — Санкт-Петербург, 2021. — с. 181-183.
2. Постановление Пленума Верховного Суда от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 1999.
3. Приговор Оловянинского районного суда от 17.11.2020 по делу № 1-215/2020 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/LXjiM8kmpLly/> (дата обращения: 22.10.2021).
4. Приговор Чесменского районного суда от 03.03.2021 по делу № 1-20/2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/dRBexANI8Llh/> (дата обращения: 22.10.2021).
5. Приговор Шиловского районного суда от 30.03.2021 по делу № 1-37/2021 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/WKfRyrjuHwgT/> (дата обращения: 22.10.2021).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов

Фролов Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с антикоррупционной экспертизой нормативно-правовых актов. Рассматривается понятие коррупции и антикоррупционной экспертизы, определяется сущность последней. Автор особое внимание уделяет органам прокуратуры, как субъектам проведения данного вида экспертизы. Рассматриваются проблемные аспекты, связанные с исполнением требований прокурора. Выявляются проблемы правового регулирования по данному вопросу и предлагаются пути совершенствования действующего законодательства.

Особенно актуальным направлением государственной политики Российской Федерации на сегодняшний день является предотвращение коррупции. Особое внимание уделяется этому направлению при изложении тех или иных положений нормативно-правовых актов. Дело в том, что действующее законодательство имеет в себе отдельные нормы, которые фактически способствуют появлению коррупционных правонарушений. Данные обстоятельства предопределяют необходимость существования мер противодействующего характера коррупционным проявлениям. Одним из таких направлений является проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, особое значение при проведении которой отводится органам прокуратуры. Вместе с тем правовая регламентация отдельных положений, связанных с проведением антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры, является не совершенной и нуждается в редакции. Данные обстоятельства предопределяют необходимость проведения исследования по избранной теме для научной статьи.

Следует отметить, что легальное определение указанной дефиниции мы можем обнаружить в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [5]. Однако определение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов мы не найдем в действующем правовом регулировании. В связи с этим для более содержательного понимания данного направления рассмотрим понятие, которое дается в научной литературе.

Так, под антикоррупционной экспертизой следует понимать «оценку проекта НПА с точки зрения его соответствия правовым принципам; правильности использования правовых категорий; соотношения проектируемых решений с другими актами, включая договоры и соглашения России с иностранными государствами, а также признаваемые Российской Федерацией международно-правовые акты, и внутренней их последовательности; обеспечение системности законодательства» [1, с. 24].

Главной целью антикоррупционной экспертизы является выявление и устранение ошибок, включенных в них коррупциогенных факторов, способствующих возникновению и распространению коррупции. Более того коррупциогенные факторы образуют недостатки

законодательства: его пробелы, противоречивость, нечетливость изложения норм, искажение правовой компетенции и другие факторы. Формальное применение или строгое соблюдение правовых норм, подверженных таким факторам несовершенства их изложения, проявляется в совершении узаконенных действий (бездействия) правоприменителя — не в последнюю очередь для целей приобретения личных коррупционных выгод.

Проанализированные определения из научной среды рассматриваемого вида экспертизы позволяют выявить ряд характерных признаков, присущих антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов:

- Специальный субъектный состав лиц, имеющих право проводить такую экспертизу;
- Антикоррупционная экспертиза имеет своей целью выявление факторов, способствующих проявлению коррупции;
- Антикоррупционная экспертиза проводится на этапе подготовки нормативных правовых актов для достижения вышеуказанной цели.

Правовая регламентация антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов осуществляется Федеральным законом от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3]. При этом, как уже было отмечено, при проведении данного вида экспертизы важную роль играют органы прокуратуры. Это, в частности, следует из ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4], которая устанавливает особенности проведения такой экспертизы. Правовое регулирование проведения антикоррупционной экспертизы осуществляется рядом и подзаконных нормативно-правовых актов, а именно Приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 400 от 28 декабря 2009 года «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов», а также Методикой проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации.

На сегодняшний день имеется ряд проблемных аспектов, которые препятствуют более эффективному проведению антикоррупционной экспертизы норматив-

но-правовых актов органами прокуратуры. В первую очередь, обозначенные нами далее коллизии вызваны несовершенством правового регулирования по вопросам, которые являются предметом настоящего исследования. В связи с этим далее пойдет речь о проблемах, которые вызваны неоднозначным законодательным подходом при решении отдельных вопросов, связанных с антикоррупционной экспертизой нормативно-правовых актов органами прокуратуры, и, соответственно, с целью решения выявленных нами коллизий будут предложены пути, направленные на совершенствование действующего законодательства, которые разрешат ряд проблем.

Так, прокурор проводит проверку нормативно-правового акта и в случае выявления в нем положений, которые носят коррупционный характер, он выносит требование об изменении нормативного правового акта с целью исключения выявленных коррупциогенных факторов.

Следует отметить, что требование прокурора подлежит обязательному рассмотрению на ближайшем заседании соответствующего органа и учитывается в установленном порядке органом, который издал этот акт, в соответствии с его компетенцией.

Вместе с тем проблемным аспектом является то, что на практике зачастую такое ближайшее заседание откладывается на достаточно длительное время. Соответственно, такой нормативно-правовой акт продолжает свое действие и может повлечь совершение коррупционных правонарушений, злоупотреблений правами. На наш взгляд, решением данной проблемы может быть предоставление прокурору права требования созыва внеочередной сессии законодательного (представительного) органа и указания срока, в течение которого оно должно быть проведено. Представляется, что данное замечание должно найти свое законодательное правовое решение. В связи с этим существует необходимость по внесению соответствующих изменений в действующее правовое регулирование.

Не менее важной проблемой следует назвать обязательность исполнения требования об изменении нормативного правового акта с целью исключения выявленных коррупциогенных факторов. К сожалению, на практике имеются случаи отклонения требования прокурора об изменении нормативного правового акта, предъявленного в связи с выявлением в нем коррупциогенных факторов. В первую очередь, это вызвано несовершенством правового регулирования данного вопроса. Речь идет о том, что толкование положений ч. 1 ст. 4 «Об антикор-

рупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и п. 2 ст. 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» позволяет сделать вывод о наличии альтернативы, а именно возможности применения как требования об изменении нормативного правового акта, так и обращения в суд. В то же время согласно п. 1.7 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 400 от 28 декабря 2009 года «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» право на обращение в суд предусмотрено в случае отклонения требования прокурора об изменении нормативного правового акта [2]. В данном приказе прокурорам рекомендовано прежде, чем обращаться в суд, внести требование и только после его отклонения применять судебный порядок судебного оспаривания коррупциогенного нормативного правового акта.

Представляется, что это достаточно серьезный пробел в правовом регулировании, который нуждается в устранении. На наш взгляд, не должно быть возможности или отклонения требования прокурора об изменении нормативного правового акта, или с момента, когда прокурор выносит соответствующее требование в отношении нормативно-правового акта или его отдельных положений, он должен прекращать свое действие до момента устранения положений, имеющих коррупционный характер.

Таким образом, ключевое значение в проведении антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов отводится органам прокуратуры. Вместе с тем на практике при реализации полномочий прокурорами в данном направлении зачастую возникают отдельные проблемы, которые нами были затронуты в ходе настоящего исследования. К примеру, в настоящее время при прямом толковании положений действующего законодательства можно говорить о том, что требование прокурора является необязательным к исполнению. На наш взгляд, это неправильно. При этом возможность отклонения требования прокурора дает возможность для действия положений нормативно-правового акта с коррупциогенными факторами, которые способствуют различным злоупотреблениям прав и развитию коррупционных правонарушений. В связи с этим, с целью разрешения проблемных аспектов представляется необходимым внести соответствующие изменения в действующее законодательство с целью создания условий для более эффективного проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органами прокуратуры.

Литература:

1. Александрова, Н.В. Антикоррупционная экспертиза в системе правовой экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2019. № 3 (18). с. 22-28.
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // Законность. № 4. 2010.

3. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. ст. 3609.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. ст. 4472.
5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). ст. 6228.

Организация работы по надзору за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами местного самоуправления

Фролов Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с организацией работы по надзору за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами местного самоуправления. Автор рассматривает правовое регулирование данного направления прокурорского надзора. Во внимание берутся проблемные аспекты, связанные с реализацией данной деятельности органами прокуратуры, и предлагаются пути совершенствования действующего законодательства в аспекте темы исследования.

Прокуратура представляет собой особую государственную структуру, которая осуществляет надзор за исполнением законов на территории Российской Федерации. При этом одним из достаточно важных и в то же время проблематических направлений является надзор за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами местного самоуправления. На сегодняшний день в правовом регулировании данной деятельности имеется ряд проблемных аспектов, которые нуждаются не только в доктринальном исследовании, но и в предложении авторских путей по совершенствованию действующего законодательства. В связи с этим представляется, что выбранная тема для настоящей научной статьи является актуальной и востребованной для исследования.

Следует отметить, что правовое регулирование прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления состоит из ряда нормативно-правовых актов. В первую очередь речь идет о Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3], а также о ряде Приказов, исходящих от Генеральной прокуратуры РФ. Иными словами, мы имеем на сегодняшний день многоступенчатое и не кодифицированное правовое регулирование обозначенной сферы деятельности прокурорского надзора. При этом особое значение занимает Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [2]. С целью реализации положений данного Приказа органами прокуратуры применяется ряд мер в данной сфере деятельности.

Так, прокуроры должны участвовать в процессе деятельности, связанной с подготовкой нормативно-правовых актов, исходящих от органов местного самоуправления. Речь идет о проверке таких актов на наличие коррупционных положений.

Согласно ст. 7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» «прокуроры субъекта Российской Федерации, города, района, приравненные к ним прокуроры, их заместители и по их поручению другие прокуроры вправе присутствовать на заседаниях представительных и исполнительных органов местного самоуправления соответствующего и нижестоящего уровней. При обсуждении проектов прокурор обязан высказать свои замечания и мнение о законности принимаемого акта».

Увеличение количества выявленных органами прокуратуры нормативных правовых актов, не соответствующих требованиям законодательства или содержащих коррупционные факторы свидетельствует о том, что органы местного самоуправления не исполняют соглашения, а также нормативные правовые акты, в части своевременного и полного направления нормативных правовых актов и их проектов для изучения в прокуратуру.

Одной из причин ненаправления органами местного самоуправления в прокуратуру нормативных правовых актов является то, что органы власти и органы прокуратуры расходятся во мнении, какие правовые акты относить к нормативным. В настоящее время понятие нормативного правового акта на законодательном уровне не закреплено [1, с. 130].

Следует также отметить, что зачастую проблематично реализовать положения, связанные с участием прокурора в заседании представительного органа. Проблема

обусловлена, например, удаленностью некоторых населенных пунктов, одновременным назначением таких заседаний в нескольких населенных пунктах. Прокурор, к сожалению, не всегда может в таком случае принять участие. В свою очередь, отсутствие прокурора на заседании отражается и на возможном принятии незаконного правового акта, с наличием положений коррупционного характера.

Кроме того, на федеральном уровне за органами местного самоуправления обязанность направлять нормативные акты в прокуратуру для изучения не закреплена, что влечет избежание привлечения к какой-либо ответственности должностных лиц за непредставление нормативного акта в прокуратуру.

В ряде субъектов РФ начинается распространение практика, когда органы прокуратуры включаются в число обязательных адресатов, которым предварительно направляются правовые акты представительных органов муниципальных образований. На наш взгляд, такое положение должно найти отражение и в федеральном законодательстве.

В связи с этим представляется необходимым внести соответствующие изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части, касающейся обязанности органов местного самоуправления согласовывать с органами прокуратуры принятие муниципальных правовых актов по основным вопросам жизнедеятельности муниципальных образований, включив органы прокуратуры в перечень обязательных адресатов, кому направляются проекты таких актов для согласования.

Безусловно, что такие изменения направлены на исключение издания незаконных нормативно-правовых актов и совершенствованию самого содержания таких актов. В связи с этим проверка законности нормативно-правовых актов является достаточно важной деятельностью и в законодательстве не должно быть лазеек для пренебрежения участием органов прокуратуры при проведении соответствующего заседания представительного органа местного самоуправления.

Нельзя также не затронуть вопрос, связанный с обязанностью прокурорских работников по изучению нормативных правовых актов в течение 30 дней после их при-

нятия или после внесения изменений в уже действующие. Прокурор может принести протест при выявлении нарушений (при несоответствии НПА закону). При этом прокурором также направляются не только замечания, но и способы их устранения.

Если данные замечания не устраняются, то работники органов прокуратуры имеют право поставить вопрос о применении ответственности к органам местного самоуправления, их должностным лицам.

Стоит указать и на иные проблемные аспекты в рассматриваемой сфере прокурорского надзора. Выявленные проблемы можно рассмотреть с точки зрения внутренних и внешних.

Так, к внутренним проблемам следует отметить, что прокуроров не так много, а нормативно-правовых актов издаются часто. В связи с этим на прокуроров идет большая нагрузка и они не всегда успевают, например, присутствовать на заседаниях представительных органов местного самоуправления, изучать все нормативно-правовые акты, издаваемые органами местного самоуправления.

К внешним проблемам можно отметить низкий уровень развития правовой культуры и правовой нигилизм, исходящий от органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления. Данная проблема имеет ряд негативных последствий.

Так, мы можем заметить, что большинство нормативно-правовых актов субъектов РФ и местного самоуправления практически идентичны, поскольку они копируют друг друга. Иными словами, являются шаблонными и не учитывают особенности каждого отдельного региона, в котором действуют. При этом в дальнейшем в таких актах даже не учитываются изменения, вносимые в федеральное законодательство. Следствием становится то, что нормативно-правовые акты субъектов РФ и местного самоуправления начинают противоречить законам, действующим на федеральном уровне.

Таким образом, организация работы по надзору за законностью нормативных правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами местного самоуправления, имеет ряд проблемных аспектов, которые нуждаются в решении посредством внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Литература:

1. Михайличенко, Т. Н. Проблемы прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Вопросы современной юриспруденции. 2017. № 3-4 (65). с. 128-132.
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. ст. 4472.

Некоторые проблемы соблюдения прав и интересов ребёнка при лишении его родителей родительских прав

Худи Мария Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Пономарева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье исследуются проблемы внедрения в процесс лишения родительских прав испытательного срока (по аналогии со сроком примирения при разводе супругов). Обосновывается целесообразность того, что многие родители ещё на стадии судебного разбирательства могут заявить и начать процесс исправления.

Ключевые слова: семья, лишение родительских прав, дети, супруги, муж, жена, семейное право, семейный кодекс

Some problems of observing the rights and interests of the child when depriving of his parents parental rights

Khudi Mariya Aleksandrovna, student master's degree
Scientific adviser: Ponomareva Yelena Vladimirovna, candidate of legal sciences, associate professor
Tyumen State University

The article examines the problems of introducing a probationary period into the process of deprivation of parental rights (by analogy with the period of reconciliation in a divorce). The expediency is substantiated that many parents, even at the stage of the trial, can declare and begin the correction process.

Keywords: family, deprivation of parental rights, children, spouses, husband, wife, family law, family code

Лишение родительских прав — это крайний и исключительный способ воздействовать на семейно-правовые отношения с целью защитить права и интересы ребёнка. В связи с этим многие случаи, когда суд лишил родителей прав, вызывают споры среди исследователей и практиков. Поэтому в науке семейного права высказываются предложения о том, чтобы перед тем, как лишать родительских прав, применять другие, менее суровые меры для исправления родителя (родителей) [4].

Так, отдельными исследователями предлагается внедрить в процесс лишения родительских прав испытательный срок (по аналогии со сроком примирения при разводе супругов). Они обосновывают целесообразность этого тем, что многие родители ещё на стадии судебного разбирательства могут заявить и начать процесс исправления. Например, приступить к прохождению курса лечения от алкоголизма.

В частности, по мнению А. М. Нечаевой, в подобных случаях можно отложить слушание дела или даже приостановить его на время предполагаемого лечения [6]. Близкая позиция у Ю. Ф. Беспалова, по мнению которого суду должно быть предоставлено право в необходимых случаях устанавливать испытательный срок до одного года перед принятием решения о лишении родительских прав. Им к числу оснований для испытательного срока предлагается отнести улучшение отношения к детям во время рассмотрения дела в суде, начало добровольного лечения родителей от алкоголизма, от наркомании и т. п. [2].

Е. В. Ерохина, в свою очередь, не поддерживает такого рода предложения. С ней следует согласиться, потому что цель лишения родительских прав — не исправление родителей, а прежде всего защита прав и интересов ребёнка. Очевидно, что даже начало исправления родителя не гарантирует, что ребёнку не будет угрожать опасность. Кроме того, в случае, если родитель на самом деле сможет исправить свои поведение и образ жизни, то он вправе воспользоваться возможностью восстановить свои родительские права.

Тем не менее, следует согласиться с тем, что в некоторых случаях, формально подпадающих под основание для лишения родительских прав, прибегать к рассматриваемой мере нецелесообразно. Кроме того, можно встретить ситуации, когда суд не может лишить родителей родительских прав, однако необходимость повлиять на них однозначно имеется. В связи с этим вызывают интерес идеи исследователей о включении в СК РФ такой меры, как предупреждение родителя (родителей).

Так, по мнению П. Н. Мардахаевой, суд следует наделять возможностью выносить предупреждение, если он, рассматривая иск о лишении родительских прав, не обнаружил достаточных оснований для его удовлетворения [3].

С. А. Муратова, соглашаясь с этой идеей, развивает её. Она полагает, что необходимо реагировать на поведение родителей, которое граничит с противоправным, но не влечёт лишения родительских прав. Исследователь

предлагает дополнить СК РФ не только предупреждением родителей, но и уточнить, что совершение родителем (родителями) деяний, предусмотренных в ст. 69 СК РФ, в течение одного года со дня вынесения в его (их) адрес предупреждения, является основанием для удовлетворения иска о лишении родительских прав [5].

С одной стороны, нужно поддержать идею о том, что лишение родительских прав целесообразно не во всех случаях. Поэтому предлагается закрепить за судом возможность выносить предупреждение в отношении родителей по поводу ненадлежащего исполнения или уклонения ими от своих родительских обязанностей.

С другой стороны, само по себе такое предупреждение маловероятно будет эффективно воздействовать на родителей. Несомненно, оно обладает силой морального публичного воздействия на родителя. Однако реального механизма для непосредственной защиты прав и интересов ребёнка оно, скорее всего, не несёт.

Поэтому следует согласиться с рассматриваемой идеей, но уточнить, что предупреждение может быть вынесено лишь в тех случаях, когда угроза жизни или здоровью ребёнка отсутствует. Кроме того, суд можно наделить дополнительной возможностью принимать решение о взыскании алиментов в пользу ребёнка.

Среди исследователей нет однозначного мнения насчёт того, кто может подавать иск о лишении родительских прав. В п. 1 ст. 70 СК РФ содержится их перечень, но он не полный, так как есть указание на «другие» органы и организации, занимающиеся охраной прав детей.

Исследователи предлагают разные способы уточнения или расширения этого перечня. Так, Е. А. Фомина предлагает дополнить его правозащитными организациями.

Е. В. Ерохина полагает, что составление чёткого перечня органов и организаций целесообразно. В настоящее время существует большое количество организаций, занимающихся защитой прав, в том числе и детей, однако полномочиями на инициации лишения родительских прав должны обладать только определённые государственные учреждения. Это нужно для того, чтобы исследуемая мера семейно-правовой ответственности исполнялась исключительно в рамках выполнения профессиональных обязанностей, т. е. компетентными органами и должностными лицами.

Также можно встретить точки зрения, согласно которым в данные учреждения можно включить любые психологические службы, медицинские центры, школьные

и дошкольные учреждения, а также указанные выше правозащитные организации.

Однако к этому следует отнестись скептически. Дело в том, что слишком широкий перечень субъектов, которые могут иметь право подавать соответствующие иски, сам по себе не будет означать повышения качества такой защиты. А некоторые субъекты вовсе не обладают необходимыми полномочиями и возможностями. Так, правозащитные организации, в отличие от прокурора, не могут проверить и подготовить материалы дела для суда, и т. п. Более того, все вышеперечисленные учреждения при получении сообщений о нарушении прав ребёнка его родителями, могут обратиться в органы опеки и попечительства, которые, в свою очередь, воспользуются своим процессуальным правом на иск.

Ещё один спорный вопрос, связанный с подачей иска, — отсутствие ребёнка в списке лиц, имеющих право инициировать дело о лишении родительских прав. По мнению Н. А. Аблятиповой и Т. Г. Подвезной, это противоречит п. 2 ст. 56 СК РФ, так как возникает ситуация, при которой выяснение мнения ребёнка, достигшего возраста 14 лет, является обязательным, но обратиться в суд самостоятельно он не имеет права [1].

С одной стороны, родители могут уклоняться от выполнения своих обязанностей или злоупотреблять своими правами таким образом, что нарушение станет очевидным для органов опеки и попечительства или других лиц не сразу. То есть только ребёнок может быть в курсе факта нарушения. С другой стороны, сам ребёнок может манипулировать своими родителями, угрожать им подачей иска в суд, что является следствием незрелой психики, присущего подросткам максимализма, особенностями социальной среды.

Думается, что п. 1 ст. 70 СК РФ следует изменить следующим образом. Что касается права ребёнка на подачу иска, то следует отталкиваться от п. 2 ст. 56 СК РФ, дающей ему право обратиться в суд с иском заявлением по достижении 14 лет.

Что касается перечня органов, то предлагается оставить его открытым, так как система органов опеки и попечительства, а также других органов, занимающихся вопросами детства, может меняться. Тем не менее, предлагается всё-таки указать Уполномоченного по правам ребёнка как лицо, имеющего право подавать иск о лишении родительских прав. Соответственно, в Федеральном законе от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребёнка в Российской Федерации» нужно отразить аналогичное право (в ст. 6).

Литература:

1. Аблятипова, Н. А. Проблемы процессуального участия органов опеки и попечительства в делах о лишении родительских прав как способа защиты несовершеннолетних детей/Н. А. Аблятипова, Т. Г. Подвезная // Общество и право. — 2019. — № 3 (69). — № 168-175.
2. Беспалов, Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав/Ю. Ф. Беспалов // Журнал российского права. — 2014. — № 2. — с. 45-51.

3. Ерохина, Е. В. Лишение и восстановление родительских прав: учебное пособие/Е. В. Ерохина. — Оренбург: ОГУ, 2017. — 138 с.
4. Мартиросян, С. А. Проблемы, возникающие при лишении родительских прав/С. А. Мартиросян // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2020. — № 7-6 (63). — с. 93-99.
5. Муратова, С. А. Семейное право: учебник/С. А. Муратова. — М.: Норма: Инфра-М, 2019. — 368 с.
6. Нечаева, А. М. Семейное право Российской Федерации: учебник/А. М. Нечаева. — М.: Юрайт, 2019. — 294 с.

Электронное правосудие: проблемы, тренды, перспективы

Худяков Игорь Юрьевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает концепт электронного правосудия в контексте судебной реформы, реализуемой в Российской Федерации. Предлагается концептуализировать на доктринальном уровне, оперативно разработать и включить в рамки Закона нормативное определение (норму-дефиницию) понятия «электронное правосудие».

Ключевые слова: электронное правосудие; электронный документ; транспарентность судопроизводства; системы искусственного интеллекта.

Electronic justice: problems, trends, prospects

In the article, the author examines the concept of electronic justice in the context of the judicial reform being implemented in the Russian Federation. It is proposed to conceptualize at the doctrinal level, to quickly develop and include in the framework of the Law a normative definition (norm-definition) of the concept of «electronic justice».

Key words: e-justice; electronic document; transparency of legal proceedings; artificial intelligence systems.

Актуальный характер проблематики электронного правосудия не вызывает сомнений с учетом тех колоссальных трансформаций, которые цифровизация привнесла в целом в действующие правовые порядки по всему миру и в системы судопроизводства, в частности. Насыщение судебных систем ИТ-инструментарием — очевидный и глобальный тренд последних десятилетий.

Перечень преимуществ интенсивной апробации электронного правосудия широко известен. Активное внедрение цифровых и информационных технологий стимулирует повышение транспарентности в гражданском процессе, существенно экономит кадровые, темпоральные, материально-технические, транспортные издержки всех участников судопроизводства, упрощает и ускоряет отправление правосудия. Кроме того, цифровизация способна наконец-то решить уже набившую оскомину проблему радикального снижения нагрузки на современного судью, освободив его от необходимости тратить время и заниматься рутинными делами. Минимизация личных коммуникаций между судьей и участниками процесса, а в идеале — их полное исключение, столь неизбежное при применении электронного правосудия, значительно снижает коррупционные риски. Кроме того, искусственный разум воистину беспристрастен и непредвзят, ему чужды человеческая эмоциональность, субъективизм, колебания настроений, политические и иные пристрастия.

Комплексный процесс применения цифрового инструментария в судебной системе получил наименование электронного правосудия. Несмотря на отсутствие официальной нормы-дефиниции, в доктринальных источниках сложилось в целом консенсусное понимание концепта электронного правосудия как ряда последовательных мероприятий, функционально-целевое предназначение которых связано с внедрением «электронно-цифровых» и информационно-коммуникационных элементов в российское судопроизводство, включая материально-техническое оснащение судов, способное надлежаще обеспечить бесперебойное функционирование соответствующих программных продуктов и коммуникационно-информационных технологий [1; с. 33]. То есть электронное правосудие суть закономерный итог цифровизации и дигитализации системы отправления правосудия [4; с. 207-208].

Вместе с тем артикулируем внимание на наличие узких и широких подходов к рассматриваемому концепту. В узком значении электронное правосудие рассматривается рядом учёных-процессуалистов как наличие у участников судопроизводства, включая, прежде всего, судебные органы, законодательно предусмотренной возможности реализовать свои субъективные права и обязанности помимо традиционного порядка — также и в электронных форматах [2; с. 107]. Тем самым речь идёт об оформлении

процессуальных действий в цифровой (электронной) форме.

С позиций адептов широкого подхода концепт электронного правосудия дефинируется через многоуровневую систему инструментов, охватывающую разнообразные автоматизированные информационно-коммуникационные средства, позволяющие заинтересованным лицам совершать процессуальные действия в электронных форматах [3; с. 35].

Кроме того, в последние годы концепт электронного правосудия все активнее предлагают дополнить различные элементами т.н. artificial intelligence (ИИ, искусственный интеллект), способного к саморазвитию и отчасти имитирующего когнитивный функционал человеческого мозга. Подобные практики уже апробируются в зарубежных правовых порядках [5; с. 212]. В частности, в США компьютерные программы, использующие компоненты ИИ уже рассматривают (и разрешают) несложные кейсы, требующие в большей степени формально-догматических подходов, основанных на применении простых логических силлогизмов [1; с. 35]. В странах Прибалтики и Скандинавии, а также — во Франции, КНР, Сингапуре запущено пробное тестирование роботов-судей, выносящих решения в области цивилистических споров различных категорий.

Думается, обращение к потенциалу ИИ для совершенствования судебных системы следует только приветствовать. С учётом колоссальных возможностей ИИ по оперативному анализу и обработке нормативных материалов, на первоначальном этапе этот механизм может быть востребован, в частности, для оказания информационно-консультативной поддержки российским судьям при рассмотрении и вынесении судебных споров, а впо-

следствии — и как некий «заменитель» судьи при разрешении наиболее простых и типизированных (рутинных) судебных кейсов. Главный вопрос, который в этом контексте предстоит решить доктрине и практике в обозримом будущем, связан с правовым статусом судебного робота [5; с. 214].

Разумеется, в тех вопросах, где от судьи требуется не механическое правоприменение, но творческое развитие судебной аргументации, зачастую — с обращением к неправовым «материям» (напр., справедливость, эффективность, нравственные установки и т.п.), применением аналогии права, оперированием правовых ценностей и т.д. машина заменить человека пока еще не способна, так как она пока не способна выходить за рамки заложенных программой алгоритмов. Цифровой судья не обладает личностью, а значит — не имеет собственных убеждений, позволяющей человеку-судье находить ответ на вопрос даже в самых сложных, казалось бы даже неразрешимых ситуациях. В любом случае замена человека на робота в системе судопроизводства — дело далекого будущего. Но при разрешении типичных кейсов, особенно — в случае отсутствия спора о праве, применение ИИ будет вполне оправданно.

В заключение обратим внимание на отсутствие в действующем процессуальном законодательстве официальной дефиниции концепта электронного правосудия. Такое положение следует рассматривать как серьёзный пробел, провоцирующий юридические конфликты и разнонаправленные интерпретации. В этом контексте требуется концептуализировать на доктринальном уровне, оперативно разработать и включить в рамки Закона нормативное определение (норму-дефиницию) понятия «электронное правосудие».

Литература:

1. Борисова, Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России / Л. В. Борисова // Право и цифровая экономика. — 2020. № 2. — с. 32-35.
2. Борисова, Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л. В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — с. 105-111.
3. Валеев, Д. Х., Базилевских Е. В. Система нормативных регуляторов «электронного правосудия» / Д. Х. Валеев, Е. В. Базилевских // Российская юстиция. — 2019. — № 8. — с. 34-36.
4. Гертнер, А. В. К вопросу о концепте электронного правосудия в Российской Федерации / А. В. Гертнер // Молодой ученый. — 2020. — № 49 (339). — с. 207-211.
5. Гертнер, А. В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в системе электронного правосудия: pro et contra / А. В. Гертнер. // Молодой ученый. — 2020. — № 49 (339). — с. 211-215.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве

Цунаева Диана Фикретовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Уголовный кодекс Российской Федерации за время своего действия непрерывно изменялся в соответствии с постоянно возникающими новыми реалиями общественной жизни и необходимостью в связи с этим обеспечить правовую защиту интересов граждан и государства в той или иной сфере. Тем не менее, многие вопросы до сих пор остаются открытыми и требуют основательной проработки.

Изучение и анализ законодательств зарубежных государств, выявление их преимуществ и недостатков образуют основу для наиболее рациональных правовых решений. Благодаря исследованиям зарубежного уголовного права появляется значительное число вполне аргументированных предложений по совершенствованию действующих норм уголовного права вообще и в том числе норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. [12, с. 22]

Уголовные кодексы практически всех стран мира, прежде всего, относят к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, необходимую оборону и крайнюю необходимость. Так, например, в уголовном кодексе Китайской Народной Республики только они и предусмотрены среди указанных обстоятельств. УК РСФСР 1960 года также включал только два таких обстоятельства в качестве правомерных при причинении вреда (ст. 13, 14 УК РСФСР).

В действующем УК РФ список обстоятельств, исключающих преступность деяния, перечисленных в главе 8, значительно расширен. Как и в уголовных кодексах многих стран СНГ в него входят обстоятельства, указанные в Модельном уголовном кодексе для государств — участников СНГ (17.02.1996), а именно: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, крайняя необходимость, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения. Формулировка соответствующих статей в УК РФ также значительно приближена к содержанию статей Модельного кодекса.

В УК РФ, кроме прочего, есть норма, относящая физическое или психическое принуждение к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. В УК Республики Беларусь такого обстоятельства нет: скорее всего, законодатель не счел необходимым выделять подобную норму отдельно, ведь, по сути, совершение деяния в ситуации физического или психического принуждения есть не то иное, как совершение преступления в условиях крайней необходимости, условиями правомерности которой являются наличие источника опасности, в том числе опасные дей-

ствия человека, причинение вреда третьим лицам, их имуществу или правоохраняемым интересам. [9] Все это также подразумевает ст. 39 УК РФ. Поэтому представляется, что, возможно, включение в УК РФ нормы о физическом или психическом принуждении, как условия правомерности преступного деяния было излишним.

А вот введение нормы аналогичной ст. 38 УК РФ «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» и ст. 35 УК РК «Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий» было бы целесообразным. Статья 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга. [7] Однако полагаем, что это должно быть закреплено на уровне Уголовного кодекса, как единственного нормативного акта, устанавливающего преступность и наказуемость деяний в Российской Федерации в соответствии со ст. 1 УК РФ. Иные федеральные законы, в случае совершения лицом вынужденного, в том числе тяжкого, преступного деяния при выполнении оперативно-розыскных мероприятий, для определения степени уголовной ответственности применяться не могут. Ст. 42 УК РФ «Исполнение приказа или распоряжения» также не охватывает вышеуказанные случаи.

Также представляется необходимым регламентировать в УК РФ обоснованность применения физической силы сотрудниками правоохранительных органов не только при задержании лица, совершившего преступление, но и при исполнении своих должностных обязанностей. Подобные нормы существуют в иных федеральных законах и ведомственных нормативных правовых актах, однако в рамках уголовного кодекса правовое обоснование указанных действий отсутствует.

Например, согласно ч. 1 ст. 19 закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сотрудник войск национальной гвардии имеет право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если не силовые способы не обеспечивают выполнения уставленных задач, для пресечения преступлений и административных правонарушений; для задержания и доставления в полицию лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых имеется

повод к возбуждению дела об административном правонарушении; для преодоления противодействия законным требованиям военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии. [6] Однако указания на пределы применения физической силы в законе отсутствуют.

Ст. 38 УК РФ регламентирует правомерность причинения вреда лишь в случае совершения преступления, правовая оценка указанным действиям в случае пресечения административного правонарушения, покушения на преступное деяние в кодексе не дается.

Если в УК РБ и УК Украины есть нормы, содержащие положения о мнимой обороне (ошибки в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния) (ст. 37), то в Уголовном кодексе России конкретной нормы не предусмотрено.

В случае ошибки относительно факта совершения преступления (например, имело место административное нарушение в виде мелкого, а не уголовно наказуемого хулиганства), либо личности задерживаемого [8, с. 131], предлагается оценка действий как мнимого задержания и причинения при этом вреда — по правилам о фактической ошибке, но всё это лишь в рамках комментариев к ст. ст. 37, 38 УК РФ, которые, как известно, значительно разнятся от автора к автору. На уровне нормы закона такие случаи не закреплены, что может порождать противоречия при оценке действий сотрудников правоохранительных органов в соответствии с Уголовным кодексом РФ и ведомственными законодательными актами.

Исследование института необходимой обороны в законодательствах европейских стран показывает, что практически ни одно из них не содержит указания о том, что право на необходимую оборону принадлежит лицу независимо от возможности избежать посягательства или прибегнуть к закону. Следовательно, лицо не имеет права на самооборону в тех случаях, когда лицо имеет возможность обратиться за помощью к правоохранительным органам и органам власти.

Уголовный кодекс РФ дает больше оснований для применения необходимой обороны, а именно вне зависимости от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам и органам власти. Указанное представляется разумным, так как в критической ситуации, человек, зачастую, не имеет времени и возможности раздумывать о способе защиты.

В европейских странах в ситуации необходимой обороны защите подлежат только личность и права защищаемого и иных лиц, в отношении которых совершается посягательство, однако объектом защиты не являются интересы общества и государства, как это установлено законодательством РФ. Однако есть и отличительные особенности, которые представляются правильными. Например, Уголовный Кодекс Франции отдельно выделяет собственность как объект защиты. Совершение умыш-

ленного убийства при пресечении преступления против собственности французским законодательством не допускается, но есть случаи, указанные в ст. 122-6 УК Франции, когда причинение любого вреда нападающему возможно: при отражении проникновения, осуществленного путем взлома, насилия или обмана, ночью в жилище, а также при защите от кражи или грабежа, совершенных с насильем. [13, с. 68]

Анализ американского законодательства, свидетельствует о том, что, прежде всего, возникает вопрос, какая сила может быть использована в случае нападения. Примерным УК США (п. I ст. 3.04) и кодексами ряда штатов установлено, что применяемая сила должна быть разумно необходимой для предотвращения причинения угрожающего вреда. Лицо может оправданно применить «несмертоносную» (обычную) силу в порядке самозащиты, если оно разумно полагает, что другое лицо вот-вот готово незаконно причинить ему телесный вред, но не тяжкий телесный вред или смерть. [10, с. 69]

В этой связи российский законодатель при отсутствии угрозы для жизни предоставил обороняющемуся лицу большую свободу, так как соразмерность защиты нападению по УК РФ не предполагает абсолютного соответствия средств нападения и защиты, а также грозящего потерпевшему и причиненного нападающему вреда. Действия обороняющегося будут расцениваться как превышение пределов необходимой обороны, только при применении средств, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Но даже при такой трактовке многие правоведы отмечают неопределенность нормы УК РФ о необходимой обороне, а именно слишком общую ее формулировку, что дает возможность для широкого судебного и следственного усмотрения. В момент внезапно сложившейся опасной ситуации человек не в состоянии думать о том, соразмерен ли вред, который он причиняет своими действиями, степени угрожающей опасности, значительнее ли он, чем предотвращенный или нет; он должен быть уверен в правомерности своих действий без оглядки на точность определения наличия реальной угрозы посягательства и на что оно направлено — жизнь, здоровье или имущество.

В этой связи, уместным представляется предложение о последовательном переходе к «перечневой» системе описания благ, при защите которых возможно причинение любого вреда посягающему: жизнь, здоровье, свобода, половая неприкосновенность, защита от противоправного насильственного вторжения в жилище, и т. п. [11, с. 195]

Таким образом, анализ зарубежной доктрины и законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, позволяет глубже понять и всесторонне оценить российское законодательство и внести предложения по его совершенствованию, перенять мировой опыт лучших правовых решений в части укрепления правовой защищенности личности.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС Консультант Плюс
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-з (по состоянию на 26.05.2021). — Текст: электронный // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&r0=Nk9900275> (дата обращения: 20.10.2021).
3. Уголовный кодекс республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (по состоянию на 03.07.2021). — Текст: электронный // Уголовный кодекс республики Казахстан: [сайт]. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 20.10.2021).
4. Примерный Уголовный кодекс США 1962 г. // Примерный уголовный кодекс (США) [Текст]: Офиц. проект. Ин-та америк. права/Перевод с англ. канд. юрид. наук А. С. Никифорова; Под ред. и с предисл. [с. 5-30] д-ра юрид. наук Б. С. Никифорова. — Москва: [Прогресс], 1969. — 303 с.; 21 см. // [Электронный ресурс]. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007340082>
5. Франция. Законы и постановления.
6. Уголовный кодекс Франции: Принят в 1992 г.; Вступил в силу с 1 марта 1994 г.; С изм. и доп. на 1 янв. 2002 г./Науч. редактирование Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; Пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 648 с.; 15 см. — (Законодательство зарубежных стран: ЗЗС/Ассоц. Юрид. центр) // [Электронный ресурс]. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000912817>
7. Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
8. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ (ред. От 01.07.2021) // СПС Консультант Плюс
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный). 2-е издание исправленное, дополненное и переработанное/отв. ред. канд. юрид. наук В. В. Малиновский; науч. ред. проф. А. И. Чучаев. — М.: «Контракт», 2015. — 1136 с. — Текст: непосредственный
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации постатейный. 7-е издание, переработанное и дополненное. под ред. Г. А. Есакова. — «Проспект», 2017.
11. Мусаев, М. Ш. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность в отечественном и зарубежном законодательстве/М. Ш. Мусаев. — Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2005. — № 1. — с. 67-69.
12. Никуленко, А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: специальность 12.00.08 «уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук/Никуленко Андрей Вячеславович; ФГКО УВО «Санкт-петербургский университет МВД РФ». — Санкт-Петербург, 2019. — 512 с.
13. Орехов, В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния/В. В. Орехов. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. — 217 с. — Текст: непосредственный
14. Федосова, Е. Ю. Необходимая оборона в российском уголовном праве: Дис.... кандидата юридических наук: 12.00.08/Моск. гос. лингвист. ун-т. — Москва, 2006. — 207 с. — Текст: непосредственный

Представительство — особая правовая категория

Шнайдер Людмила Анатольевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье проводится анализ юридической природы и сущности института представительства, проанализированы научные точки зрения, которые раскрывают сущностно-содержательную характеристику данного термина.

Ключевые слова: субъекты права, представительство, представитель, представляемый, судебная защита прав и интересов, оформление полномочий.

Representative — is a special law category

The article analyzes the legal nature and essence of the institution of representation and scientific points of view that reveal the essential and meaningful characteristics of this term.

Keywords: subjects of law, representation, representative, represented, judicial protection of rights and interests, registration of powers.

Актуальность предлагаемой исследования обуславливается важной практической ролью институтов представительства и доверенности в жизни граждан РФ и хозяйственной деятельности любого юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Субъекты гражданского права, как правило, самостоятельно реализуют свою правоспособность, совершая сделки и другие необходимые юридические действия. Однако в повседневной жизни управомоченные и обязанные лица не всегда могут сами осуществлять принадлежащие им гражданские права и обязанности, поскольку жизненные обстоятельства иногда этому препятствуют. Такие факты или события могут иметь как юридический, так и фактический характер. В таких случаях совершать сделки и другие юридические действия от имени субъекта и своих интересах может представитель на основании имеющихся у него полномочий.

Представительство — особая правовая категория, позволяет лицу участвовать одновременно в разных правоотношениях, расширяя тем самым свою правовую активность.

Осуществление субъективных прав и обязанностей гражданами и юридическими лицами посредством представительства имеет особую практическую значимость. Увеличивающаяся юридическая активность разных субъектов отношений требует применение института представительства, потребность в котором возникает в тогда, когда сам представляемый не может лично осуществлять свои права и обязанности. В ряде случаев к этому институту прибегают под влиянием наличия специальных знаний и квалификации представителя. Деятельность юридических лиц вообще немыслима без представительства.

Представительство в гражданском праве — это совершение сделки определенным лицом-представителем от имени другого лица — представляемого в силу наличия

у первого лица полномочий, указанных в доверенности, выданной ему вторым лицом.

Для изучения представительства вопрос о природе полномочия является одним из ключевых. Субъект прав и обязанностей, возникающих из сделки, заключённой от имени другого лица, по действующему законодательству будет определяться в зависимости от наличия или отсутствия полномочия у лица, совершившего сделку.

Значение понятия полномочия может быть различным. Так, Белкин И. Я. предложил различать полномочия в зависимости от того, обозначается ли ими:

- 1) волеизъявление представляемого, то есть акт надления лица правом осуществлять юридическую деятельность от имени представляемого, в результате которой у последнего будут возникать, изменяться и прекращаться гражданские права и обязанности, по-другому называемое уполномочием. В этом случае полномочие равнозначно доверенности как сделке;
- 2) власть, или право представителя своими действиями создавать юридические последствия для представляемого;
- 3) доверенность как письменный документ [6].

Наибольшее количество споров породило второе значение понятия полномочия, поэтому дальнейший разговор пойдёт именно о нём. Начнём с рассмотрения концепции полномочия как абсолютного субъективного права. Её основоположником является А.И. Пергамент. Свою точку зрения он основывает на положении о том, что представитель, совершая юридические действия, осуществляет своё полномочие, следовательно, полномочие не что иное, как субъективное право.

Взгляд на полномочие как на абсолютное право встречает немало возражений. Так, например, В.А. Рясенцев на раннем этапе своей деятельности по изучению полномочия не считал последнее правом вообще. Ошибочность своей точки зрения автор признает в более поздних ра-

ботах. Однако его аргументы против признания полномочия абсолютным правом следует признать справедливыми: во-первых, существует *numerus clausus* абсолютных прав; во-вторых, последние имеют своим объектом вещи или произведения духовного творчества [7].

Таким образом, основным аргументом В. А. Рясенцева является отсутствие в законодательстве указания на полномочие как на абсолютное субъективное право. Своё несогласие со взглядом А. И. Пергамента на полномочие также выразил К. И. Скловский. К вышеуказанным критическим замечаниям он добавляет следующие: во-первых, полномочие нельзя признать абсолютным субъективным правом по причине того, что для абсолютного права характерно противостояние правообладателю всех других субъектов права [8].

Во-вторых, полномочие как абсолютное право невозможно защитить в исковом порядке ввиду того, что законом не предусмотрена норма о защите полномочия. Этот аргумент перекликается с доводом о том, что полномочие не отнесено законодателем к абсолютным правам [9].

В рамках другой концепции полномочие рассматривалось как относительное субъективное право представителя. Её сторонником был О. А. Красавчиков. При этом корреспондирующей праву представителя обязанностью автор считал то, что представляемый обязан принять на себя все юридические последствия действий представителя, совершённые в пределах полномочия. Такая концепция была поддержана и другими правоведом.

Существенным недостатком такой точки зрения следует признать то, что, относя полномочие к относительным субъективным правам, оно определяется как секундарное право, что является спорным. Подробный критический разбор этого утверждения был сделан К. И. Скловским.

Остановимся лишь на основных выдвинутых аргументах. Е. Л. Невзгодина впадает в противоречие, говоря о том, что полномочие является самостоятельным правоотношением и одновременно причисляя его к секундарным правам, имеющим второстепенный, дополнительный характер. Основанием возникновения секундарных прав являются правоотношения активного типа. Между тем, по мнению Крашенинника П. В., внутренние отношения представительства таковыми не являются. Вопреки предположению автора секундарные права не могут быть осуществлены помимо воли обязанных лиц. Секундарным правам соответствует обязанность воздержания от совершения определённых действий [3, с. 53].

Наиболее оригинальной из всех рассмотренных взглядов на правовую природу полномочия представителя является теория, выдвинутая К. И. Скловским. Им были высказаны, в большинстве, своём справедливые аргументы против всех рассмотренных нами точек зрения на полномочие.

Субъективное право служит удовлетворению интереса его носителя, автор справедливо указывает на необходимость учитывать содержание представительства при вы-

яснении природы полномочия, а именно «систему интересов его участников. Однако, на наш взгляд, при этом был неверно определён круг лиц, заинтересованных в представительстве. По мнению К. И. Скловского, в этот круг входят только представляемый и третье лицо (его контрагент).

Статья 184 ГК РФ допускает одновременное коммерческое представительство разных сторон в сделке в случае согласия этих сторон, а также в других случаях, предусмотренных законом. Сам термин «коммерческое представительство» предполагает в качестве неперменного атрибута такового коммерческую заинтересованность лица, осуществляющего представительскую деятельность.

Извлечение прибыли будет являться тем экономическим интересом, который преследует коммерческий представитель, следовательно, довод о том, что представитель не имеет в представительстве интересов, имеющих правовое значение нельзя признать справедливыми. Далее автор всё же признаёт заинтересованность представителя: конечно, в жизни представитель так или иначе заинтересован в представительстве. Однако будучи сторонником точки зрения Н. В. Витрука о разделении интересов на имеющие правовое значение и не имеющие такового, К. И. Скловский относит заинтересованность представителя в представительстве к последней группе ввиду её несвязанности с имуществом последнего и с изменением его прав и обязанностей, что является, по меньшей мере, недопустимо узким пониманием правовых интересов. Основная идея тут выражается в подходе о том, что законные интересы могут быть только там, где есть правовое поле, т. е. там, где закон сформировал определенное правовое регулирование. Интересы человека, не охваченные законом, не подлежат правовой защите. К таковым незащищаемым интересам стоит отнести отношения дружбы и товарищества, правила поведения, основанные на нормах морали и нравственности и т. п.

Данная точка зрения не может не вызывать возражений, так как из всего разнообразия интересов, приводящих к возникновению правоотношений, она вычёркивает огромный пласт именно тех отношений, которые лежат вне сферы правового регулирования, но объективно существуют в жизни. В соответствии с высказанной точкой зрения получается, что все имущественные отношения, в основе которых лежал какой-либо нематериальный интерес, выпадают из сферы правового регулирования. Таким образом, можно признать недействительными все сделки, заключённые благотворительными организациями для реализации своих уставных целей [1].

Ставится под сомнение существование договора дарения и вообще любых сделок, заключение которых было обусловлено интересами дружбы, гуманности, добрососедства.

В тех случаях, когда представитель заинтересован в получении вознаграждения за осуществление указанных в полномочии действий, его интерес реализу-

ется не в представительстве, а в других правоотношениях (право поверенного на вознаграждение и т.п.). Справедливо разделять правоотношения, лежащие в основании представительства (договор поручения или трудовой договор) и само представительство [10]. Полномочия представителя, как известно, могут явствовать из обстановки, в которой он действует (кассир, продавец в магазине), могут быть определены законом или актом уполномоченного на то государственного органа либо органа местного самоуправления, но в большинстве случаев мы сталкиваемся с полномочиями, оформленными доверенностью. Доверенность действительно представляет собой самостоятельную одностороннюю сделку по наделению полномочием представителя. «Действительность доверенности, по общему правилу, не зависит от содержания того правоотношения, в связи с которым она выдана.

Это правоотношение может иметь своим основанием не только договор поручения, но и трудовой договор (чаще всего), и другие договоры. Поэтому не следует связывать доверенность с договором поручения». Однако не следует забывать, что при всей своей самостоятельности, доверенность в большинстве случаев

выдаётся на основании какого-либо правоотношения, и её цель состоит в подтверждении представителем своего права действовать по отношению к третьим лицам от имени представляемого, то есть полномочие, существующее в форме доверенности, носит лишь вспомогательный характер по отношению к основному правоотношению.

Свою специфику имеет институт судебного представительства. В юридической науке институт судебного представительства в гражданском судопроизводстве является процессуальным институтом со сложной терминологией. Несмотря на масштабную историю развития, в настоящее время этот институт имеет множество пробелов, которые затрудняют его модернизацию в соответствии с законодательством Российской Федерации. На законодательном уровне отсутствует термин «представительство», дискуссионными являются вопросы определения юридической сущности представительства, а также его места и роли в гражданском процессе; не определена персональная ответственность представителя, а соотношение понятий «воля» и «волеизъявление» на практике вызывает ряд проблем.

Литература:

1. Климова, А. С. Договорное представительство в российском гражданском праве // Юстиция. — 2019. — N 4. — с. 17-18
2. Королева, В. В. Судебное представительство в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 27 апреля 2018-228 с.
3. Крашенинников, П. В. Гражданский кодекс Российской Федерации. — М.: Статут, 2018-260 с.
4. Потапова, Л. В. Особенности института судебного представительства в цивилистическом процессе // Администратор суда. — 2021. — N 1. — с. 30-31
5. Фомина, О. Ю. Профессиональное представительство: доводы за и против // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — N 2. — с. 95-96
6. Белкин, И. Я. Представительство и доверенность: Лекция. Новосибирск, 2017., с. 11
7. Гражданское право: Учебник для вузов по специальности «Правоведение»: В 2 т./Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2018, с. 224
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный)/Отв. ред. О. Н. Садилов. М., 2017, с. 198
9. Белов, В. А. Гражданское право: Общая часть: Учебник. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2018, с. 228
10. Беспалов, Ю. Ф. Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий. Том 1. — М.: «Проспект», 2017, с. 100

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 45 (387) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 17.11.2021. Дата выхода в свет: 24.11.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.